

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

**РУКОВОДСТВО
ПО ПРЕЦЕДЕНТНОЙ ПРАКТИКЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА**

**по применению Конвенции о защите прав человека
и основных свобод**

Права заключенных

С изменениями на 31 декабря 2020 г.

COUNCIL OF EUROPE

CONSEIL DE L'EUROPE

Издателям или организациям, желающим перевести и (или) воспроизвести весь или часть настоящего документа в виде печатного или электронного издания, предлагается связаться с нами по интернет-адресу publishing@echr.coe.int для получения информации о процедуре получения разрешения.

Информация о том, какие переводы руководств по прецедентному праву в настоящее время находятся на стадии работы, представлена в разделе «[Ожидающие перевода](#)».

Настоящее руководство подготовлено службой юрисконсульта, не является обязательным для Европейского Суда по правам человека и может быть подвергнуто редакционной правке.

Настоящее руководство первоначально было составлено на английском языке и регулярно обновляется. Данный текст составлен 31 декабря 2020 г.

Руководства по прецедентному праву доступны для скачивания на интернет-сайте www.echr.coe.int (Case-law—Case-law analysis—Case law guides). За обновлениями публикаций по руководству можно следить на аккаунте Европейского Суда в Twitter по адресу: https://twitter.com/ECHR_CEDH.

Перевод на русский язык подготовлен и публикуется ООО «Развитие правовых систем» с разрешения и по договоренности с Советом Европы и Европейским Судом по правам человека и является исключительной ответственностью ООО «Развитие правовых систем».

Содержание

Комментарий для читателей	5
Введение	7
I. Общие принципы	8
II. Условия содержания заключенных	13
A. Поступление лица в пенитенциарное учреждение и его регистрация	15
B. Место содержания под стражей.....	18
C. Условия размещения.....	20
D. Вопросы гигиены.....	24
E. Одежда и постельные принадлежности.....	26
F. Питание	28
G. Прогулки и отдых	31
H. Обыски и контроль.....	32
I. Перевозка заключенных	35
III. Контакты с внешним миром	40
A. Контакты с родственниками и свидания	41
B. Право на вступление в брак	49
C. Защита различных каналов связи.....	50
IV. Охрана здоровья в пенитенциарных учреждениях	55
A. Общие принципы.....	55
B. Физические заболевания, инвалидность и пожилой возраст.....	59
C. Инфекционные заболевания.....	66
D. Охрана психического здоровья	71
E. Наркотическая зависимость	77
F. Иные вопросы, связанные с охраной здоровья.....	79
1. Пассивное курение	79
2. Голодовка.....	80

V. Поддержание порядка в пенитенциарных учреждениях.....	84
А. Применение силы	84
В. Использование средств усмирения	88
С. Применение дисциплинарных мер и взысканий	90
Д. Насилие в отношениях между заключенными.....	93
VI. Особые меры строгого режима и меры по обеспечению безопасности.....	98
А. Особые условия содержания под стражей.....	98
В. Одиночное заключение.....	103
VII. Особые категории лиц, содержащихся под стражей.....	108
А. Женщины с детьми и несовершеннолетние	108
В. Иностранцы граждане и меньшинства.....	115
С. Осужденные к пожизненному лишению свободы.....	117
VIII. Права заключенных в ходе судебного разбирательства	125
А. Возможность получать юридические консультации	125
В. Полноценное участие в судебном разбирательстве на внутригосударственном уровне	127
С. Переписка с Европейским Судом	130
IX. Свобода мысли, совести и религии	132
X. Право на свободу выражения мнения	135
XI. Привлечение заключенных к труду.....	139
XII. Принадлежащее заключенным имущество	143
XIII. Образование	145
XIV. Активное избирательное право.....	148
XV. Запрещение дискриминации.....	152
XVI. Право на эффективные внутригосударственные средства правовой защиты.....	161
XVII. Права заключенных в трансграничном контексте	167
А. Общие принципы	167
В. Риски, характерные для трансграничного контекста.....	168
Алфавитный указатель дел, на которые даны ссылки	174

КОММЕНТАРИЙ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

Настоящее руководство является частью серии руководств, опубликованных Европейским Судом по правам человека (далее – Суд, Европейский Суд или Страсбургский суд) для того, чтобы информировать юристов-практиков о фундаментальных постановлениях и решениях, вынесенных Европейским Судом. В данном руководстве анализируется и обобщается прецедентная практика по различным статьям Европейской Конвенции по правам человека (далее – Конвенция или Европейская Конвенция) в отношении прав заключенных. Его следует воспринимать вместе с руководствами по прецедентной практике по статьям Европейской Конвенции, на которые оно систематически ссылается.

Цитируемая в публикуемом руководстве судебная практика является выборочной: это ведущие, важные и/или недавно вынесенные постановления и решения¹.

Постановления и решения Европейского Суда служат не только для разрешения тех дел, которые были представлены на его рассмотрение, но в более общем значении – для разъяснения, защиты и совершенствования правил, установленных Конвенцией, тем самым способствуя соблюдению государствами обязательств, взятых ими на себя в качестве Договаривающихся Сторон (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United Kingdom*) от 18 января 1978 г., § 154, Series A, № 25, и недавно вынесенное Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Йеронович против Латвии» (*Jeronovičs v. Latvia*) от 5 июля 2016 г., жалоба № 44898/10², § 109).

Задача конвенционной системы, таким образом, заключается в том, чтобы разрешать определенные вопросы публичной политики в общих интересах, тем самым повышая стандарты защиты прав человека и распространяя практику в области прав человека во всех государствах – участниках Конвенции (см. Постановление Большой

¹ В тексте данного Руководства цитируются переводы текстов судебных актов Европейского Суда по правам человека и Европейской комиссии по правам человека, вынесенных на одном из официальных языков Суда – английском или французском. Если не указано иное, все ссылки даются на постановление по существу дела, вынесенное одной из Палат Суда. Аббревиатура *des.* отсылает к решению Европейского Суда, аббревиатура *GC* означает, что дело было рассмотрено Большой Палатой Европейского Суда. Решения Палаты Суда, которые не вступили в силу на момент составления этого обновления, отмечены звездочкой (*).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 6 (*примеч. редактора*).

Палаты Европейского Суда по делу «Константин Маркин против Российской Федерации» (*Konstantin Markin v. Russia*), § 89, жалоба № 30078/06³, § 89, *ECHR* 2012). Действительно, Европейский Суд подчеркивал роль Конвенции как «конституционного инструмента европейского публичного порядка» в области прав человека (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Авиакомпания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарэт Аноним Ширкэти” против Ирландии» (*Bosphorus Hava Yolları Turizm ve Ticaret Anonim Şirketi v. Ireland*), жалоба № 45036/98, § 156, *ECHR* 2005-VI).

³ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6 (*примеч. редактора*).

ВВЕДЕНИЕ

1. Европейскому Суду по правам человека (далее – Европейский Суд, Суд) часто приходится выносить решения по жалобам, в которых утверждается о нарушении различных статей Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в связи с обращением с заключенными, а также с ограничениями их прав или вмешательством в осуществление этих прав. Суд разработал обширную прецедентную практику, определяющую характер и объем конвенционных прав заключенных и обязанности властей в области обращения с такими лицами.

2. В настоящем Руководстве представлен обзор прецедентной практики Европейского Суда, касающейся прав заключенных. Его структура посвящена различным стадиям лишения свободы и аспектам содержания лиц в пенитенциарных учреждениях. Руководство содержит сквозной анализ прецедентной практики Европейского Суда с учетом всех соответствующих положений Конвенции, касающихся прав заключенных.

3. Для целей настоящего Руководства понятие «заключенные» охватывает в первую очередь лиц, заключенных под стражу по решению судебного органа или лишенных свободы в связи с вынесением им обвинительного приговора, но оно также может включать в себя всех остальных лиц, по той или иной причине содержащихся в пенитенциарных учреждениях. Следует отметить, что принципы, касающиеся прав заключенных, могут применяться к лицам, которые находятся в местах временного содержания под стражей или в аналогичных местах, предназначенных для использования в этих целях в течение непродолжительного времени, например в отделах полиции или центрах временного содержания иностранных граждан (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v. Croatia*) 2016 года, § 92, а также см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Грузия против Российской Федерации (I)» (*Georgia v. Russia*) (I) 2014 года, §§ 192–205, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хлаифия и другие против Италии» (*Khlaifia and Others v. Italy*) 2016 года, §§ 163–167, Постановление Европейского Суда по делу «Сакир против Греции» (*Sakir v. Greece*) 2016 года, §§ 50–53). Кроме того, эти принципы могут применяться к лицам, содержащимся в психиатрических учреждениях (см. Постановление Европейского Суда по делу «Солкан против Румынии» (*Solcan v. Romania*) 2019 года, §§ 24–29).

I. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

«Статья 3 Конвенции

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

«Статья 5 Конвенции

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

б) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

д) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

е) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

ф) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче...».

«Статья 8 Конвенции

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

4. Согласно прецедентной практике Европейского Суда Конвенция не перестает действовать за воротами места содержания под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» (*Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia*) 2013 года, § 836, Постановление Европейского Суда по делу «Клибиш против Польши» (*Klibisz v. Poland*) 2016 года, § 354). Заключенные в целом продолжают пользоваться всеми основными правами и свободами, гарантированными Конвенцией, за исключением права на личную свободу, когда законное заключение под стражу прямо попадает под действие статьи 5 Конвенции. С заключенными запрещено плохо обращаться, подвергать их бесчеловечному или унижающему достоинство наказанию или содержать их в условиях, нарушающих требования статьи 3 Конвенции. Они продолжают пользоваться правом на уважение семейной жизни, правом на свободу выражения мнения, правом исповедовать свою религию, правом полноценно пользоваться услугами адвоката, правом на доступ к правосудию для целей применения статьи 6 Конвенции, правом на уважение корреспонденции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хёрст против Соединенного Королевства (№ 2)» (*Hirst v. United Kingdom*) (№ 2) 2005 года, § 69).

5. Любые ограничения при осуществлении вышеуказанных прав должны быть обоснованны, и таким обоснованием вполне могут служить соображения безопасности, в частности предотвращение беспорядков и преступлений, которые неизбежно вытекают из обстоятельств, связанных с лишением свободы. Однако вследствие этого не возникает вопроса о том, что заключенный утрачивает свои конвенционные права лишь из-за наличия у него статуса лица, содержащегося под стражей в связи с вынесением ему обвинительного приговора (см. *ibid.*, §§ 69–70).

6. Ключевым принципом, лежащим в основе прецедентной практики Европейского Суда о правах заключенных, является необходимость обращаться со всеми лишенными свободы лицами, уважая их досто-

инство и права человека. Действительно, уважение человеческого достоинства составляет саму суть конвенционной системы защиты прав человека (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*) 2015 года, §§ 89–90), и это относится в том числе к обращению с лицами, содержащимися под стражей (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства» (*Vinter and Others v. United Kingdom*) 2013 года, § 113).

7. В частности, с уважением «достоинства» тесно связано понятие «унижающее достоинство обращение» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*), § 90). Таким образом, если обращение унижает или оскорбляет человека, демонстрирует неуважение к его человеческому достоинству, принижает его или вызывает у человека чувства страха, тоски или собственной неполноценности, способные преодолеть его моральное и физическое сопротивление, оно также может считаться унижающим достоинство обращением и попадать под действие запрета, содержащегося в статье 3 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v. Croatia*), § 98, Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» (*Ananyev and Others v. Russia*) 2012 года, § 140, Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии» (*Varga and Others v. Hungary*) 2015 года, § 70).

8. В контексте лишения свободы Европейский Суд раз за разом подчеркивал, что в любом случае причиняемые человеку страдания и унижения попадают под действие статьи 3 Конвенции только в том случае, если они превышают неизбежный уровень страданий или унижения содержащегося под стражей лица. Власти государства должны обеспечивать, чтобы человек содержался под стражей в условиях, которые отвечают требованию уважения его человеческого достоинства, чтобы способ и метод реализации этой меры не причиняли ему страданий или лишений, превышающих неизбежный уровень страданий заключенного под стражу лица, и чтобы, с учетом практических требований лишения свободы, его здоровье и благополучие были бы обеспечены надлежащим образом (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*) 2000 года, §§ 92–94, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации» (*Idalov v. Russia*) 2012 года, § 93, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v. Croatia*), § 99).

9. Даже отсутствие намерения унижить или оскорбить лишенного свободы лица, поместив его в неудовлетворительные условия, хотя этот фактор и следует принимать во внимание, не исключает окончательного вывода о нарушении статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Пирс против Греции» (*Peers v. Greece*) 2001 года, § 74, Постановление Европейского Суда по делу «Мандич и Йович против Словении» (*Mandić and Jović v. Slovenia*) 2011 года, § 80). Следовательно, вывод о том, что власти подвергли заявителя лишениям, превышающим неизбежный уровень страданий заключенного под стражу лица, и нарушили тем самым требования статьи 3 Конвенции, никоим образом не может измениться из-за отсутствия указаний на то, что власти преследовали цель унижить или оскорбить заявителя (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хельхалл против Франции» (*Helhal v. France*) 2015 года, § 63). Действительно, Европейский Суд подчеркивал, что содержащиеся под стражей лица находятся в уязвимом положении и что власти обязаны защищать их (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Руман против Бельгии» (*Rooman v. Belgium*) 2019 года, § 143).

10. В связи с этим Европейский Суд также отмечал, что власти государства-ответчика обязаны организовать свою пенитенциарную систему таким образом, чтобы обеспечить уважение достоинства содержащихся под стражей лиц, невзирая на финансовые трудности и проблемы материально-технического обеспечения мест лишения свободы (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v. Croatia*), § 99, Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии» (*Neshkov and Others v. Bulgaria*) 2015 года, § 229).

11. В своей прецедентной практике, касающейся прав заключенных, предусмотренных различными положениями Конвенции, Европейский Суд обращал особое внимание на принцип исправления осужденного, то есть на возможность его реинтеграции в общество (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мюррей против Нидерландов» (*Murray v. Netherlands*) 2016 года, § 101). Однако он отмечал, что одной из целей лишения свободы остается наказание (см. *ibid.*) и что важнейшей функцией тюремного заключения является защита общества, например, путем недопущения того, чтобы человек совершил преступление повторно, причинив тем самым еще больший ущерб (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мастроматтео против Италии» (*Mastromatteo v. Italy*) 2002 года, § 72). В то же время Суд признавал правомерную цель политики постепенной реинтеграции в общество

лиц, приговоренных к лишению свободы. С этой точки зрения он подтвердил преимущество мер, позволяющих обеспечить реинтеграцию заключенных в общество (например, временное освобождение из-под стражи), даже если эти заключенные были осуждены за совершение насильственных преступлений (см. *ibid.*).

12. Недавно Европейский Суд отметил, что в европейской уголовной политике акцент делается на исправительной цели лишения свободы, даже если оно является пожизненным. Так, например, в обстоятельствах, когда власти государства-ответчика исходят исключительно из опасности преступников для общества, считая это оправданием для продолжения их содержания под стражей, следует учитывать необходимость создания условий для исправления этих лиц. Далее, несмотря на то, что Конвенция не гарантирует права на исправление как таковое, в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда осужденным, приговоренным к лишению свободы, в том числе пожизненно, нужно предоставлять возможность исправиться. Хотя государства и не несут ответственности за то, удастся ли исправиться осужденным, приговоренным к пожизненному лишению свободы, они, тем не менее, обязаны предоставлять таким лицам соответствующие возможности. В данном случае нужно говорить об обязанности, которая имеет отношение не к результату, а к средствам его достижения. Однако из нее следует позитивное обязательство обеспечивать осужденным, приговоренным к пожизненному лишению свободы, условия содержания, совместимые с целью их исправления, и предоставлять таким лицам возможность добиваться успехов на пути к исправлению (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мюррей против Нидерландов» (*Murray v. Netherlands*), §§ 101–104).

II. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

«Статья 3 Конвенции»

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

«Статья 5 Конвенции»

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

б) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

д) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

е) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

ф) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче»...

«Статья 8 Конвенции»

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

13. По различным вопросам, имеющим отношение к условиям содержания заключенных, в частности по вопросу о переполненности пенитенциарных учреждений, инициировались процедуры вынесения пилотных постановлений в отношении следующих государств: Болгарии (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии» ([Neshkov and Others v. Bulgaria](#))), Венгрии (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии» ([Varga and Others v. Hungary](#))), Италии (см. Постановление Европейского Суда по делу «Торреджиани и другие против Италии» ([Torreggiani and Others v. Italy](#)) 2013 года), Польши (см. Постановление Европейского Суда по делу «Орховский против Польши» ([Orchowski v. Poland](#)) 2009 года, Постановление Европейского Суда по делу «Норберт Сикорский против Польши» ([Norbert Sikorski v. Poland](#)) 2009 года), Российской Федерации (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» ([Ananyev and Others v. Russia](#)) 2012 года), Румынии (см. Постановление Европейского Суда по делу «Резмивеш и другие против Румынии» ([Rezmiveş and Others v. Romania](#)) 2017 года) и Украины (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сукачов против Украины» ([Sukachov v. Ukraine](#)) 2020 года).

14. В этом контексте Европейский Суд указывал также на необходимость улучшения условий содержания под стражей в ведущих постановлениях, вынесенных в отношении следующих государств: Бельгии (см. Постановление Европейского Суда по делу «Василеску против Бельгии» ([Vasilescu v. Belgium](#)) 2014 года), Греции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Самарас и другие против Греции» ([Samaras and Others v. Greece](#)) 2012 года, Постановление Европейского Суда по делу «Дзамалис и другие против Греции» ([Tzamalis and Others v. Greece](#)) 2012 года, Постановление Европейского Суда по делу «Ал. К. против Греции» ([Al. K. v. Greece](#)) 2014 года), Республики Молдова (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шиша-

нов против Республики Молдова» ([Shishanov v. Republic of Moldova](#)) 2015 года), Португалии (см. Постановление Европейского Суда по делу «Петреску против Португалии» ([Petrescu v. Portugal](#)) 2019 года), Румынии (см. Постановление Европейского Суда по делу «Яков Станчиу против Румынии» ([Iacov Stanciu v. Romania](#)) 2012 года), Словении (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Мандич и Йович против Словении» ([Mandić and Jović v. Slovenia](#)), Постановление Европейского Суда по делу «Штруцль и другие против Словении» ([Štrucl and Others v. Slovenia](#)) 2011 года) и Франции (см. Постановление Европейского Суда по делу «J.M.B. и другие против Франции» ([J.M.B. and Others v. France](#)) 2020 года).

А. ПОСТУПЛЕНИЕ ЛИЦА В ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ И ЕГО РЕГИСТРАЦИЯ

15. Как отмечается в прецедентной практике Европейского Суда, человека не следует заключать под стражу или продолжать содержать его под стражей, если отсутствует имеющее силу постановление о заключении под стражу. Заключение под стражу в принципе является «законным» и действительным, если оно производится по решению суда (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Моорен против Германии» ([Mooren v. Germany](#)) 2009 года, § 74). Любой недостаток в постановлении о заключении под стражу неизбежно приводит к тому, что содержание под стражей становится незаконным. Европейский Суд проводит различие между постановлениями, которые являются недействительными по формальным признакам (*ex facie*), например, если недостаток является «грубым и очевидным нарушением», и постановлениями, которые изначально (*prima facie*) сохраняют силу и действуют до тех пор, пока они не будут признаны недействительными вышестоящим судом. Соответственно, если недостатки в постановлении о заключении под стражу не представляют собой грубого и очевидного нарушения, их можно исправить при осуществлении судебного контроля (см. *ibid.*, § 75)¹.

16. В связи с этим следует также отметить, что требование подпункта «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции, касающееся законного содержания человека под стражей после того, как он был «осужден компетентным судом», не предполагает, что Европейский Суд должен всесторонне рассматривать разбирательство, по результатам которого был вынесен этот приговор, и установить, действительно ли оно

¹ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 5 Европейской конвенции по правам человека](#).

полностью соответствовало всем требованиям статьи 6 Конвенции². Однако Суд также приходил к выводу: если «обвинительный приговор» был вынесен по результатам разбирательства, представлявшего собой «вопиющий отказ в правосудии», то есть явно противоречащего положениям статьи 6 Конвенции или установленным в ней принципам, последующее лишение свободы не может быть оправданно по смыслу подпункта «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Стоичков против Болгарии» (*Stoichkov v. Bulgaria*) 2005 года, § 51).

17. В любом случае практика содержания обвиняемых под стражей в отсутствие конкретного правового обоснования или четких норм, регламентирующих их положение, несовместима с принципами правовой определенности и защиты от произвола, лежащими в основе Конвенции и верховенства права (см. Постановление Европейского Суда по делу «Свершов против Украины» (*Svershov v. Ukraine*) 2008 года, § 54). Действительно, любое лишение свободы должно соответствовать цели защиты человека от произвола (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства» (*Saadi v. United Kingdom*) 2008 года, § 67).

18. Любое лишение свободы и поступление в пенитенциарное учреждение должно быть надлежащим образом зарегистрировано. Европейский Суд приходил к выводу, что непризнанное содержание человека под стражей представляет собой полное отрицание важнейших гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, и указывает на грубейшее нарушение этой статьи (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии» (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*) 2012 года, § 233). Отсутствие письменных записей о таких данных, как дата, время, место задержания, фамилия задержанного, основания задержания и фамилия того, кто произвел задержание, следует считать несовместимым с требованием законности и с самой целью статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Федотов против Российской Федерации» (*Fedotov v. Russia*) 2005 года, § 78, Постановление Европейского Суда по делу «Мушег Сагателян против Армении» (*Mushegh Saghatelyan v. Armenia*) 2018 года, § 165).

19. В некоторых случаях при задержании может также потребоваться узнать информацию о семейном положении задержанного, поскольку, возможно, возникнет вопрос о том, кто будет заботиться о ребенке задержанного после того, как он будет заключен под стражу

² См. подробнее: [Руководство по применению статьи 6 Европейской конвенции по правам человека \(уголовно-правовой аспект\)](#).

(см. Постановление Европейского Суда по делу «Хаджиева против Болгарии» (*Hadzhieva v. Bulgaria*) 2018 года, §§ 60–67).

20. В контексте процедур поступления в пенитенциарное учреждение важна также регистрация сведений о здоровье заключенного, в том числе в соответствующих случаях, о медицинском осмотре. В связи с этим Европейский Суд отмечал, что характер требований к государству относительно состояния здоровья содержащихся под стражей лиц может различаться в зависимости от того, является ли имеющееся у них заболевание инфекционным или нет. По мнению Европейского Суда, распространение инфекционных заболеваний, в частности туберкулеза, гепатита и ВИЧ/СПИДа, может вызывать обеспокоенность с точки зрения охраны общественного здоровья, особенно в условиях пенитенциарных учреждений. В связи с этим Европейский Суд считал желательным, чтобы лишенные свободы лица с их согласия в разумный срок с момента их поступления в такое учреждение имели возможность пройти бесплатное тестирование на гепатит и ВИЧ/СПИД (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кэтэлин Эуген Мику против Румынии» (*Cătălin Eugen Micu v. Romania*) 2016 года, § 56).

21. В то же время важно учитывать тот факт, что персональные данные о состоянии здоровья относятся к частной жизни человека. Действительно, согласно прецедентной практике Европейского Суда защита персональных данных, и не в последнюю очередь данных медицинского характера, имеет важнейшее значение для осуществления лицом своего права на уважение личной и семейной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции³. Соблюдение конфиденциальности данных о состоянии здоровья является ключевым принципом в правовых системах всех государств — участников Конвенции. Важно не только уважать личное пространство пациента, но и поддерживать в нем доверие к профессии врача и системе здравоохранения в целом. В отсутствие такой защиты лица, нуждающиеся в медицинской помощи, могут не захотеть сообщать информацию личного и интимного характера, которая может быть необходима для оказания им надлежащей помощи и даже для обращения за этой помощью, поставив тем самым под угрозу свое собственное здоровье, а при наличии у них инфекционных заболеваний — здоровье общества. В связи с этим Суд требует, чтобы внутригосударственное законодательство обеспечивало достаточные гарантии, позволяющие предотвратить любую передачу персональных данных о состоянии здоровья

³ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 8 Европейской конвенции по правам человека](#).

или их раскрытие, которые могут оказаться несовместимыми с гарантиями, содержащимися в статье 8 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мокуте против Литвы» (*Mockutė v. Lithuania*) 2018 года, § 93).

22. Аналогичные соображения применимы также к хранению и использованию других персональных данных. Европейский Суд подчеркивал, что такие гарантии тем более необходимы, когда речь идет о защите персональных данных, подвергающихся автоматизированной обработке. Внутригосударственное законодательство должно, в частности, обеспечивать, чтобы эти данные являлись актуальными и не чрезмерными для целей их хранения и сохранялись в формате, позволяющем установить субъектов данных, не дольше, чем это требуется для достижения целей хранения этих данных. Кроме того, законодательство должно предусматривать достаточные гарантии эффективной защиты хранящихся персональных данных от ненадлежащего использования и злоупотреблений (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S. и Марпер против Соединенного Королевства» (*S. and Marper v. United Kingdom*) 2008 года, § 103, Постановление Европейского Суда по делу «Гардель против Франции» (*Gardel v. France*) 2009 года, § 62).

В. МЕСТО СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

23. Конвенция не предоставляет заключенным право выбирать место содержания под стражей, и то, что заключенный разлучается со своей семьей и находится на некотором расстоянии от нее, является неизбежным следствием лишения свободы. Вместе с тем содержание человека в пенитенциарном учреждении, которое расположено настолько далеко от места проживания его семьи, что организовать посещения становится очень сложно или даже невозможно, в некоторых случаях может представлять собой вмешательство в семейную жизнь, поскольку для поддержания семейной жизни крайне важно, чтобы члены семьи заключенного имели возможность его навещать. Таким образом, ключевым элементом права заключенных на уважение их семейной жизни является помощь администрации пенитенциарного учреждения в поддержании контактов заключенного с его близкими родственниками (см. Постановление Европейского Суда по делу «Винтман против Украины» (*Vintman v. Ukraine*) 2014 года, § 78)⁴.

⁴ См. подробнее: глава «Контакты с родственниками и свидания» настоящего Руководства.

24. Так, например, в Постановлении Европейского Суда по делу «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» (*Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia*) 2013 года, § 838, Европейский Суд пришел к выводу, что направление заявителей для отбывания наказания в отдаленные колонии, находившиеся в несколько тысячах километров от города, где жили их семьи, представляло собой вмешательство в права заявителей, предусмотренные статьей 8 Конвенции. Европейский Суд принял во внимание, в частности, большие расстояния, о которых шла речь в деле, географическое расположение соответствующих колоний и особенности транспортной системы Российской Федерации, из-за которых поездка из родного города заявителей в колонии, где они содержались, стала длительным и утомительным мероприятием, особенно для их маленьких детей. В результате количество встреч заявителей с членами их семей сократилось. Аналогичным образом Европейский Суд констатировал вмешательство в осуществление заключенным права, предусмотренного статьей 8 Конвенции, в ситуации, когда его направили в исправительную колонию, находившуюся за 700 километров от места проживания его престарелой матери, у которой были проблемы со здоровьем и которой для того, чтобы увидеть сына, нужно было провести в дороге от 12 до 16 часов, пересеживаясь с одного поезда на другой. Это привело к тому, что заявитель не виделся со своей матерью около 10 лет (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтман против Украины» (*Vintman v. Ukraine*), §§ 80–83, а также Постановление Европейского Суда по делу «Родзевилло против Украины» (*Rodzevillo v. Ukraine*) 2016 года, §§ 83–87).

25. В этом контексте вмешательство в осуществление заключенными их прав должно быть оправдано со ссылкой на пункт 2 статьи 8 Конвенции, а заключенный должен располагать эффективными средствами правовой защиты, позволяющими ему обжаловать меры, которые привели к вмешательству в его права (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтман против Украины» (*Vintman v. Ukraine*), §§ 84, 99, 104 и 115–117)⁵. Кроме того, власти государства-ответчика обязаны обеспечивать заключенному реальную возможность представлять свои доводы против его направления в то или иное пенитенциарное учреждение и сопоставлять их с любыми другими соображениями с учетом требований статьи 8 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Полякова

⁵ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 8 Европейской конвенции по правам человека](#).

и другие против Российской Федерации» (*Polyakova and Others v. Russia*) 2017 года, § 100).

26. Конвенция также не гарантирует как таковое право на перевод из пенитенциарного учреждения одного государства в пенитенциарное учреждение другого государства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Серше против Румынии» (*Serce v. Romania*) 2015 года, §§ 53–55, Решение Европейского Суда по делу «Пелфриман против Болгарии» (*Palfreeman v. Bulgaria*) 2017 года, §§ 36–39). Кроме того, в контексте борьбы с терроризмом Европейский Суд признавал допустимыми различные политические решения, которые власти принимали для пресечения контактов соответствующих заключенных с их преступной средой в целях минимизации риска поддержания ими связей с террористическими организациями. В этом отношении важное значение имеют существование достаточных гарантий защиты заключенного от злоупотреблений и принятие властями мер по обеспечению контактов заключенного с его друзьями и родственниками (см. Решение Европейского Суда по делу «Лабака Ларреа и другие против Франции» (*Labaca Larrea and Others v. France*) 2017 года, Решение Европейского Суда по делу «Фрайле Итурральде против Испании» (*Fraile Iturralde v. Spain*) 2019 года).

27. Наконец, следует отметить, что перевод заключенных из одного учреждения в другое может потребоваться по соображениям безопасности, однако безосновательные неоднократные переводы заключенных могут послужить основанием для предположения о нарушении статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бамухаммад против Бельгии» (*Bamouhammad v. Belgium*) 2015 года, §§ 125–132).

С. УСЛОВИЯ РАЗМЕЩЕНИЯ

28. Европейскому Суду часто приходилось выносить решения по жалобам на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с недостатком личного пространства, предоставленного заключенным, главным образом в общих камерах. Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что в рамках статьи 3 Конвенции он не может раз и навсегда определить конкретное количество квадратных метров, которые необходимо предоставлять лишенному свободы лицу, чтобы не были нарушены требования Конвенции. Действительно, он приходил к выводу, что при решении вопроса о том, соответствуют ли условия содержания под стражей гарантиям статьи 3 Конвенции, важную роль играет ряд других существенных факторов, на-

пример длительность содержания под стражей, возможность гулять на открытом воздухе, а также физическое и психическое состояние лишенного свободы лица (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v. Croatia*) 2016 года, § 103, Постановление Европейского Суда по делу «Самарас и другие против Греции» (*Samaras and Others v. Greece*) 2012 года, § 57, Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии» (*Varga and Others v. Hungary*) 2015 года, § 76). В то же время для определения того, являлись ли обжалуемые заявителем условия содержания под стражей «унижающими достоинство» по смыслу статьи 3 Конвенции, большое значение имеет такой фактор, как чрезвычайно маленькая площадь камер соответствующего пенитенциарного учреждения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Орховский против Польши» (*Orchowski v. Poland*) 2009 года, § 122, Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» (*Ananyev and Others v. Russia*) 2012 года, § 143).

29. В упомянутом выше Постановлении Большой Палаты по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v. Croatia*), §§ 136–141 Европейский Суд уточнил свой подход в делах, касающихся недостатка личного пространства, предоставленного заключенным, содержащимся в общих камерах. Он подтвердил, что стандартная преобладающая в его прецедентной практике норма площади, составляющая 3 кв. м на одного человека, содержащегося в общей камере, является минимальным стандартом по смыслу статьи 3 Конвенции. Когда в местах лишения свободы на одного человека, содержащегося в общей камере, приходится менее 3 кв. м площади, недостаток личного пространства считается настолько серьезным, что возникает устойчивая презумпция нарушения статьи 3 Конвенции. Бремя доказывания при этом возлагается на власти государства-ответчика, которые могут опровергнуть указанную презумпцию, продемонстрировав наличие факторов, способных в достаточной степени компенсировать недостаток личного пространства.

30. Устойчивая презумпция нарушения статьи 3 Конвенции, как правило, может быть опровергнута только тогда, когда одновременно имеют место следующие факторы:

- уменьшение необходимой минимальной нормы площади, составляющей 3 кв. м на одного человека, было непродолжительным, эпизодическим и незначительным;
- уменьшение необходимой минимальной нормы площади сопровождалось достаточно большой свободой передвижения за пределами камеры и эффективными занятиями вне ее пределов;

- заявитель содержался в учреждении, которое в целом являлось надлежащим местом содержания под стражей, и отсутствовали иные отягчающие обстоятельства, касающиеся условий его содержания под стражей.

31. Если на одного заключенного в камере приходится от 3 до 4 кв. м личного пространства, то этот фактор имеет важное значение при определении Европейским Судом удовлетворительности условий содержания под стражей. В подобных ситуациях нарушение статьи 3 Конвенции будет установлено, если недостаток личного пространства сопровождается иными аспектами неудовлетворительных физических условий содержания под стражей, в частности в отношении возможности прогулок, доступа дневного света или свежего воздуха, наличия вентиляции, поддержания нормальной температуры в камере, возможности уединиться при пользовании туалетом и соблюдении основных санитарно-гигиенических требований.

32. В случаях, когда в пенитенциарном учреждении на одного человека в общей камере приходится более 4 кв. м площади, а значит, не возникает вопроса о недостатке личного пространства, для Европейского Суда при определении удовлетворительности условий содержания заявителя под стражей с точки зрения статьи 3 Конвенции по-прежнему будут иметь значение остальные аспекты физических условий содержания под стражей.

33. В данном контексте Европейский Суд подчеркивал также важность работы Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее — ЕКПП) по осуществлению контроля за условиями содержания под стражей и соблюдением стандартов, которые разработаны ЕКПП по этому вопросу. Европейский Суд особо отмечал, что при рассмотрении жалоб на условия содержания под стражей он внимательно следит за этими стандартами и за тем, как их соблюдают власти государств-ответчиков.

34. При определении минимального размера личного пространства в расчете на одного человека, содержащегося в общей камере, Европейский Суд основывается на соответствующих методах ЕКПП, согласно которым в общую площадь камеры не следует включать площадь санузла. Вместе с тем при расчете площади камеры необходимо учитывать пространство, занимаемое предметами, которые в ней находятся. При этом важное значение имеет тот факт, есть ли у содержащихся под стражей лиц возможность свободно передвигаться по камере (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v. Croatia*), § 114, а также Постановление Европейского Суда по делу

«Лаутару и Сид против Греции» (*Lautaru and Seed v. Greece*) 2020 года, § 54, в котором при определении общей площади камеры учитывалось место для приготовления пищи).

35. В упомянутом выше Постановлении Большой Палаты по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v. Croatia*), §§ 127–128, Европейский Суд разъяснил свой подход, применяемый в делах, касающихся условий содержания под стражей. Европейский Суд, в частности, подчеркивал, что особенно пристальное внимание он обращает на объективные трудности, с которыми сталкиваются заявители при сборе доказательств, подтверждающих их жалобы на условия содержания под стражей. Заявители должны предоставлять подробное и непротиворечивое описание обжалуемых фактов. В некоторых случаях заявители могут представить определенные доказательства, чтобы подтвердить обоснованность своих жалоб. Например, Европейский Суд признавал доказательствами письменные показания сокамерников и фотографии, представленные заявителями в подтверждение их утверждений, если была возможность их сделать.

36. Если было представлено вызывающее доверие и достаточно подробное описание предположительно унижающих достоинство условий содержания под стражей, *prima facie* указывающих на жестокое обращение, то бремя доказывания переходит на власти государства-ответчика, поскольку только они имеют доступ к сведениям, которые могут подтвердить или опровергнуть эти утверждения. От них требуется, в частности, собрать и предоставить соответствующие документы и подробно описать условия содержания заявителя под стражей. Принимая решение по этому вопросу, Европейский Суд также учитывает имеющиеся отношение к делу данные об условиях содержания под стражей, поступившие от других международных органов, например от ЕКПП, а также от компетентных органов власти и организаций государства-ответчика.

37. Еще одним важным аспектом удовлетворительных условий содержания заключенных является беспрепятственный доступ в их камеры достаточного количества дневного света и свежего воздуха. Во многих делах Европейский Суд приходил к выводу, что ограниченное поступление дневного света и воздуха из-за того, что окна в камерах закрыты металлическими ставнями, серьезно ухудшает положение заключенных, которые и так уже содержатся в переполненной камере, и является серьезным доводом в пользу нарушения статьи 3 Конвенции. Однако в отсутствие каких-либо указаний на переполненность камер, плохую работу системы вентиляции и недостаточное искусственное освещение негативные последствия наличия ставень сами по себе не достигают уровня жестокости, необходимого

для того, чтобы они попадали под действие статьи 3 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» (*Ananyev and Others v. Russia*), §§ 153–154, с приведенными в нем примерами).

38. Кроме того, Европейский Суд отмечал, что свободный доступ свежего воздуха не следует путать с ненадлежащим воздействием неблагоприятных погодных условий, в том числе сильной жары летом и низких температур зимой. В некоторых делах заявители находились в особенно тяжелых условиях, поскольку окна их камер были закрыты ставнями, но не были остеклены. В результате они страдали и от недостатка доступа дневного света и свежего воздуха, и от низких температур зимой, не имея возможности защитить себя от холода, проникающего в камеру извне (см. *ibid.*, § 155).

D. ВОПРОСЫ ГИГИЕНЫ

39. Европейский Суд приходил к выводу, что возможность пользоваться гигиеничными, надлежащим образом оборудованными туалетами и душевыми имеет первостепенную важность для поддержания в заключенных чувства собственного достоинства. Гигиена и чистота не только являются составной частью уважения людей к своему телу и своим соседям, вместе с которыми они пользуются туалетами и душевыми в течение длительного времени, но и представляют собой условие и в то же время необходимую предпосылку для сохранения здоровья. Невозможно создать по-настоящему гуманные условия для заключенных, не обеспечив им возможностей беспрепятственно пользоваться туалетом и содержать себя в чистоте (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» (*Ananyev and Others v. Russia*), § 156). Кроме того, отсутствие возможности нормально пользоваться надлежащим образом оборудованными туалетами и душевыми поднимает вопрос о позитивном обязательстве властей государства-ответчика обеспечивать заключенным право на минимальную возможность уединиться, предусмотренное статьей 8 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шафранский против Польши» (*Szafrański v. Poland*) 2015 года, §§ 37–41).

40. Что касается возможности пользоваться туалетами, то во многих делах имела место ситуация, когда унитаз находился в углу камеры и либо не был ничем отделен от жилой зоны, либо был отделен от нее всего лишь одной перегородкой высотой около полутора метров. Такая непосредственная близость и недостаточная отгороженность унитаза не только противоречат требованиям гигиены, но и лишают

лишенного свободы человека возможности уединяться при пользовании туалетом, поскольку он все время остается на виду у своих сокамерников, а также надзирателей, смотрящих в глазок (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Александр Макаров против Российской Федерации» (*Aleksandr Makarov v. Russia*) 2009 года, § 97, Постановление Европейского Суда по делу «Лонгин против Хорватии» (*Longin v. Croatia*) 2012 года, § 60). В некоторых делах Европейский Суд приходил к выводу, что отсутствие возможности уединиться из-за того, что туалет не был отделен от камеры или вследствие проблем, связанных с использованием туалета в переполненной камере, особенно тяжело сказывалось на заявителях, страдающих определенными заболеваниями (см. Постановление Европейского Суда по делу «Моисеев против Российской Федерации» (*Moiseyev v. Russia*) 2008 года, § 124, Постановление Европейского Суда по делу «Лониц против Хорватии» (*Lonić v. Croatia*) 2014 года, § 76).

41. Ограниченность времени, в течение которого заключенным разрешается принимать душ, также имеет отношение к гигиене и может считаться унижающим достоинство обращением с ним. Европейский Суд приходил к выводу, что возможности принимать душ не более одного раза в 10 дней или в течение не более 15–20 минут один раз в неделю явно недостаточно для того, чтобы надлежащим образом соблюдать личную гигиену. Во многих делах помывка заключенных была организована таким образом, что она не предоставляла содержащимся под стражей лицам элементарной возможности уединиться, поскольку их приводили в душевые группами, одну камеру за другой, и иногда работающих душевых насадок не хватало на всех (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» (*Ananyev and Others v. Russia*), § 158, и приведенные в нем примеры).

42. Необходимое санитарное обеспечение должно включать в себя меры по борьбе с грызунами, блохами, вшами, клопами и другими паразитами. Эти меры включают предоставление достаточных и соответствующих установленным требованиям средств дезинфекции, обеспечение моющими средствами, регулярную санитарную обработку и проверку камер, в частности постельного белья, матрасов и мест, используемых для хранения пищевых продуктов. Это необходимо для предотвращения кожных заболеваний, таких как чесотка, обычное, по-видимому, явление, повсеместно встречающееся в следственных изоляторах Российской Федерации (см. *ibid.*, § 159, а также Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии» (*Neshkov and Others v. Bulgaria*) 2015 года, § 243).

43. Европейский Суд также приходил к выводу, что гигиенические требования или требования безопасности не могут служить оправданием правилам, предусматривающим абсолютный запрет на отращивание заключенными бороды независимо от ее длины, опрятности или любых иных соображений, если эти правила прямо не предусматривают исключений, когда данный запрет не действует (см. Постановление Европейского Суда по делу «Biržietis v. Lithuania» 2016 года, §§ 55–58).

44. Что касается правил, обязывающих заключенных брить головы, то Европейский Суд подчеркивал, что характерной особенностью принудительного бритья головы заключенного является то, что оно связано с насильственным изменением внешности человека. Человек, подвергающийся этой процедуре, с высокой долей вероятности испытывает чувство неполноценности, поскольку его физический облик изменяется помимо его воли. Кроме того, данная процедура оставляет след на заключенном, которому побрили голову, по крайней мере в течение какого-то времени. Этот след непосредственно виден другим лицам, в том числе сотрудникам пенитенциарного учреждения, сокамерникам, посетителям и всем остальным лицам, если заключенный выходит на свободу или вскоре после бритья головы доставляется в общественное место. Весьма вероятно, что достоинство человека будет ущемлено из-за того, что на нем остался заметный физический след. В этой связи Европейский Суд приходил к выводу, что принудительное бритье головы содержащихся под стражей лиц в принципе может привести к умалению их человеческого достоинства или вызвать у них чувство неполноценности, способное унижить и опозорить их. Однако ответ на вопрос о том, был ли достигнут при этом минимальный уровень жестокости, а значит, являлось ли обжалуемое обращение унижающим достоинство обращением, нарушающим требования статьи 3 Конвенции, будет зависеть от конкретных обстоятельств дела, в том числе от личных обстоятельств потерпевшего, контекста, в котором произошли обжалуемые действия, и их цели (см. Постановление Европейского Суда по делу «Yankov против Болгарии» (Yankov v. Bulgaria) 2003 года, §§ 112–114).

Е. ОДЕЖДА И ПОСТЕЛЬНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

45. В контексте более широкой проблемы переполненности пенитенциарных учреждений часто возникают трудности, связанные с предоставлением спальных мест. Прецедентная практика Европейского Суда подтверждает принцип, согласно которому одному заключенному должно быть предоставлено одно койко-место. Во мно-

гих делах Европейский Суд приходил к выводу о нарушении статьи 3 Конвенции, когда у заключенных не было индивидуальных спальных мест и они были вынуждены спать по очереди (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» (*Ananyev and Others v. Russia*), § 146, и приведенные в нем примеры). В этой связи Европейский Суд подчеркивал, что у каждого человека в камере должно быть индивидуальное спальное место (см. *ibid.*, § 148(a)). Кроме того, важно не забывать о требованиях гигиены, связанных с наличием надлежащего места для сна⁶.

46. Что касается предоставляемой одежды, Европейский Суд приходил к следующему выводу: требование о том, чтобы заключенные носили тюремную одежду, можно считать вмешательством в их личное достоинство, но оно, несомненно, преследует правомерную цель, которая заключается в защите интересов общественной безопасности и предотвращении беспорядков и преступлений (см. Постановление Европейского Суда по делу «Назаренко против Украины» (*Nazarenko v. Ukraine*) 2003 года, § 139). Кроме того, Европейский Суд не соглашался с утверждением о том, что просьба разрешить носить в месте лишения свободы личную одежду попадает под защиту статьи 9 Конвенции⁷ (см. Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «Макфили и другие против Соединенного Королевства» (*McFeeley and Others v. United Kingdom*) 1980 года).

47. Тем не менее, если заключенный обязан носить тюремную одежду при посещении лечебных учреждений за пределами тюрьмы, это является вмешательством в осуществление им права на уважение своей личной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции (см. Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «Т.В. против Финляндии» (*T.V. v. Finland*) 1994 года). В деле «Гишак против Польши» (Постановление Европейского Суда по делу «Гишак против Польши» (*Giszczak v. Poland*) 2011 года, §§ 36–41), в котором заключенному не предоставили своевременной и достаточной информации о том, на каких условиях его временно выпускают из тюрьмы, в частности, об обязанности носить тюремную одежду и кандалы, из-за чего он отказался идти на похороны, Европейский Суд установил нарушение статьи 8 Конвенции.

⁶ См. подробнее: глава «Вопросы гигиены» настоящего Руководства.

⁷ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 8 Европейской конвенции по правам человека](#).

Ф. ПИТАНИЕ

48. Европейский Суд приходил к выводу, что явный недостаток питания, которое предоставляется заключенному, само по себе указывает на возможное нарушение статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Дудченко против Российской Федерации» (*Dudchenko v. Russia*) 2017 года, § 130). Это происходит, например, тогда, когда заявителя кормят один раз в день (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кадикис против Латвии (№ 2)» (*Kadiķis v. Latvia*) (№ 2) 2006 года, § 55, Постановление Европейского Суда по делу «Степуляк против Республики Молдова» (*Stepuleac v. Moldova*) 2007 года, § 55). Однако, когда выдаваемую заключенным пищу регулярно проверяли тюремный врач и компетентные органы власти, а заключенным обеспечивалось ежедневное трехразовое питание, которое не производило впечатления некачественного или недостаточного, Европейский Суд не находил оснований предполагать нарушение статьи 3 Конвенции несмотря на то, что заключенного не устраивало предоставляемое ему питание (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v. Croatia*), § 166).

49. Вопрос о достаточности питания стал ключевым в ситуации, когда под стражей содержалась кормящая мать (см. Постановление Европейского Суда по делу «Корнейкова и Корнейков против Украины» (*Korneykova and Korneykov v. Ukraine*) 2016 года, § 141)⁸. Кроме того, данный вопрос может иметь значение, если речь идет об обращении с заключенными во время их перевозки в суд (см. Постановление Европейского Суда по делу «Старокадомский против Российской Федерации» (*Starokadomskiy v. Russia*) 2008 года, § 58)⁹ или при поступлении лица в пенитенциарное учреждение (см. Постановление Европейского Суда по делу «S.F. и другие против Болгарии» (*S.F. and Others v. Bulgaria*) 2017 года, § 87).

50. Вопросы, связанные с питанием, могут возникнуть и в том случае, если администрация пенитенциарного учреждения отказывается обеспечить заключенному ту или иную диету. Европейская комиссия по правам человека считала, что обязанность властей обеспечивать заключенным надлежащее питание может быть истолкована как требующая принимать во внимание особые потребности в диете, в частности учитывать, что заключенные не могут употре-

⁸ См. главу «Женщины с детьми и несовершеннолетние» настоящего Руководства.

⁹ См. главу «Перевозка заключенных» настоящего Руководства.

блять ту или иную пищу из-за религиозных или иных ограничений (см. Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «D. и E.S. против Соединенного Королевства» (*D and E.S. v. United Kingdom*) 1990 года). В связи с этим Европейский Суд также подчеркивал важность обеспечения заключенному питания в соответствии с его религиозными убеждениями, поскольку соблюдение режима питания можно считать прямым выражением убеждений человека по смыслу положений статьи 9 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Якобский против Польши» (*Jakóbski v. Poland*) 2010 года, § 45, Постановление Европейского Суда по делу «Вартик против Румынии (№ 2)» (*Vartic v. Romania*) (№ 2) 2013 года, §§ 33–36)¹⁰.

51. Так, например, в упомянутом выше Постановлении по делу «Якобский против Польши» (*Jakóbski v. Poland*), §§ 48–55, Европейский Суд пришел к выводу, что решение заявителя придерживаться вегетарианской диеты, мотивы или причины которого можно было считать связанными с религией (буддизмом), не является неразумным. Следовательно, отказ администрации пенитенциарного учреждения обеспечить ему диетическое питание попадал под действие статьи 9 Конвенции. Европейский Суд был готов допустить, что решение предусмотреть особые условия для одного заключенного в системе могло повлечь финансовые последствия для пенитенциарного учреждения, в то же время он должен был определить, удалось ли властям государства-ответчика установить справедливое равновесие между различными интересами, о которых шла речь в деле. Заявитель просил перевести его на диету, исключая мясные продукты. Питание для него не нужно было подготавливать, готовить и подавать каким-либо определенным образом, и оно не требовало наличия особых продуктов. Ему не предложили альтернативной диеты и не обратились к буддистской миссии за советом по поводу того, какое питание ему наиболее подходит. Европейский Суд решил, что вегетарианская диета не повлекла бы нарушения в управлении пенитенциарным учреждением или снижения стандартов питания остальных заключенных. В связи с этим он пришел к выводу, что властям государства-ответчика не удалось соблюсти справедливого равновесия между интересами заявителя и интересами администрации пенитенциарного учреждения.

¹⁰ См. главу «Свобода мысли, совести и религии» настоящего Руководства, а также [Руководство по применению статьи 9 Европейской конвенции по правам человека](#).

52. Напротив, в Постановлении Европейского Суда по делу «Эрлих и Кастро против Румынии» (*Erlich and Kastro v. Romania*) 2020 года), касающемся ходатайства заключенных, евреев по национальности, предоставить им кошерную пищу, которое было удовлетворено на основании решения суда Румынии, Европейский Суд отметил, что кошерная пища состоит из особых ингредиентов, полученных по совершенно особым правилам, и готовится отдельно, в отдельной посуде и с использованием отдельных кухонных принадлежностей, особым способом и под наблюдением представителя соответствующей религиозной конфессии. В указанном деле администрация пенитенциарного учреждения сотрудничала с еврейской религиозной общиной для того, чтобы на тюремной кухне была выделена отдельная зона и чтобы заключенным, евреям по национальности, помогали готовить еду. Впоследствии представители еврейской общины присутствовали в тюрьме во время еврейских религиозных праздников, предоставляя заявителям по этому случаю особые блюда. Кроме того, суд Румынии в порядке исключения из действующих правил разрешил заявителям получать продукты, которые можно было готовить на месте. Несмотря на то, что заявители оплачивали эти продукты из собственных средств, у них была возможность получить компенсацию своих расходов от государства. При таких обстоятельствах Европейский Суд пришел к выводу, что администрация пенитенциарного учреждения приняла все необходимые меры и что власти государства-ответчика сделали все, что от них разумно можно было бы ожидать, чтобы уважительно отнестись к религиозным убеждениям заявителей, особенно с учетом того, что в процессе приготовления кошерной пищи нужно соблюдать особые строгие условия, и не установил в этом деле нарушения статьи 9 Конвенции.

53. В Постановлении по делу «Эбедин Аби против Турции» (*Ebedin Abi v. Turkey*) 2018 года, §§ 31–54, Европейский Суд не согласился с тем, что отказ перевести заключенного на особую диету можно было оправдать экономическими соображениями. Кроме того, приняв во внимание, что заключенные не могут обращаться за медицинской помощью в любое время в больницу по своему выбору, Европейский Суд счел, что власти государства-ответчика были обязаны поручить специалисту оценить стандартное меню соответствующего пенитенциарного учреждения и в то же время предложить ему пройти медицинское обследование, связанное с его конкретными жалобами. В данном деле Европейский Суд констатировал нарушение статьи 3 Конвенции в связи с тем, что власти Турции не приняли необходимых мер по защите здоровья и благополучия заявителя.

Г. ПРОГУЛКИ И ОТДЫХ

54. Прогулки и отдых являются частью более широкого обязательства обеспечивать, что заключенные могут проводить разумную часть дня за пределами своих камер, занимаясь целенаправленной деятельностью различного характера (работой, отдыхом, обучением). Режим содержания в учреждениях для заключенных, отбывающих наказание по приговору суда, должен быть еще более благоприятным (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v. Croatia*), § 133). Однако в контексте пенитенциарных учреждений Конвенция не предусматривает как таковое право на общение с другими заключенными в какое-либо конкретное время или в каком-либо конкретном месте (см. Решение Европейского Суда по делу «Болланы против Соединенного Королевства» (*Bollan v. United Kingdom*) 2000 года)¹¹.

55. При оценке условий содержания под стражей Европейский Суд уделяет особое внимание доступности и продолжительности прогулок и условиям, при которых заключенные могут ими пользоваться. В связи с этим он ссылается на стандарты, разработанные ЕКПП, в которых особо упоминаются физические упражнения на свежем воздухе, о прогулках и считает, что основной гарантией благополучия заключенных является предоставление всем им без исключения ежедневной прогулки на открытом воздухе продолжительностью не менее одного часа, желательно в рамках более широкой программы мероприятий, связанных с пребыванием вне камеры. Кроме того, сооружения для прогулок должны быть достаточно просторными и по возможности обеспечивать укрытие при плохой погоде (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» (*Ananyev and Others v. Russia*), § 150).

56. Европейский Суд часто отмечал, что короткая прогулка, продолжительность которой ограничена одним часом в день, является фактором, еще более усугубляющим положение заявителя, который все остальное время вынужден проводить в своей камере, будучи лишенным всякой свободы передвижения (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Гладкий против Российской Федерации» (*Gladkiy v. Russia*) 2010 года, § 69, Постановление Европейского Суда по делу «Тунис против Эстонии» (*Tunis v. Estonia*) 2013 года, § 46).

¹¹ Этот принцип был провозглашен со ссылкой на статью 11 Конвенции (право на свободу собраний и объединений). См. подробнее: [Руководство по применению статьи 11 Европейской конвенции по правам человека](#).

57. Европейский Суд также придает большое значение физическим характеристикам сооружений для прогулок (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» (*Ananyev and Others v. Russia*), § 152). Так, прогулочный двор, площадь которого всего на 2 кв. м превышала площадь камеры, окруженный трехметровой оградой и защищенный сверху металлическими прутьями и толстой сеткой, не обеспечивает заключенным надлежащие возможности для отдыха и восстановления сил (см. Постановление Европейского Суда по делу «Моисеев против Российской Федерации» (*Moiseyev v. Russia*) 2008 года, § 125). Аналогичным образом в ситуации, когда прогулочный двор не имеет крыши, по мнению Европейского Суда, трудно понять, как заключенные могут им полноценно пользоваться при плохой погоде (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мандич и Йович против Словении» (*Mandić and Jović v. Slovenia*) 2011 года, § 78). Вместе с тем Европейский Суд приходил к выводу, что наличие просторного двора для прогулок с газоном и асфальтированными участками, с укрытием на случай плохой погоды, оборудованного для отдыха и развлечений, напротив, соответствует установленным требованиям и является фактором, в достаточной степени смягчающим недостаток личного пространства (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v. Croatia*), §§ 161–163).

Н. ОБЫСКИ И КОНТРОЛЬ

58. Европейский Суд считает, что обыск, проведенный надлежащим образом, с уважением человеческого достоинства и для достижения правомерной цели, может быть совместим со статьей 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Уэйнрайт против Соединенного Королевства» (*Wainwright v. United Kingdom*) 2006 года, § 42, Постановление Европейского Суда по делу «Дейнек против Польши» (*Dejneke v. Poland*) 2017 года, § 60). Однако в делах, когда способ проведения обыска включает в себя унижающие достоинство элементы, значительно усугубляющие унижение, которым неизбежно сопровождается эта процедура, возникают основания предполагать нарушение статьи 3 Конвенции. Равным образом вопрос о нарушении Конвенции может возникать при отсутствии установленной связи обыска с поддержанием безопасности пенитенциарного учреждения и предотвращением преступлений или беспорядков (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Уэйнрайт против Соединенного Королевства» (*Wainwright v. United Kingdom*), § 42).

59. Таким образом, иногда личный обыск может быть необходим для обеспечения безопасности пенитенциарного учреждения либо для предотвращения беспорядков или преступлений (см. Постановление Европейского Суда по делу «Иванчук против Польши» (*Iwańczuk v. Poland*) 2001 года, § 59, Постановление Европейского Суда по делу «Ван дер Вен против Нидерландов» (*Van der Ven v. Netherlands*) 2003 года, § 60). Однако неоднократные спонтанные личные обыски заключенного, не преследующие правомерной цели, будут являться нарушением требований статьи 3 Конвенции (Постановление Европейского Суда по делу «Рот против Германии» (*Roth v. Germany*)* 2020 года, §§ 70–72). Даже отдельные случаи личного обыска могут представлять собой унижающее достоинство обращение вследствие способа его проведения, того, что он, возможно, преследовал цель унижить и опозорить человека, и из-за отсутствия оснований, оправдывающих его проведение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Валашинас против Литвы» (*Valašinas v. Lithuania*) 2001 года, § 117).

60. В Постановлении по делу «Ван дер Вен против Нидерландов» (*Van der Ven v. Netherlands*) 2003 года, § 60, Европейский Суд счел необоснованным систематический еженедельный личный обыск, в частности, потому, что в ходе обысков не было найдено ничего предосудительного. В упомянутом выше деле «Валашинас против Литвы» (*Valašinas v. Lithuania*), § 117, Европейский Суд решил, что ситуация, когда заявитель во время обыска был обязан раздеваться донага в присутствии женщины, после чего его половых органов и еды касались голыми руками, указывала на явное неуважение к заявителю и унижала его человеческое достоинство в нарушение требований статьи 3 Конвенции.

61. В Постановлении по делу «Иванчук против Польши» (*Iwańczuk v. Poland*) 2001 года, § 58, Европейский Суд счел недопустимым, что заявителю велели раздеться донага перед группой надзирателей. Напротив, в деле «S.J. против Люксембурга (№ 2)» (Постановление Европейского Суда по делу «S.J. против Люксембурга (№ 2)» (*S.J. v. Luxembourg*) (№ 2) 2013 года, §§ 55–62), в котором заключенный подвергся личному обыску и должен был раздеться в открытой кабине в присутствии нескольких надзирателей, Европейский Суд не усмотрел нарушения статьи 3 Конвенции. Он отметил, в частности, что планировка кабины не была идеальной, однако счел, что сама по себе планировка не дает оснований для вывода о том, что проводящиеся в этой кабине личные обыски вызывают настолько сильные страдания или унижают, что они выходят за рамки неизбежного. Кроме того, в отношении конкретного оспариваемого личного обыска в материалах дела не было доказательств, свидетельствующих о

намерении унижить заявителя. Действительно, заявитель не утверждал, что надзиратели относились к нему без уважения или что их поведение указывало на желание его унижить.

62. Аналогичным образом в деле «Дейнек против Польши» (Постановление Европейского Суда по делу «Дейнек против Польши» (*Dejneke v. Poland*) 2017 года, §§ 61–66 и 75–76), в котором обыск был проведен в соответствии с требованиями законодательства государства-ответчика и не включал в себя элементов позорящего или унижающего достоинство обращения, Европейский Суд не установил нарушения статьи 3 Конвенции, но пришел к выводу о том, что, поскольку на внутригосударственном уровне не было приведено оснований для проведения личного обыска или досмотра, в деле было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

63. Действительно, в своей прецедентной практике Европейский Суд приходил к выводу, что, когда та или иная мера не соответствует требованиям статьи 3 Конвенции, она в то же время может попадать под действие статьи 8 Конвенции, которая защищает, *inter alia*, физическую и психическую неприкосновенность человека как часть уважения его личной жизни. Требование пройти личный досмотр обычно представляет собой вмешательство в осуществление прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 8 Конвенции, и должно быть оправданно со ссылкой на основания, содержащиеся в пункте 2 этой статьи, то есть быть «предусмотрено законом» и «необходимо в демократическом обществе» для достижения одной или нескольких указанных в нем правомерных целей. Согласно устоявшейся прецедентной практике понятие необходимости предполагает, что вмешательство соответствует настоятельной общественной необходимости и, в частности, что оно соразмерно преследуемой правомерной цели (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Уэйнрайт против Соединенного Королевства» (*Wainwright v. United Kingdom*), § 43)¹².

64. Вопросы возникают не только в отношении обысков заключенных, но и в связи с обысками лиц, которые их навещают. Европейский Суд считал, что в случаях, когда предусмотрены процедуры надлежащего проведения обысков посетителей пенитенциарных учреждений, которые, вероятно, не совершили каких-либо правонарушений, администрации этих учреждений следует строго соблюдать эти гарантии и принимать эффективные меры предосторожности по защите обыскиваемых от посягательств на их достоинство в большей степени, чем это необходимо (см. *ibid.*, § 48).

¹² См. подробнее: [Руководство по применению статьи 8 Европейской конвенции по правам человека](#).

65. Что касается контроля за заключенными с использованием камер видеонаблюдения, Европейский Суд приходил к выводу, что постоянное видеонаблюдение за лицом во время его содержания под стражей, что уже предполагает существенное ограничение его возможности уединиться, следует считать серьезным вмешательством в осуществление им права на уважение своего личного пространства как составной части понятия «личная жизнь», которое дает основания предполагать нарушение статьи 8 Конвенции (см. Решение Европейского Суда по делу «Ван дер Грааф против Нидерландов» (*Van der Graaf v. Netherlands*) 2004 года, Постановление Европейского Суда по делу «Василикэ Мокану против Румынии» (*Vasilică Mocanu v. Romania*) 2016 года, § 36).

66. В деле «Горлов и другие против Российской Федерации» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Горлов и другие против Российской Федерации» (*Gorlov and Others v. Russia*) 2019 года, §§ 97–100), касающемся постоянного видеонаблюдения за заключенными в камерах, Европейский Суд обратил внимание на необходимость предусматривать надлежащие правовые нормы, регламентирующие применение таких мер. Он подчеркнул, что законодательство, наделяя администрацию следственных изоляторов и исправительных колоний правом использовать видеонаблюдение, недостаточно четко определяет объем этих полномочий и способ их осуществления, чтобы человеку обеспечивалась достаточно эффективная защита от произвола. В рассматриваемом деле законодательство Российской Федерации в трактовке органов власти государства-ответчика наделяло администрацию следственных изоляторов и исправительных колоний неограниченными полномочиями помещать каждого человека, в отношении которого избрана мера пресечения в виде предварительного содержания под стражей или который отбывает наказание по приговору суда, под постоянное, то есть круглосуточное, видеонаблюдение, без каких-либо условий, в любом месте пенитенциарного учреждения, в том числе в камерах, на неопределенный срок и без осуществления периодического контроля. При таких обстоятельствах, по мнению Европейского Суда, законодательство Российской Федерации в нарушение требований статьи 8 Конвенции практически не обеспечивало гарантий против недопущения злоупотреблений со стороны представителей государства.

I. ПЕРЕВОЗКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ

67. Европейский Суд вынес множество постановлений в отношении условий перевозки заявителей специальным транспортом

из следственных изоляторов в суд и обратно¹³. Он констатировал нарушение статьи 3 Конвенции во многих делах, в которых заявителей перевозили в крайне стесненных условиях, когда на каждого заявителя приходилось менее 0,5 кв. м личного пространства, а в некоторых случаях – всего 0,25 кв. м (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Яковенко против Украины» (*Yakovenko v. Ukraine*) 2007 года, §§ 107–109, Постановление Европейского Суда по делу «Власов против Российской Федерации» (*Vlasov v. Russia*) 2008 года, §§ 92–99, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Старокадомский против Российской Федерации» (*Starokadomskiy v. Russia*), §§ 55–60, Постановление Европейского Суда по делу «Ретунская против Румынии» (*Retunscăia v. Romania*) 2013 года, § 78, Постановление Европейского Суда по делу «Раджаб Магомедов против Российской Федерации» (*Radzhab Magomedov v. Russia*) 2016 года, § 61).

68. Кроме того, Европейский Суд отмечал, что высота потолков в камерах для заключенных, 1,6 метра, не позволяла человеку нормального роста входить туда или стоять там не сгибаясь, то есть задержанные вынуждены были оставаться в сидячем положении на протяжении всей поездки в специальном транспорте (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации» (*Idalov v. Russia*) 2012 года, § 103). Помимо недостаточной площади, иногда в специальных автомобилях перевозили больше заключенных, чем позволяла их конструкция, и это еще больше усугубляло положение заявителей (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Власов против Российской Федерации» (*Vlasov v. Russia*), § 93, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ретунская против Румынии» (*Retunscăia v. Romania*), § 78). Среди факторов, усугубляющих положение заявителей, отмечались также недостаточная вентиляция в жаркие дни и отсутствие отопления во время стоянки специального автомобиля с выключенным двигателем (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Яковенко против Украины» (*Yakovenko v. Ukraine*), § 109).

69. Кроме того, учитываются частота и количество поездок в таких условиях, а также их продолжительность. Европейский Суд констатировал нарушение статьи 3 Конвенции в делах, в которых заявителей перевозили с места на место десятки или даже сотни раз. Напротив, он приходил к выводу, что минимальный уровень жестоко-

¹³ См. также Резолюцию Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 2266(2019) «О защите прав человека при перевозке заключенных».

сти не достигается в делах, когда нахождение заявителя в подобных условиях ограничено по времени (см. Постановление Европейского Суда по делу «Селезнев против Российской Федерации» (*Seleznnev v. Russia*) 2008 года, § 59, где заявителя перевозили в переполненном специальном автомобиле всего два раза, а каждая поездка продолжалась 30 минут, а также Постановление Европейского Суда по делу «Яцишин против Эстонии» (*Jatsõšõn v. Estonia*) 2018 года, § 45, в котором заявитель отказался продолжить поездку, проведя в специальном автомобиле 20 минут).

70. Что касается защитных устройств, уменьшающих риск получения травм в движущемся автомобиле, Европейский Суд считал, что отсутствие ремней безопасности само по себе не может привести к нарушению статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Войку против Румынии» (*Voicu v. Romania*) 2014 года, § 63, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Яцишин против Эстонии» (*Jatsõšõn v. Estonia*), §§ 42–43). Он отмечал, однако, что в некоторых обстоятельствах и в совокупности с другими факторами отсутствие ремня безопасности или ручек может дать основания предполагать нарушение статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Энгель против Венгрии» (*Engel v. Hungary*) 2010 года, § 28, в котором у заявителя были парализованы нижние конечности, а его инвалидную коляску не закрепили в движущемся автомобиле, Постановление Европейского Суда по делу «Тарариева против Российской Федерации» (*Tarariyeva v. Russia*) 2006 года, §§ 112–117, в котором пациентку после операции перевозили на носилках в не приспособленном для этих целей автомобиле для транспортировки заключенных).

71. Жалобы на условия перевозки по железной дороге подаются главным образом заключенными, которых перевозят на дальние расстояния к месту отбывания наказания. Общая продолжительность перевозки составляет от 12 часов до нескольких дней. Очень стесненные условия, когда в камере поезда площадью 3 кв. м размещались более 10 человек, стали решающим фактором, на основании которого Европейский Суд констатировал нарушение статьи 3 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Яковенко против Украины» (*Yakovenko v. Ukraine*), §§ 110–113, Постановление Европейского Суда по делу «Сударьков против Российской Федерации» (*Sudarkov v. Russia*) 2008 года, §§ 63–69, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Дудченко против Российской Федерации» (*Dudchenko v. Russia*), § 131). В одном деле заключенный ехал один в камере поезда, площадь которой была еще меньше (2 кв. м), и эта поездка продолжалась 65 часов. Од-

нако согласно правилам перевозки задержанных охранники совершали обходы и заставляли его менять положение каждые два часа. Европейский Суд пришел к выводу, что лишение сна в результате таких обходов возлагало тяжелую физическую и психологическую нагрузку на заявителя (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гулиев против Российской Федерации» (*Guliyev v. Russia*) 2008 года, §§ 61–65).

72. Ссылаясь на упомянутую выше прецедентную практику, Европейский Суд в Постановлении по делу «Томов и другие против Российской Федерации» (*Tomov and Others v. Russia*) 2019 года, §§ 123–128, сформулировал следующий подход к вопросам перевозки заключенных:

- убедительная презумпция в пользу нарушения Конвенции возникает в ситуациях, когда задержанных перевозят в условиях, обеспечивающих менее 0,5 кв. м площади на человека. Для Европейского Суда не имеет значения вопрос о том, почему возникли такие стесненные условия: из-за чрезмерного количества задержанных, которых перевозили вместе, или вследствие ограничений, связанных с конструкцией камер в поезде. Он уделяет главное внимание объективным условиям перевозки и тому факту, как они повлияли на заявителей, а не причинам возникновения этих условий. Низкая высота потолков, особенно в одноместных отсеках, которая вынуждает заключенных сгибаться, может усугублять физические страдания и усталость. Недостаточная защита от внешних температур, когда камеры для заключенных недостаточно отапливаются или проветриваются, является отягчающим фактором;

- убедительная презумпция в пользу нарушения статьи 3 Конвенции может быть опровергнута только в случае краткосрочных или эпизодических поездок. Напротив, следует считать, что пагубные последствия переполненности камер увеличиваются при более длительных и частых поездках, из-за чего появляется больше оснований предполагать нарушение прав заявителя;

- в случае более длительных поездок, в том числе ночных перевозок железнодорожным транспортом, подход Европейского Суда будет аналогичен подходу, который применяется к содержанию в стационарных пенитенциарных учреждениях в течение сопоставимого периода. Даже если к ограничениям нормы площади в расчете на одного человека можно отнести терпимо из-за наличия многоярусных нар, эти ограничения не будут соответствовать требованиям статьи 3 Конвенции, если заключенные не могли спать ночью ввиду недостаточного количества спальных

мест или иных ненадлежащих условий для сна. Такие факторы, как отсутствие индивидуального спального места у каждого заключенного, недостаточность запаса питьевой воды и питания или ограничение возможности пользоваться туалетом, серьезно ухудшают положение заключенных во время перевозки и указывают на нарушение статьи 3 Конвенции;

- при рассмотрении жалоб на условия перевозки Европейский Суд по-прежнему будет внимательно относиться к стандартам ЕКПП и к тому, соблюдают ли их государства – участники Конвенции;

- определение того, было ли по делу допущено нарушение статьи 3 Конвенции, не может сводиться к чисто арифметическому подсчету количества квадратных метров, приходящихся на одного человека. Точное представление о реальной ситуации заключенных во время перевозки может дать только всестороннее изучение конкретных обстоятельств каждого дела.

III. КОНТАКТЫ С ВНЕШНИМ МИРОМ

«Статья 8 Конвенции

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

«Статья 10 Конвенции

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

«Статья 12 Конвенции

Мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права».

А. КОНТАКТЫ С РОДСТВЕННИКАМИ И СВИДАНИЯ

73. Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда содержание под стражей, как и любая другая мера, связанная с лишением лица свободы, предполагает неизбежные ограничения его личной и семейной жизни. Вместе с тем важнейшей частью права заключенного на уважение его семейной жизни является возможность поддерживать контакты со своими близкими родственниками, которую ему должны предоставлять власти, а в случае необходимости они должны содействовать ему в этом (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хорошенко против Российской Федерации» (*Khoroshenko v. Russia*) 2015 года, § 110¹⁴, в котором приводятся ссылки на другие прецеденты по данному вопросу). В этом контексте Европейский Суд также подчеркивал необходимость принимать во внимание принцип исправления осужденного, то есть его реинтеграции в общество (см. *ibid.*, §§ 121–122).

74. Любое вмешательство в осуществление лицом права на уважение его личной и семейной жизни должно быть оправданно по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции¹⁵. В частности, законодательство, устанавливающее ограничения на свидания с родственниками, должно удовлетворять требованию «качества закона», предусмотренному статьей 8 Конвенции. В ряде дел по жалобам против Российской Федерации Европейский Суд решил, что это требование не было соблюдено, поскольку соответствующее законодательство наделяло органы власти, которые по-прежнему отвечали за расследование по уголовному делу, неограниченными полномочиями разрешать или запрещать свидания содержащимся под стражей лицам и не предусматривало положений, ограничивающих объем этих полномочий и способы их осуществления. В связи с этим Европейский Суд приходил к выводу, что такое законодательство лишало содержащегося под стражей лица минимальной степени защиты от произвола или злоупотреблений, на которую лица вправе рассчитывать в демократическом обществе, руководствующемся принципом верховенства права (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кунгуров против Российской Федерации» (*Kungurov v. Russia*) 2020 года, §§ 18–20).

75. В то же время Европейский Суд признавал, что в какой-то степени контроль за контактами содержащихся под стражей лиц с внеш-

¹⁴ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду § 106 указанного Постановления (примеч. переводчика).

¹⁵ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 8 Европейской конвенции по правам человека](#).

ним миром необходим и что сам по себе он не нарушает требований Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Алиев против Украины» (*Aliev v. Ukraine*) 2003 года, § 187, Постановление Европейского Суда по делу «Кирияку Циаккурмас и другие против Турции» (*Kyriacou Tsiakkourmas and Others v. Turkey*) 2015 года, § 303). Данные меры контроля могут включать в себя ограничения количества свиданий с родственниками, наблюдение за ходом этих свиданий, а если это оправдано характером преступления или конкретными характеристиками личности содержащегося под стражей человека, он может быть переведен на особый режим или получать разрешения на свидания на особых условиях (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хадьо против Венгрии» (*Hagyó v. Hungary*) 2013 года, § 84). Вместе с тем Европейский Суд не усмотрел вмешательства государства в осуществление лишенными свободы лицами прав, предусмотренных статьей 8 Конвенции, в ситуации, когда они не представили достаточных доказательств того, что они обращались с ходатайствами об организации свиданий с родственниками или о предоставлении им других средств или видов связи со своими родственниками и друзьями, которые, по утверждениям заявителей, им обеспечены не были (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кирияку Циаккурмас и другие против Турции» (*Kyriacou Tsiakkourmas and Others v. Turkey*) 2015 года, § 304).

76. В этом контексте следует проводить различие между переводом содержащегося под стражей лица на особый режим или предоставлением ему свиданий на особых условиях в период проведения предварительного следствия, когда такие меры могут разумно считаться необходимыми для достижения преследуемой законной цели, и продлением применения указанного режима. С этой целью необходимость продления особого режима требует от компетентных органов власти проводить оценку с максимальной тщательностью (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Энеа против Италии» (*Enea v. Italy*) 2009 года, §§ 125–131, и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хорошенко против Российской Федерации» (*Khoroshenko v. Russia*) 2015 года, § 124).

77. Аналогичным образом в колониях строгого режима применение таких мер, как физическое разделение, может быть оправдано требованиями обеспечения безопасности пенитенциарного учреждения или риском того, что заключенный вступит с контакт с преступными организациями через членов своей семьи (см. Постановление Европейского Суда по делу «Лорсе и другие против Нидерландов» (*Lorsé and Others v. Netherlands*) 2003 года, §§ 83–86). Однако длительный

запрет прямых контактов может быть оправдан только при наличии реальной и сохраняющейся угрозы подобного рода (см. Постановление Европейского Суда по делу «Пехович против Польши» (*Piechowicz v. Poland*) 2012 года, §§ 205–222, и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хорошенко против Российской Федерации» (*Khoroshenko v. Russia*) 2015 года, § 125)¹⁶.

78. В Постановлении Европейского Суда по делу «Тросин против Украины» (*Trosin v. Ukraine*) 2012 года, §§ 42–44, в котором законодательством Украины были введены автоматические ограничения, касающиеся частоты, продолжительности и разных условий свиданий с родственниками для всех осужденных, приговоренных к пожизненному лишению свободы, на фиксированный 10-летний срок, Европейский Суд счел недопустимым, что это законодательство не было гибким при определении целесообразности или даже необходимости столь суровых ограничений в каждом конкретном случае, пусть даже они применялись к лицам, которым было назначено самое строгое наказание из тех, что предусмотрены уголовным законом. Европейский Суд пришел к выводу, что регулирование данных вопросов не должно содержать негибкие ограничения, и отметил, что государства должны совершенствовать оценку соразмерности, позволяющую властям сопоставлять противоречащие друг другу личные и общественные интересы и принимать во внимание особенности каждого конкретного дела.

79. Равным образом в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хорошенко против Российской Федерации» (*Khoroshenko v. Russia*), §§ 127–149, Европейский Суд столкнулся с ситуацией, когда в течение 10 лет заявитель мог поддерживать связь с внешним миром посредством переписки, однако все остальные формы его контактов подвергались ограничениям: он мог звонить по телефону только в экстренных обстоятельствах, ему было разрешено только одно свидание с двумя совершеннолетними посетителями каждые шесть месяцев продолжительностью не более четырех часов, он был отделен от своих родственников стеклянной перегородкой, и во время этих свиданий постоянно присутствовал надзиратель, находившийся на расстоянии, позволяющем ему слышать все разговоры. Эти ограничения, непосредственно предусмотренные законом, применялись к заявителю только потому, что он был приговорен к пожизненному лишению свободы, вне зависимости от каких-либо других факторов. Данный режим был введен на

¹⁶ См. главу «Особые меры строгого режима и меры по обеспечению безопасности» настоящего Руководства.

фиксированный 10-летний срок и мог быть продлен в случае плохого поведения заключенного, но возможность его сократить отсутствовала. Все эти ограничения применялись в рамках одного и того же режима в течение фиксированного срока и не могли быть изменены. Европейский Суд пришел к выводу, что различные длительные и суровые ограничения свиданий заявителя со своими близкими в колонии, взятые в совокупности, и тот факт, что оспариваемые условия организации свиданий в колонии не уделяли надлежащего значения принципу соразмерности и необходимости исправления и реинтеграции в общество заключенных, приговоренных к лишению свободы на длительный срок, нарушали требования статьи 8 Конвенции.

80. В Постановлении Европейского Суда по делу «Кучера против Словакии» (*Kučera v. Slovakia*) 2007 года, §§ 127–134, рассматривалась ситуация, касавшаяся ограничений свиданий с родственниками, применявшихся к подследственному, который содержался в следственном изоляторе. Европейский Суд подчеркнул, что, несмотря на правомерную необходимость лишить заявителя возможности препятствовать проведению расследования, например, путем обмена информацией с другими обвиняемыми по его делу, в том числе с его женой, он не убежден в том, что требовалось запрещать заявителю видеться со своей женой в течение 13 месяцев. Европейский Суд отметил, что можно было бы, например, предусмотреть особый порядок организации свиданий в присутствии сотрудника следственного изолятора. Кроме того, сомнительно, действительно ли имелись уместные и достаточные основания для лишения заявителя возможности видеться с его женой столь длительное время, с учетом страданий, вызванных долгой разлукой, и того факта, что следствие практически закончилось. При таких обстоятельствах Европейский Суд установил нарушение статьи 8 Конвенции.

81. Что касается свиданий с супругами, то в Постановлении Большой Палаты по делу «Диксоны против Соединенного Королевства» (*Dickson v. United Kingdom*) 2007 года, § 81, Европейский Суд сослался на то, что более половины государств – участников Конвенции позволяют заключенным видеться со своими супругами, хотя и со множеством различных ограничений. Вместе с тем выразив одобрение сложившейся тенденции, когда несколько европейских стран стали предоставлять заключенным возможность видеться со своими супругами, Европейский Суд отметил, что при толковании Конвенции он еще ни разу не усматривал в ней обязательство государств-участников разрешать такие свидания (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Алиев против Украины» (*Aliiev v. Ukraine*) 2003 года, § 188). Соответственно, при определении мер,

которые необходимо принять для обеспечения соблюдения Конвенции с надлежащим учетом потребностей и ресурсов общества и отдельных лиц, государства-участники пользуются широкими пределами усмотрения. Кроме того, вопрос о свиданиях с супругами, несомненно, попадает под действие статьи 8 Конвенции (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Эпнерс-Гефнерс против Латвии» (*Epnerns-Gefners v. Latvia*) 2012 года, § 63, в котором приводятся ссылки на другие прецеденты по данному вопросу), а различные ограничения этих свиданий могут поднять вопрос о дискриминации с точки зрения статьи 14 Конвенции¹⁷.

82. В упомянутом выше Постановлении Большой Палаты по делу «Диксоны против Соединенного Королевства» (*Dickson v. United Kingdom*) Европейский Суд также рассмотрел вопрос об отказе разрешить осуществить искусственное оплодотворение супружеской паре, в которой муж отбывал наказание в пенитенциарном учреждении, а жена находилась на свободе. Европейский Суд решил, что предоставление услуг по искусственному оплодотворению не повлечет за собой возникновение каких-либо проблем, связанных с обеспечением безопасности, и не обременит серьезно государство в административном или финансовом отношении. Кроме того, он подчеркнул, что в европейской уголовной политике сформировалась тенденция к усилению признания важности исправительной цели лишения свободы, особенно к концу длительного срока тюремного заключения. Несмотря на то, что в исключительных случаях оказание услуг по искусственному оплодотворению было разрешено, государственная политика с самого начала установила для них настолько высокую планку, что это не позволило достичь равновесия между противоречащими друг другу частными и публичными интересами и помешало провести проверку соразмерности ограничения прав заявителей, как того требует Конвенция.

83. Европейский Суд также рассмотрел ряд жалоб на нарушение статьи 8 Конвенции в связи с отказом заключенному в просьбе разрешить ему увидеться с больным родственником или поехать на похороны близкого человека (см. Постановление Европейского Суда по делу «Плоский против Польши» (*Płoski v. Poland*) 2002 года, §§ 26–39, Постановление Европейского Суда по делу «Шемкампер против Франции» (*Schemkamper v. France*) 2005 года, §§ 19–36). В то же время Европейский Суд пришел к выводу, что отказ разрешить заключенному посетить заболевшего родственника не достигает минимального уровня жестокости, который дал бы основания говорить

¹⁷ См. главу «Право на вступление в брак» настоящего Руководства.

о нарушении статьи 3 Конвенции (см. Решение Европейского Суда по делу «Саннино против Италии» (*Sannino v. Italy*) 2005 года).

84. В связи с этим Европейский Суд указывал, что статья 8 Конвенции не гарантирует лишенному свободы человеку безусловно-го права на посещение заболевшего родственника или на участие в похоронах родственника. Рассматривать каждое такое ходатайство по существу должны власти государства-ответчика. Проверка, которую осуществляет Европейский Суд, сводится к изучению оспариваемых мер в контексте конвенционных прав заявителя с учетом пределов усмотрения, предоставленных государствам – участникам Конвенции. Европейский Суд также подчеркивал, что даже если права и свободы лишенного свободы человека должны подлежать различным ограничениям в силу самого характера ситуации, в которой он оказался, каждое такое ограничение должно, тем не менее, быть оправдано ссылкой на его необходимость в демократическом обществе. Власти государства-ответчика обязаны доказать, что данная необходимость действительно существовала, т. е. продемонстрировать наличие настоящей общественной необходимости (см. Постановление Европейского Суда по делу «Линд против Российской Федерации» (*Lind v. Russia*) 2007 года, § 94). Действительно, Европейский Суд обращал особое внимание на тот факт, что властям государства-ответчика следует осуществлять тщательную оценку обстоятельств каждого конкретного дела (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ветцев против Болгарии» (*Vetsev v. Bulgaria*) 2019 года, § 25).

85. В упомянутых выше Постановлениях по делам «Шемкампер против Франции» (*Schemkamper v. France*), «Плоский против Польши» (*Płoski v. Poland*) и в Решении по делу «Саннино против Италии» (*Sannino v. Italy*) Европейский Суд принял во внимание следующие факторы для того, чтобы определить, являлись ли отказы в ходатайстве разрешить содержащемуся под стражей лицу увидеться с заболевшим родственником или пойти на похороны родственника «необходимыми в демократическом обществе»: стадию производства по уголовному делу, возбужденному в отношении заявителя, характер совершенного им преступления, характеристику заявителя, серьезность болезни родственника, степень родства, возможность сопроводить заключенного к месту назначения под конвоем и т. д. Так, нарушение статьи 8 Конвенции было установлено в упомянутом выше Постановлении по делу «Плоский против Польши» (*Płoski v. Poland*), где заявитель, которому еще не был вынесен приговор, обвинялся в совершении преступления, не связанного с насилием. Он просил разрешить ему принять участие в похоронах своих родителей,

которые умерли друг за другом в течение одного месяца, а власти государства-ответчика не привели убедительных оснований для своего отказа и не рассмотрели возможность сопроводить заявителя на похороны под конвоем. Напротив, в упомянутом выше Решении по делу «Саннино против Италии» (*Sannino v. Italy*) отказ являлся обоснованным, поскольку заявитель был признан виновным в убийстве и имел сложный характер. Он попросил разрешения увидеться со своим дедушкой, который не являлся его близким родственником и состояние здоровья которого не внушало серьезных опасений. В более позднем деле «Шемкампер против Франции» (*Schemkamper v. France*) Европейский Суд также признал отказ обоснованным, так как отец заявителя чувствовал себя не настолько плохо, чтобы быть не в состоянии навестить заявителя в тюрьме.

86. В упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Линд против Российской Федерации» (*Lind v. Russia*), §§ 97–98, Европейский Суд установил, что, отказавшись удовлетворить ходатайство заявителя о том, чтобы ему разрешили выехать за рубеж, увидеться с умирающим отцом и присутствовать на церемонии прощания с ним, власти государства-ответчика не вышли за пределы своего усмотрения. Однако, по мнению Европейского Суда, когда ходатайство заявителя об освобождении из-под стражи было отклонено, ему нужно было предоставить альтернативную возможность попрощаться со своим умирающим отцом. Европейский Суд решил, что телефонный разговор, который через минуту прервали, не обеспечил заявителю реальной возможности попрощаться со своим умирающим отцом, в связи с чем он констатировал нарушение статьи 8 Конвенции.

87. В Постановлении по делу «Развозжаев против Российской Федерации и Украины» (*Razvozhayev v. Russia and Ukraine*) и Удальцов против Российской Федерации (*Udaltsov v. Russia*)» 2019 года, § 268, где заявителю¹⁸ отказали в ходатайстве отпустить его на похороны матери, по-видимому, из-за того, что он не сообщил об этом заранее, Европейский Суд подчеркнул, что временные ограничения, осложняющие планирование участия в похоронах, не являются достаточным основанием для отказа в таком ходатайстве. Европейский Суд отметил, что дата похорон обычно определяется в последний момент, и, как правило, они считаются неотложным мероприятием. В данном случае заявитель физически мог бы присутствовать на похоронах, которые состоялись на следующий день в том же городе, по-

¹⁸ Так в тексте. Имеется в виду заявитель Развозжаев (*примеч. редактора*).

этому Европейский Суд пришел к выводу, что отказ отпустить заявителя на похороны нарушал требования статьи 8 Конвенции.

88. В Постановлении Европейского Суда по делу «Гимон против Франции» (*Guimon v. France*) 2019 года, §§ 37–52, напротив, речь шла об отказе разрешить заключенной, осужденной за преступления, связанные с терроризмом, покинуть тюрьму под конвоем для того, чтобы она могла отдать дань уважения своему умершему отцу. Европейский Суд не усмотрел в связи с этим нарушения статьи 8 Конвенции. Он принял во внимание следующие соображения: заявительница была ранее судима (она несколько раз отбывала наказание в тюрьме за участие в террористических актах и продолжала утверждать, что она является членом «ЭТА»); конвоирование нужно было осуществить на расстояние почти 650 км, а условия конвоирования должны были быть особенно строгими; времени на рассмотрение ходатайства заключенной после того, как было получено окончательное разрешение на ее конвоирование, было недостаточно для организации конвоирования с привлечением специально подготовленных сотрудников, надзора за заключенной, осужденной за совершение преступлений, связанных с терроризмом, и организации предварительного осмотра помещения; заявительницу регулярно навещали родственники и друзья; судебные органы уравнивали различные интересы, о которых шла речь в деле, а именно право заявительницы на уважение ее семейной жизни, с одной стороны, и предотвращение беспорядков и преступлений, с другой.

89. В Постановлении по делу «Солкан против Румынии» (*Solcan v. Romania*) 2019 года, § 29, в котором речь шла о ходатайстве женщины, содержащейся в психиатрической больнице, временно освободить ее из-под стражи, чтобы она могла присутствовать на похоронах ее родственницы, Европейский Суд подчеркнул, что осужденные, страдающие психическими расстройствами и помещенные в психиатрические больницы, находятся в принципиально ином положении, нежели другие содержащиеся под стражей лица, с точки зрения характера и цели лишения их свободы. Следовательно, в ситуации, когда ходатайство о временном освобождении из-под стражи было подано лицом, содержащимся в психиатрической больнице, власти при его рассмотрении должны учитывать все возможные риски. С учетом обстоятельств данного дела Европейский Суд пришел, в частности, к выводу, что безоговорочный отказ судов Румынии временно отпустить заявительницу из больницы по гуманитарным соображениям или предложить иной вариант, который позволил бы ей принять участие в похоронах матери, не соответствовал обязанности государства рассматривать каждое отдельное ходатайство по существу и доказы-

вать, что ограничение права человека присутствовать на похоронах своего родственника было «необходимо в демократическом обществе» по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции.

В. ПРАВО НА ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК

90. Европейский Суд приходил к выводу, что заключенные имеют право на вступление в брак, которое гарантируется статьей 12 Конвенции. Он подчеркивал, что личная свобода не является необходимой предпосылкой для осуществления права на вступление в брак. Тюремное заключение приводит к тому, что человек лишается свободы, а также, неизбежно или в подразумеваемой форме, некоторых гражданских прав и привилегий. Это, однако, не означает, что содержащиеся под стражей лица не могут осуществлять свое право на вступление в брак или могут осуществлять его лишь в исключительных обстоятельствах. Как неоднократно отмечал Европейский Суд, заключенный продолжает пользоваться основными правами и свободами, если это не противоречит смыслу лишения свободы, а каждое дополнительное ограничение свободы власти обязаны обосновать. Конечно, таким обоснованием могут служить соображения безопасности, в частности предотвращение преступлений и беспорядков, которые неизбежно вытекают из обстоятельств, связанных с лишением свободы. Тем не менее содержащиеся под стражей лица не утрачивают права, гарантированного статьей 12 Конвенции, лишь из-за своего статуса. В конвенционной системе защиты прав человека, где толерантность и широта взглядов являются признанными чертами демократического общества, невозможно автоматическое вмешательство в осуществление заключенными их прав, в том числе права вступать в брачные отношения с человеком по своему выбору, исключительно на основании доводов относительно того, какие действия, по мнению властей, являются допустимыми, а какие могут оскорбить общественное мнение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фрасик против Польши» (*Frasik v. Poland*) 2010 года, §§ 91–93, а также Постановление Европейского Суда по делу «Чернецкий против Украины» (*Chernetskiy v. Ukraine*) 2016 года, § 29, в котором речь шла о регистрации расторжения брака заключенного).

91. В этом контексте Европейский Суд также подчеркивал, что выбор партнера и решение вступать или не вступать с ним в брак, будь то на свободе или в заключении, является сугубо частным и личным вопросом, и не существует универсальных или общепризнанных вариантов такого выбора или решения. Согласно статье 12 Конвенции роль властей заключается в обеспечении того, чтобы право на всту-

пление в брак осуществлялось «в соответствии с национальным законодательством», которое само должно отвечать требованиям Конвенции, однако власти не должны вмешиваться в решение содержащегося под стражей лица вступать в брачные отношения с человеком по своему выбору, особенно под предлогом того, что эти отношения для них неприемлемы или могут оскорбить общественное мнение. Кроме того, разумеется, что пенитенциарные учреждения не рассчитаны на заключение брака и что обычно их не выбирают для бракосочетания по доброй воле. Если содержащееся под стражей лицо хочет вступить в брак, следует определиться не с вопросом о том, имеются ли у него основания заключить брак в тюрьме, а с практическими аспектами, связанными со сроками и необходимой подготовкой, поскольку при этом могут и обычно будут применяться определенные установленные властями условия. Иным образом власти не могут ограничивать право на вступление в брак, если только отсутствуют важные соображения, связанные с этими обстоятельствами, например угроза для безопасности пенитенциарного учреждения или необходимость предотвращения преступлений и беспорядков (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Фрасик против Польши» (*Frasik v. Poland*) 2010 года, § 95).

С. ЗАЩИТА РАЗЛИЧНЫХ КАНАЛОВ СВЯЗИ

92. Как правило, переписка заключенных с внешним миром охраняется статьей 8 Конвенции, особенно их общение со своим законным представителем¹⁹. В своей прецедентной практике Европейский Суд уделял особое внимание необходимости обеспечивать защиту от произвола при применении любых мер по контролю за перепиской заключенных. В частности, он подчеркивал необходимость регулировать длительность применения мер по контролю за перепиской заключенных, соображения, которые могут оправдывать применение этих мер, а также пределы и порядок осуществления любых дискреционных полномочий, которыми в связи с этим наделены органы власти (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Энеа против Италии» (*Enea v. Italy*), § 143). Кроме того, если принимаются меры, приводящие к вмешательству в переписку заключенных, необходимо приводить основания для такого вмешательства, чтобы заявитель и/или те, кто его консультирует

¹⁹ См. главу «Возможность получать юридические консультации» настоящего Руководства. Подробнее о прецедентной практике по статье 34 Конвенции, касающейся переписки заключенных с Европейским Судом, см. в главе о статье 34 Конвенции «Переписка с Европейским Судом» настоящего Руководства.

ет, могли убедиться в том, что закон был применен к заявителю правильно, а решения, принятые в его деле, не являлись необоснованными или произвольными (см. Постановление Европейского Суда по делу «Онуфриу против Кипра» (*Onoufriou v. Cyprus*) 2010 года, § 113).

93. Так, в Постановлении по делу «Петров против Болгарии» (*Petrov v. Bulgaria*) 2008 года, §§ 39–45, Европейский Суд установил нарушение статьи 8 Конвенции в связи с мерами по тотальному контролю за всей перепиской заключенных, не проводящей различий между категориями лиц, с которыми заключенные переписывались, и в отсутствие четких указаний на сроки применения этих мер. Однако в этом деле власти не были обязаны приводить оснований для применения указанной меры по контролю в каком-либо конкретном случае. При таких обстоятельствах Европейский Суд подчеркнул, что даже с учетом пределов усмотрения властей государства-ответчика в этой области контроль за всей корреспонденцией заявителя, адресованной внешним корреспондентам и поступающей извне, нельзя считать соответствующим настоятельной общественной потребности и соразмерным преследуемой правомерной цели.

94. Что касается телефонных звонков, то статья 8 Конвенции сама по себе не гарантирует права их совершать, особенно при наличии достаточных возможностей по ведению переписки. Однако если есть возможность поговорить по телефону, она тоже может, опять же ввиду обычных и разумных требований, связанных с лишением свободы, подлежать ограничениям (см. Постановление Европейского Суда по делу «A.B. против Нидерландов» (*A.B. v. Netherlands*) 2002 года, §§ 92–93, Решение Европейского Суда по делу «Дейвисон против Соединенного Королевства» (*Davison v. United Kingdom*) 2010 года, Постановление Европейского Суда по делу «Нусрет Кайя и другие против Турции» (*Nusret Kaya and Others v. Turkey*) 2014 года, § 36). Вместе с тем любые такого рода ограничения должны отвечать требованиям пункта 2 статьи 8 Конвенции. В этом контексте при определении того, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе», следует принимать во внимание упомянутые выше соображения, касающиеся ограничений переписки заключенных (см. Постановление Европейского Суда по делу «Лебуа против Болгарии» (*Lebois v. Bulgaria*), § 62).

95. Так, в упомянутом выше Постановлении по делу «Нусрет Кайя и другие против Турции» (*Nusret Kaya and Others v. Turkey*) Европейский Суд установил нарушение статьи 8 Конвенции в связи с тем, что администрация пенитенциарного учреждения ограничивала телефонные разговоры заключенных на курдском языке, не приводя

уместных или достаточных оснований для подобного ограничения. В упоминавшемся выше Постановлении по делу «Лебуа против Болгарии» (*Lebois v. Bulgaria*) Европейский Суд установил нарушение статьи 8 Конвенции в связи с тем, что ограничения на пользование телефоном в следственных изоляторах ссылались на внутренние распоряжения, а у заявителя не было достаточных возможностей с ними ознакомиться. Напротив, в упомянутом выше Решении по делу «Дейвисон против Соединенного Королевства» (*Davison v. United Kingdom*) Европейский Суд объявил неприемлемой для рассмотрения по существу как явно необоснованную жалобу заключенного на то, что стоимость звонка с телефона, установленного в пенитенциарном учреждении, была выше, чем стоимость звонка с общественного таксофона, если продолжительность разговора превышала определенное количество минут. Признав ограниченность финансовых возможностей заявителя и существование факторов, препятствующих вести переписку, Европейский Суд, тем не менее, отметил, что заявитель мог регулярно общаться со своей семьей по телефону, хотя и не бесплатно и не по тем тарифам, на которые он, возможно, рассчитывал. Кроме того, даже если и можно полагать, что политика властей (брать больше денег за более продолжительные телефонные звонки из пенитенциарных учреждений для того, чтобы субсидировать стоимость менее продолжительных звонков) привела к вмешательству в осуществление заявителем прав, предусмотренных статьей 8 Конвенции, Европейский Суд пришел к выводу, что эта политика преследовала «правомерную цель» и была «необходима в демократическом обществе». В Постановлении по делу «Бăдулеску против Португалии» (*Bădulescu v. Portugal*)* 2020 года, § 36, Европейский Суд счел, что ограничение продолжительности телефонных разговоров заключенного пятью минутами в день не было несоразмерным по смыслу положений пункта 2 статьи 8 Конвенции с учетом, в частности, необходимости предоставить всем остальным лицам, содержащимся в том же пенитенциарном учреждении, возможность каждый день звонить своим семьям.

96. По аналогии с контактами по телефону Европейский Суд приходил к заключению, что при толковании статьи 8 Конвенции в ней нельзя усматривать гарантию, дающую заключенным право общаться с окружающим миром с помощью электронных устройств с выходом в Интернет, особенно, когда имеются достаточные альтернативные средства, позволяющие поддерживать такие контакты. Так, в Постановлении по делу «Чуперческу против Румынии (№ 3)» (*Ciupercescu v. Romania*) (№ 3) 2020 года, §§ 104–111, касавшемся временного отсутствия у заявителя достаточных юридических возможностей и

инфраструктуры, позволяющих ему общаться со своей женой через Интернет (при том, что законодательство Румынии предусматривало такое право), Европейский Суд не усмотрел оснований для вывода о нарушении статьи 8 Конвенции, поскольку указанное ограничение продолжалось сравнительно недолго (около года) и в этот период у заявителя была возможность видеться со своей женой и разговаривать с ней по телефону.

97. Кроме того, Европейский Суд рассматривал вопрос о предоставлении заключенным доступа к Интернету с точки зрения статьи 10 Конвенции²⁰.

98. В Постановлении Европейского Суда по делу «Калда против Эстонии» (*Kalda v. Estonia*) 2016 года, § 43, заявитель жаловался на то, что он, будучи заключенным, хотел через Интернет получить доступ к информации, опубликованной на определенных сайтах. При рассмотрении этой жалобы Европейский Суд обратил внимание на то, что ввиду своей доступности и способности хранить и передавать огромный объем информации Интернет играет важную роль в улучшении доступа общества к новостям и содействии распространению информации вообще. Однако лишение свободы неизбежно предполагает ряд ограничений возможностей заключенных общаться с внешним миром, в том числе их возможности получать информацию. В данном деле Европейский Суд указал, что в статье 10 Конвенции нельзя усматривать общее обязательство обеспечивать содержащимся под стражей лицам доступ к Интернету или конкретным интернет-сайтам. Вместе с тем он отметил, что в случаях, когда, как в настоящем деле, внутригосударственное законодательство разрешает посещать определенные сайты, содержащие информацию юридического характера, ограничение доступа к другим сайтам, на которых тоже размещена информация юридического характера, является вмешательством в осуществление лицом права получать информацию (см. *ibid.*, §§ 44–45).

99. С учетом обстоятельств вышеназванного дела Европейский Суд подчеркнул, что сайты, обеспечить доступ к которым просил заявитель, содержали главным образом информацию юридического характера и сведения об основных правах, в том числе о правах заключенных. Доступность такой информации способствует повышению осведомленности общества и уважению прав человека. Суды

²⁰ См. подробнее: *Руководство по применению статьи 8 Европейской конвенции по правам человека* (так в тексте; по-видимому, имеется в виду *Руководство по применению статьи 10 Европейской конвенции по правам человека* (примеч. редактора).

Эстонии использовали данную информацию, а значит, заявитель также должен был иметь доступ к ней для защиты своих прав в ходе судебного разбирательства. Кроме того, Европейский Суд отметил, что в ряде документов Совета Европы и в других международно-правовых актах доступ к Интернету все чаще понимается как право. Это сопровождается призывами к разработке эффективных политических решений для обеспечения всеобщего доступа к Интернету и преодоления «цифрового неравенства». Европейский Суд также констатировал, что все больше услуг и информации становятся доступными только через Интернет. Наконец, он обратил внимание на то, что необходимое техническое оборудование и возможности для предоставления заключенным доступа к Интернету уже существуют (см. *ibid.*, §§ 48–54).

100. Аналогичным образом в Постановлении по делу «Янковскис против Литвы» (*Jankovskis v. Lithuania*) 2017 года, §§ 59–64, в котором заявитель жаловался на ограничение доступа к сайту Министерства образования и науки Литвы, позволяющему ему получать информацию образовательного характера, Европейский Суд установил нарушение статьи 10 Конвенции. Он сослался на принципы, выработанные в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Калда против Эстонии» (*Kalda v. Estonia*), и принял во внимание, в частности, характер информации, получения которой добивался заявитель, поскольку она имела значение и для его реинтеграции в общество.

IV. ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

«Статья 2 Конвенции

1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом...».

«Статья 3 Конвенции

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

«Статья 8 Конвенции

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.
2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

101. В прецедентной практике Европейского Суда вопросы, связанные с оказанием заключенным медицинской помощи, возникают главным образом в контексте статьи 3 Конвенции. В некоторых случаях смерть заключенного при подозрительных обстоятельствах также может дать основания предполагать нарушение статьи 2 Конвенции²¹. Кроме того, может возникнуть вопрос о нарушении статьи 8 Конвенции²².

²¹ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 2 Европейской конвенции по правам человека](#).

²² См. подробнее: [Руководство по применению статьи 8 Европейской конвенции по правам человека](#).

102. Применительно к статье 2 Конвенции Европейский Суд указывал, что эта статья обязывает государства не только не совершать умышленных и незаконных убийств, но и устанавливает для них позитивное обязательство принимать надлежащие меры по защите жизни тех, кто находится под их юрисдикцией. Что касается заключенных, у Европейского Суда ранее уже была возможность подчеркнуть, что содержащиеся под стражей лица находятся в уязвимом положении и что власти обязаны их защищать (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мустафаев против Азербайджана» (*Mustafayev v. Azerbaijan*) 2017 года, § 53). Обязательство по защите жизни содержащихся под стражей лиц предполагает обязанность властей оказывать им медицинскую помощь, необходимую для спасения их жизни (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ясинскис против Латвии» (*Jasinskis v. Latvia*) 2010 года, § 60, Решение Европейского Суда по делу «Хилмиоглу против Турции» (*Hilmioğlu v. Turkey*) 2020 года, § 70).

103. По общему правилу, один лишь факт смерти содержащегося под стражей лица при подозрительных обстоятельствах должен поднимать вопрос о том, выполнило ли государство свою обязанность по защите права на жизнь этого лица (см. Постановление Европейского Суда по делу «Карсакова против Российской Федерации» (*Karsakova v. Russia*) 2014 года, § 48). Государство должно отвечать за любой вред, причиненный здоровью человека во время его содержания под стражей, и это обязательство становится особенно строгим, если этот человек умирает (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Мустафаев против Азербайджана» (*Mustafayev v. Azerbaijan*), § 54).

104. Статья 3 Конвенции также предусматривает обязательство государства защищать физическое благополучие лишенных свободы лиц, в том числе предоставляя им необходимую медицинскую помощь (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*) 2000 года, § 94, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Палади против Республики Молдова» (*Paladi v. Moldova*) 2009 года, § 71, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блохин против Российской Федерации» (*Blokhin v. Russia*) 2016 года, § 136). Так, Европейский Суд неоднократно приходил к выводу, что неоказание надлежащей медицинской помощи может представлять собой обращение, нарушающее требования статьи 3 Конвенции (см. *ibid.*, а также Постановление Европейского Суда по делу «Венерский против Польши» (*Wenerski v. Poland*) 2009 года, §§ 56–65). Однако необоснованного утверждения о том, что человеку не оказали медицин-

ской помощи, оказали ее с опозданием или неудовлетворительным образом, обычно недостаточно для того, чтобы возник вопрос о нарушении статьи 3 Конвенции. Как правило, заслуживающая доверия жалоба должна включать в себя, помимо прочего, достаточные ссылки на состояние здоровья человека, описание медицинской помощи, которая требовалась, была предоставлена или в оказании которой было отказано, а также доказательства, например экспертные заключения, которые могут указывать на серьезные недостатки при оказании заявителю медицинской помощи (см. Постановление Европейского Суда по делу «Криволапов против Украины» (*Krivolapov v. Ukraine*) 2018 года, § 76, в котором приводятся ссылки на другие Постановления Европейского Суда по данному вопросу).

105. Наиболее сложной задачей по-прежнему остается определение того, что является «адекватной» медицинской помощью. При рассмотрении данного вопроса Европейский Суд руководствуется критерием надлежащей осмотрительности, поскольку обязанность государства лечить тяжело больного заключенного имеет отношение не к результату, а к средствам достижения этой цели. В частности, сам по себе факт ухудшения состояния здоровья заявителя на первоначальном этапе может породить некоторые сомнения в эффективности оказанной в тюрьме медицинской помощи, но его может оказаться недостаточно для вывода о нарушении позитивных обязательств государства по статье 3 Конвенции, если можно установить, что внутригосударственные органы власти своевременно приняли все возможные разумные меры медицинского характера, добросовестно пытаясь предотвратить развитие заболевания (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гогинашвили против Грузии» (*Goginashvili v. Georgia*) 2011 года, § 71). Тот факт, что задержанного осмотрел врач и назначил ему определенное лечение, не может автоматически привести к выводу об адекватности оказанной медицинской помощи (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хумматов против Азербайджана» (*Hummatov v. Azerbaijan*) 2007 года, § 116). Помимо этого, внутригосударственные власти должны обеспечивать ведение подробных записей о состоянии здоровья лишенного свободы человека и лечении, которое он получал во время содержания под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Худобин против Российской Федерации» (*Khudobin v. Russia*) 2006 года, § 83), о скорости и точности диагностики и лечения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мельник против Украины» (*Melnik v. Ukraine*) 2006 года, §§ 104–106), а также, если этого требует характер заболевания, осуществлять регулярное и систематическое наблюдение, сопровождающееся составлением плана лече-

ния, направленного на устранение проблем со здоровьем у лишеного свободы человека или предотвращение ухудшения его здоровья, а не на борьбу с отдельными симптомами болезни (см. Постановление Европейского Суда по делу «Амиров против Российской Федерации» (*Amirov v. Russia*) 2014 года, § 93).

106. Кроме того, власти государства-ответчика должны доказать, что были созданы все необходимые условия для фактического проведения назначенного лечения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Холомиов против Республики Молдова» (*Holomiov v. Moldova*) 2006 года, § 117). Администрация пенитенциарного учреждения обязана предоставить заключенному лечение, соответствующее его заболеванию(-ям), которое(-ые) было(-и) у него диагностировано(-ы). При наличии разных методов лечения, необходимого для обеспечения надлежащего здоровья заключенного, в целях выполнения своих позитивных обязательств по статье 3 Конвенции администрация пенитенциарного учреждения и внутригосударственные суды могут запросить дополнительное заключение у эксперта — специалиста в области медицины. Отказ властей предоставить тяжело больному заключенному по его просьбе независимую специализированную медицинскую помощь принимается во внимание Европейским Судом при оценке соблюдения государством-ответчиком требований статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Веннер против Германии» (*Wenner v. Germany*) 2016 года, § 57).

107. Лечение в пенитенциарных учреждениях, кроме того, должно быть полноценным, то есть соответствовать уровню, сопоставимому с тем, которое внутригосударственные власти обязались обеспечивать своим жителям в целом. Это не означает, что каждому содержащемуся под стражей лицу должно быть гарантировано оказание медицинской помощи на том же уровне, что и в ведущих медицинских учреждениях вне пенитенциарной системы (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блохин против Российской Федерации» (*Blokhin v. Russia*), § 137, Постановление Европейского Суда по делу «Кара-Дамьяни против Италии» (*Cara-Damiani v. Italy*) 2012 года, § 66).

108. Таким образом, как отмечал Европейский Суд, он оставляет за собой достаточную степень усмотрения при определении необходимого стандарта оказания медицинской помощи, рассматривая этот вопрос индивидуально в каждом конкретном случае. Этот стандарт должен быть «совместим с человеческим достоинством» содержащегося под стражей лица, но при этом он должен учитывать «практические требования, связанные с лишением свободы» (см. упомянутое

выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блохин против Российской Федерации» (*Blokhin v. Russia*), § 137²³, Постановление Европейского Суда по делу «Алексян против Российской Федерации» (*Aleksanyan v. Russia*) 2008 года, § 140, Постановление Европейского Суда по делу «Патранин против Российской Федерации» (*Patranin v. Russia*) 2015 года, § 69).

109. В контексте оказания медицинской помощи в пенитенциарных учреждениях Европейский Суд также придает особое значение защите данных о состоянии здоровья заключенных. Действительно, защита персональных данных, не в последнюю очередь о состоянии здоровья, крайне важна для того, чтобы человек мог пользоваться правом на уважение своей личной и семейной жизни, гарантированным статьей 8 Конвенции. Соблюдение конфиденциальности медицинских данных — это ключевой принцип правовых систем всех государств — участников Конвенции. Важно не только уважать чувство приватности у пациента, но и поддерживать в нем доверие к профессии врача и учреждениям здравоохранения в целом. В отсутствие подобной защиты те, кто нуждаются в медицинской помощи, возможно, не захотят сообщать информацию личного и интимного характера, которая может быть необходима для получения надлежащей помощи, и даже не станут обращаться за такой помощью, поставив тем самым под угрозу свое собственное здоровье (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сулук против Соединенного Королевства» (*Szuluk v. United Kingdom*) 2009 года, § 47). Так, отслеживание переписки заключенного по медицинским вопросам может дать основания предполагать нарушение статьи 8 Конвенции (см. *ibid.*, §§ 49–55). Аналогичным образом на нарушение статьи 8 Конвенции может указывать разглашение данных о состоянии здоровья лишенного свободы лица в ходе судебного разбирательства, касающегося решения вопроса о его предварительном содержании под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Франку против Румынии» (*Frâncu v. Romania*)* 2020 года, §§ 57–61).

В. ФИЗИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ, ИНВАЛИДНОСТЬ И ПОЖИЛОЙ ВОЗРАСТ

110. Нельзя исключать, что содержание больного человека под стражей может дать основания предполагать нарушение статьи 3 Конвенции. К факторам, которые следует принимать во внимание

²³ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду § 138 указанного Постановления (*примеч. редактора*).

при рассмотрении жалоб на нарушение указанной статьи Конвенции, относятся состояние здоровья заявителя, его возраст и наличие у него серьезных физических недостатков (см. Постановление Европейского Суда по делу «Муизель против Франции» (*Mouisel v. France*) 2002 года, § 38).

111. При толковании статьи 3 Конвенции в ней нельзя усматривать общее обязательство освобождать лицо из-под стражи по состоянию здоровья или переводить его в государственное медицинское учреждение, даже если заболевание, которым оно страдает, особенно тяжело поддается лечению. Однако эта статья Конвенции требует от государства обеспечивать, чтобы заключенные содержались под стражей в условиях, совместимых с уважением их человеческого достоинства, чтобы порядок и способ реализации этих мер не причиняли им боль или лишения, превышающие неизбежный уровень страданий заключенного под стражу лица, и чтобы, с учетом практических требований лишения свободы, их здоровье и благополучие были обеспечены достаточным образом, например, путем оказания им необходимой медицинской помощи (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гримайловс против Латвии» (*Grimailovs v. Latvia*) 2013 года, § 150, Постановление Европейского Суда по делу «Юнусова и Юнусов против Азербайджана» (*Yunusova and Yunusov v. Azerbaijan*) 2016 года, § 138). Следовательно, в особенно серьезных случаях может возникнуть ситуация, когда надлежащее отправление правосудия по уголовным делам требует предоставлять средства правовой защиты в виде мер гуманитарного характера (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Энеа против Италии» (*Enea v. Italy*) 2009 года, § 58).

112. Так, например, в Постановлении по делу «Серифис против Греции» (*Serifis v. Greece*) 2006 года, §§ 34–36, Европейский Суд пришел к выводу, что, несмотря на серьезность заболеваний заявителя (паралич и рассеянный склероз), в период его содержания под стражей власти государства-ответчика откладывали оказание ему медицинской помощи, отвечающей его реальным потребностям. Это причиняло ему боль или лишения, превышающие неизбежный уровень страданий заключенного под стражу лица, и нарушало требования статьи 3 Конвенции. Равным образом в упомянутом выше Постановлении по делу «Холомиов против Республики Молдова» (*Holomiov v. Moldova*), §§ 117–122, Европейский Суд подчеркнул, что главное место в его анализе занимает не отсутствие медицинской помощи вообще, а непредоставление адекватной медицинской помощи, соответствующей особенностям состояния здоровья заявителя. В указанном деле Европейский Суд отметил, в частности, что,

страдая тяжелыми заболеваниями почек, серьезно угрожающими его здоровью, заявитель почти четыре года содержался под стражей, не получая надлежащей медицинской помощи. В связи с этим он решил, что страдания заявителя представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу положений статьи 3 Конвенции. Аналогичный вывод был сделан в нескольких других делах, где речь шла о различных заболеваниях сердца (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Ашот Арутюнян против Армении» (*Ashot Harutyunyan v. Armenia*) 2010 года, §§ 105–116, Постановление Европейского Суда по делу «Колесникович против Российской Федерации» (*Kolesnikovich v. Russia*) 2016 года, §§ 72–81).

113. В Постановлении по делу «V.D. против Румынии» (*V.D. v. Romania*) 2010 года, §§ 94–100, Европейский Суд рассмотрел жалобу заключенного, у которого были серьезные проблемы с зубами (у него практически не осталось зубов). Заявитель не мог вставить зубные протезы, поскольку у него не было средств за них заплатить. Европейский Суд постановил, что по делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции. Он отметил, в частности, что власти государства-ответчика знали о поставленном врачами диагнозе, согласно которому заявителю нужны были вставные зубы, но не предоставили ему возможности их вставить. Будучи заключенным, заявитель мог вставить протезы, только полностью оплатив их стоимость из собственных средств. Поскольку его страховка не покрывала этих расходов, а необходимой суммы денег у него не было (власти Румынии знали об этом факте и не оспаривали его), он не мог вставить себе зубы. Этих обстоятельств оказалось достаточно, чтобы Европейский Суд пришел к выводу, что правила социального страхования заключенных, согласно которым часть стоимости зубных протезов они должны были оплачивать из собственных средств, оказались неэффективными из-за административных препятствий. Кроме того, по делу не было дано удовлетворительного объяснения тому, почему заявителю не вставили зубы после того, как появилась возможность полностью оплатить стоимость зубных протезов за счет государственных средств.

114. Кроме того, Европейский Суд устанавливал нарушения статьи 3 Конвенции в связи с недостатками в оказании медицинской помощи в отношении заболеваний, касающихся других диагнозов, и/или вследствие отсутствия возможности получить соответствующие медицинские услуги. В частности, эти вопросы касались проблем со зрением и конфискации очков у заключенного (см. Постановление Европейского Суда по делу «Слюсарев против Российской Федерации» (*Slyusarev v. Russia*) 2010 года, §§ 34–44, Постановление

Европейского Суда по делу «Ксирос против Греции» (*Xiros v. Greece*) 2010 года, §§ 84–90), непредоставления ортопедической обуви (см. Постановление Европейского Суда по делу «Владимир Васильев против Российской Федерации» (*Vladimir Vasilyev v. Russia*) 2012 года, §§ 67–68). В связи с этим следует отметить, что к нарушению статьи 3 Конвенции могут привести необоснованные задержки при постановке диагноза или оказании медицинской помощи (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ногин против Российской Федерации» (*Nogin v. Russia*) 2015 года, § 97, относительно задержки в проведении офтальмологической операции больному диабетом; Постановление Европейского Суда по делу «Кондрулин против Российской Федерации» (*Kondrulin v. Russia*) 2016 года, § 59, относительно задержки в постановке диагноза).

115. В некоторых случаях к нарушению статьи 3 Конвенции может привести необоснованный отказ перевести заключенного на лечение в гражданскую больницу, если в пенитенциарном учреждении нет специалистов и оборудования, которые необходимы для лечения этого заключенного (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мозер против Республики Молдова и Российской Федерации» (*Mozer v. Republic of Moldova and Russia*) 2016 года, § 183). Кроме того, в Постановлении по делу «Дорнеану против Румынии» (*Dorneanu v. Romania*) 2017 года, §§ 93–100, касающемся заключенного, на момент поступления в пенитенциарное учреждение уже страдавшего заболеванием, которое в скором времени могло привести к его смерти, Европейский Суд отметил, что, так как состояние здоровья заявителя продолжало ухудшаться, он не мог вылечиться в условиях лишения свободы. С учетом этого Европейский Суд пришел к выводу, что власти государства-ответчика должны были принять в связи с этим особые меры исходя из гуманитарных соображений. Однако поскольку власти Румынии не приняли надлежащим образом во внимание соображения целесообразности и необходимости дальнейшего содержания заявителя под стражей, Европейский Суд установил, что по делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Гюлай Четин против Турции» (*Gülay Çetin v. Turkey*) 2013 года, §§ 114–125).

116. Кроме того, следует отметить, что Европейский Суд уделяет особое внимание надлежащему ведению медицинской документации в местах лишения свободы. В Постановлении по делу «Яков Станчиу против Румынии» (*Iacov Stanciu v. Romania*) 2012 года, §§ 180–186, в котором заявитель жаловался на то, что во время содержания под стражей у него появился ряд хронических и серьезных заболеваний,

Европейский Суд постановил, что условия содержания заявителя под стражей представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, нарушающее требования статьи 3 Конвенции. Европейский Суд, в частности, не был уверен в том, что заявитель, находясь под стражей, получал адекватную медицинскую помощь. Подробных записей о состоянии его здоровья, назначенном и проведенном лечении не велось. По этой причине было невозможно регулярно и систематически отслеживать состояние его здоровья. Не было составлено комплексного плана по лечению его болезней или по предотвращению ухудшения состояния его здоровья. В результате за годы содержания под стражей здоровье заявителя серьезно ухудшилось.

117. Что касается лечения инвалидов, Европейский Суд приходил к выводу, что, когда власти решают задержать инвалида и содержать его под стражей, они должны уделять особое внимание обеспечению условий, которые соответствовали бы особым потребностям, связанным с его инвалидностью (см. Постановление Европейского Суда по делу «Z.H. против Венгрии» (*Z.H. v. Hungary*) 2012 года, § 29, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Гримайловс против Латвии» (*Grimailovs v. Latvia*), § 151, в котором приводятся ссылки на другие Постановления Европейского Суда по данному вопросу).

118. Например, в Постановлении по делу «Прайс против Соединенного Королевства» (*Price v. United Kingdom*) 2001 года, §§ 25–30, Европейский Суд решил, что содержание человека с серьезными физическими недостатками в условиях, при которых низкая температура представляла для него опасность, при наличии риска развития кожных заболеваний из-за того, что его койка была слишком жесткой или до нее было трудно добраться, и серьезных проблем, с которыми он сталкивался при посещении туалета или при соблюдении правил личной гигиены, представляло собой унижающее достоинство обращение, нарушающее требования статьи 3 Конвенции. Аналогичным образом в Постановлении по делу «D.G. против Польши» (*D.G. v. Poland*) 2013 года, § 177, Европейский Суд установил, что содержание парализованного человека, который был прикован к инвалидной коляске, болел параплегией и имел множество других проблем со здоровьем, в условиях, когда ему не обеспечивалось непрерывное пополнение запаса урологических прокладок и катетеров и он не имел возможности без ограничений пользоваться душем, а необходимую помощь ему вынуждены были оказывать сокамерники и он сталкивался с трудностями, чтобы содержать себя в чистоте, представляло собой нарушение статьи 3 Конвенции.

119. Напротив, в Постановлении по делу «Зажицкий против Польши» (*Zarzycki v. Poland*) 2013 года, § 125, касающемуся заключенно-го-инвалида, у которого были ампутированы обе руки, Европейский Суд отметил, в частности, активную позицию администрации пенитенциарного учреждения по отношению к заявителю (ему бесплатно предоставили простые механические протезы и предложили небольшую компенсацию расходов на приобретение биомеханических протезов). В связи с этим Европейский Суд счел, что власти государства-ответчика оказывали заявителю постоянную и достаточную помощь, необходимую с учетом его особых потребностей, и постановил, что заключенный с ампутированными конечностями, конечно, более уязвим для лишений, связанных с содержанием под стражей, и что в этом деле обращение с заявителем не достигло уровня жестокости, которое представляло бы собой унижающее достоинство обращение, нарушающее требования статьи 3 Конвенции.

120. Европейский Суд также считал, что содержание инвалида в пенитенциарном учреждении, где он не мог перемещаться и, в частности, покидать свою камеру без посторонней помощи, представляло собой унижающее достоинство обращение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Венсан против Франции» (*Vincent v. France*) 2006 года, § 103, а также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Гримайловс против Латвии» (*Grimailovs v. Latvia*), §§ 157–162). В Постановлении по делу «Арутюнян против Российской Федерации» (*Arutyunyan v. Russia*) 2012 года, § 77, Европейский Суд, констатируя нарушение статьи 3 Конвенции, отметил, в частности, что на протяжении почти 15 месяцев заявителя, который мог перемещаться только на инвалидной коляске, заставляли как минимум четыре раза в неделю подниматься и спускаться по лестнице, состоящей из четырех пролетов, для прохождения длительных, сложных и изнуряющих медицинских процедур, которые были ему жизненно необходимы по состоянию здоровья. Это, несомненно, причиняло ему излишнюю боль и неоправданно подвергало серьезной опасности его здоровье.

121. Кроме того, Европейский Суд считал, что, когда человек с серьезным физическим недостатком вынужден полагаться на своих сокамерников, чтобы они помогали ему пользоваться туалетом, мыться, одеваться и раздеваться, это может привести к выводу о том, что такие условия содержания под стражей представляют собой унижающее достоинство обращение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Энгель против Венгрии» (*Engel v. Hungary*) 2010 года, §§ 27 и 30, а также Постановление Европейского Суда по делу «Хельхаль против Франции» (*Helhal v. France*) 2015 года, § 62, Постановление

Европейского Суда по делу «Топехин против Российской Федерации» (*Topekhin v. Russia*) 2016 года, § 86). В целом Европейский Суд высказывал сомнения в том, допустимо ли поручать заботу о человеке, страдающем серьезным заболеванием, людям без соответствующей квалификации (см. Постановление Европейского Суда по делу «Поторок против Румынии» (*Potoroc v. Romania*) 2020 года, § 77). Далее, в Постановлении по делу «Хусейн Йылдырым против Турции» (*Hüseyin Yıldırım v. Turkey*) 2007 года, § 84, Европейский Суд установил, что перевод заключенного-инвалида в другое пенитенциарное учреждение представлял собой унижающее достоинство обращение, поскольку ответственность за заключенного была возложена на жандармов, которые, не обладая специальными познаниями, не могли предвидеть медицинские риски, связанные с перевозкой инвалида.

122. Наконец, следует отметить, что основания предполагать нарушение Конвенции могут возникнуть вследствие длительного содержания под стражей пожилых заключенных, особенно если у них есть проблемы со здоровьем. В этом отношении Европейский Суд подчеркивал, что пожилой возраст не является препятствием для предварительного содержания под стражей или для отбывания наказания в виде лишения свободы ни в одном из государств — членов Совета Европы. Однако возраст в совокупности с другими факторами, например состоянием здоровья, может учитываться при назначении или отбывании наказания (например, когда наказание назначается условно или заменяется домашним арестом). В связи с этим необходимо принимать во внимание обстоятельства каждого конкретного дела (см. Решение Европейского Суда по делу «Папон против Франции (№ 1)» (*Papon v. France*) (№ 1) 2001 года).

123. В указанном выше Решении по делу «Папон против Франции (№ 1)» (*Papon v. France*) (№ 1), в котором речь шла о девяностолетнем заключенном, Европейский Суд отметил, что, хотя у заявителя и имелись проблемы с сердцем, в экспертном заключении его общее состояние было названо «хорошим». При таких обстоятельствах общее состояние его здоровья и в целом нормальные условия содержания под стражей означали, что обращение с ним не достигло уровня жестокости, начиная с которого оно стало бы попадать под действие статьи 3 Конвенции.

124. Напротив, в Постановлении по делу «Фарбтухс против Латвии» (*Farbtuhs v. Latvia*) 2004 года, §§ 56–61, Европейский Суд отметил, что на момент начала отбывания наказания заявителю было 84 года, он был парализован и по состоянию здоровья не мог посещать большую часть мероприятий в течение дня без посторонней помощи. По мнению Европейского Суда, принимая решение заключить чело-

века под стражу, власти должны проявлять особую заботу, чтобы обеспечить соответствие условий содержания под стражей конкретным потребностям этого лица, связанным с его инвалидностью. Приняв во внимание обстоятельства данного дела, Европейский Суд счел, что с учетом возраста, физических недостатков и состояния здоровья заявителя его дальнейшее содержание под стражей было нецелесообразным. Кроме того, задержав освобождение его из-под стражи более чем на год, несмотря на то, что начальник тюрьмы подал официальное ходатайство о его освобождении с приложением медицинских справок, власти Латвии не обеспечили заявителю обращения, соответствующего требованиям статьи 3 Конвенции. Аналогичным образом в Постановлении по делу «Контрада против Италии (№ 2)» (*Contrada v. Italy*) (№ 2) 2014 года, §§ 83–85, Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции, в частности, в связи с почти девятимесячной задержкой в удовлетворении ходатайства пожилого заявителя о его переводе под домашний арест.

С. ИНФЕКЦИОННЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

125. Принципы, сформулированные в прецедентной практике Европейского Суда применительно к необходимости оказывать адекватную медицинскую помощь содержащимся под стражей лицам с соматическими заболеваниями, применяются и к инфекционным заболеваниям. Вместе с тем власти обязаны решить, какие обследования нужно провести для того, чтобы диагностировать заболевание у заключенного, дать ему возможность определить подходящее лечение и оценить шансы на выздоровление (см. Постановление Европейского Суда по делу «Теста против Хорватии» (*Testa v. Croatia*) 2007 года, § 10, Постановление Европейского Суда по делу «Погосян против Грузии» (*Poghossian v. Georgia*) 2009 года, § 57, Постановление Европейского Суда по делу «Кэтэлин Эуген Мику против Румынии» (*Cătălin Eugen Micu v. Romania*) 2016 года, § 58).

126. Так, например, в Постановлении по делу «Котсафтис против Греции» (*Kotsaftis v. Greece*) 2008 года, §§ 51–61, в котором речь шла о заключенном с циррозом печени, вызванным хроническим гепатитом В, Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции из-за того, что заявитель вопреки рекомендациям экспертов около девяти месяцев содержался под стражей без предоставления особой диеты или лечения соответствующими препаратами и не проходил обследований в специализированном медицинском центре. Кроме того, операция, назначенная на конкретный день, была проведена только через год. Кроме того, Европейский Суд также выразил со-

жаление в связи с тем, что заявитель, страдающий тяжелым и очень заразным заболеванием, содержался в переполненной камере вместе с десятью другими заключенными.

127. В деле, касающемся неоказания специализированной медицинской помощи ВИЧ-инфицированному подследственному, Европейский Суд указал на отсутствие информации о том, что в медицинской части следственного изолятора заявителю когда-либо проводилась антиретровирусная терапия, или о том, что работающий там медицинский персонал имел необходимый опыт и практические навыки ее проведения. На этом основании Европейский Суд пришел к выводу, что медицинская часть не являлась подходящим учреждением для этих целей. Кроме того, Европейский Суд не усмотрел каких-либо серьезных препятствий практического характера для немедленного перевода заявителя в специализированное медицинское учреждение. Исходя из изложенного Европейский Суд констатировал нарушение статьи 3 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Алексанян против Российской Федерации» (*Aleksanyan v. Russia*), §§ 156–158). Напротив, Европейский Суд приходил к выводу, что отсутствие в аптеке следственного изолятора лекарств для проведения антиретровирусной терапии само по себе не приводит к нарушению статьи 3 Конвенции. В частности, принимая во внимание, что государства – участники Конвенции обязаны предоставлять любую медицинскую помощь, которую они могут оказать с учетом имеющихся у них ресурсов, Европейский Суд счел, что у властей государства-ответчика не было безусловного обязательства бесплатно провести заявителю весьма дорогостоящую антиретровирусную терапию. В действительности заявитель мог получать необходимые препараты от своих родственников и не утверждал, что приобретение этих лекарств возложило на него или на его родственников чрезмерное финансовое бремя (см. *ibid.*, §§ 145–150).

128. В Решении по делу «Федосеевс против Латвии» (*Fedosejevs v. Latvia*) 2013 года, §§ 48–53, касающемся заключенного, который заразился ВИЧ и гепатитом С до его заключения под стражу, Европейский Суд, говоря о ВИЧ-положительном статусе заявителя, отметил, что ему делали специальный анализ крови каждые два – шесть месяцев. Согласно соответствующим рекомендациям Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) этот анализ необходим для определения того, нуждается ли ВИЧ-инфицированный пациент в антиретровирусной терапии. Европейский Суд указал, что в тот период, о котором шла речь в жалобе, количество кровяных клеток у заявителя ни разу не падало ниже соответствующего показателя, который ВОЗ считает решающим для начала проведения этой терапии. Европей-

ский Суд также отметил, что заявителю оказывалось необходимое симптоматическое лечение имевшегося у него гепатита С и что другим его проблемам со здоровьем также уделялось достаточное внимание, поэтому он признал жалобы заявителя неприемлемыми для рассмотрения по существу в связи с их явной необоснованностью.

129. Особый вопрос в связи с инфекционными заболеваниями возникает в случаях, когда заявитель заразился ими, находясь в пенитенциарном учреждении. В упомянутом выше Постановлении по делу «Кэтэлин Эуген Мику против Румынии» (*Cătălin Eugen Micu v. Romania*), § 56, Европейский Суд пояснил, что согласно его прецедентной практике требования к государству в связи с состоянием здоровья содержащихся под стражей лиц могут отличаться в зависимости от того, является заболевание, которым заразился заявитель, инфекционным (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Гавтадзе против Грузии» (*Ghvtadze v. Georgia*) 2009 года, § 86, и Постановление Европейского Суда по делу «Фулоп против Румынии» (*Fülöp v. Romania*) 2012 года, § 34, в которых заявители утверждали, что они заразились в тюрьме туберкулезом) или неинфекционным (см. Постановление Европейского Суда по делу «Яманди против Румынии» (*Iamandi v. Romania*) 2010 года, § 65, в котором заявитель был болен диабетом).

130. Европейский Суд подчеркивал, что распространение инфекционных заболеваний, в частности туберкулеза, гепатита и ВИЧ/СПИДа, должно вызывать обеспокоенность с точки зрения охраны здоровья общества, особенно в условиях пенитенциарных учреждений. В связи с этим Европейский Суд счел желательным, чтобы в разумный срок после поступления в пенитенциарное учреждение у содержащихся там лиц с их согласия была возможность пройти полное обследование на гепатит и ВИЧ/СПИД (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кэтэлин Эуген Мику против Румынии» (*Cătălin Eugen Micu v. Romania*), § 56, а также Постановление Европейского Суда по делу «Джеладзе против Грузии» (*Jeladze v. Georgia*) 2012 года, § 44, в котором он пришел к выводу, что трехлетняя задержка в проведении заявителю анализа на гепатит С свидетельствовала о пренебрежении государством общей обязанностью принимать эффективные меры по недопущению распространения гепатита С или иных инфекционных заболеваний в местах лишения свободы; см. в качестве примера другого подхода Постановление Европейского Суда по делу «Салахов и Ислямова против Украины» (*Salakhov and Islyamova v. Ukraine*) 2013 года, §§ 124–125, касавшееся ВИЧ-инфекции, в котором нужно было принимать во внимание требования по защите конфиденциальности в процессе наблюдения

за состоянием здоровья ВИЧ-инфицированных пациентов). Европейский Суд также считал, что содержание ВИЧ-инфицированных заключенных в отдельной камере, но в обычном корпусе тюрьмы, где жили заключенные, не инфицированные ВИЧ, не представляет собой недопустимую сегрегацию и не нарушает требований статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Дикай и другие против Греции» (*Dikaiou and Others v. Greece*) 2020 года, §§ 52–55; см. в качестве примера другого подхода Постановление Европейского Суда по делу «Мартзаклис и другие против Греции» (*Martzaklis and Others v. Greece*) 2015 года, где ВИЧ-инфицированные заключенные содержались в отдельной камере в тюремной психиатрической больнице).

131. Вне зависимости от того, заразился заявитель во время содержания под стражей или нет, государство обязано обеспечивать лечение заключенных, за которых оно несет ответственность, а неоказание адекватной медицинской помощи в связи с серьезными проблемами со здоровьем, которых у заявителя не было до его заключения под стражу, может привести к нарушению статьи 3 Конвенции. Особую обеспокоенность у Европейского Суда вызывает неоказание медицинской помощи или оказание ее в недостаточном объеме, особенно в случаях, когда человек заболел во время содержания под стражей. Следовательно, Европейский Суд обязан оценивать качество медицинских услуг, оказанных заявителю в том или ином конкретном случае, и определять, был ли тот лишен адекватной медицинской помощи, а если да, то являлось ли это бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, запрещенным статьей 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Щебетов против Российской Федерации» (*Shchebetov v. Russia*) 2012 года, § 71).

132. В упомянутом выше Постановлении по делу «Кэтэлин Эуген Мику против Румынии» (*Cătălin Eugen Micu v. Romania*), §§ 56–62, Европейский Суд на основании имевшихся доказательств решил, что заявитель заразился гепатитом С не в тюрьме. Кроме того, Европейский Суд установил, что заявителю обеспечивалось адекватное лечение согласно поставленному ему диагнозу. Аналогичным образом в упомянутом выше Постановлении по делу «Щебетов против Российской Федерации» (*Shchebetov v. Russia*), §§ 46–58, Европейский Суд не согласился с доводами заявителя и решил, что заявитель не заразился ВИЧ в исправительной колонии, когда сдавал кровь на анализ. В то же время он отметил, что утверждения заявителя привели к возникновению процессуального обязательства по статье 2 Конвенции провести расследование обстоятельств заражения заявителя ВИЧ-инфекцией. В конкретных обстоятельствах этого дела Европейский Суд счел рас-

следование, проведенное властями Российской Федерации, эффективным для целей применения статьи 2 Конвенции.

133. Кроме того, необходимо отметить, что согласно прецедентной практике Европейского Суда один лишь тот факт, что ВИЧ-инфицированные подследственные или осужденные пользуются теми же столовыми, медицинскими пунктами, санитарным оборудованием и другими объектами, что и другие заключенные, сам по себе не дает оснований предполагать нарушение статьи 3 Конвенции (см. Решение Европейского Суда по делу «Коробов и другие против Российской Федерации» (*Korobov and Others v. Russia*) 2006 года). В связи с этим в Постановлении по делу «Артёмов против Российской Федерации» (*Artyomov v. Russia*) 2010 года, § 190, Европейский Суд, признав жалобу заявителя на его содержание в исправительной колонии вместе с ВИЧ-инфицированными заключенными неприемлемой для рассмотрения по существу из-за ее явной необоснованности, обратил внимание на то, что заявитель не утверждал, будто его незаконно подвергли реальной опасности заражения ВИЧ-инфекцией. Кроме того, заявитель не оспаривал, что администрация колонии принимала необходимые меры по недопущению половых связей между сокамерниками, а употребление наркотиков и нанесение татуировок было запрещено. Европейский Суд также учел, что администрация колонии принимала меры по минимизации вреда и, опираясь на точные и объективные сведения о ВИЧ-инфекции и СПИДе, четко определила возможные способы передачи ВИЧ. Европейский Суд также придавал особое значение тому обстоятельству, что администрация колонии обращалась за консультациями по поводу снижения риска распространения ВИЧ.

134. Вместе с тем в Решении по делу «Шелли против Соединенного Королевства» (*Shelley v. United Kingdom*) 2008 года, касавшемуся жалобы на решение властей отказаться от программы обмена шприцев для наркозависимых заключенных, направленной на то, чтобы помочь предотвратить распространение вирусов, Европейский Суд подчеркнул, что вне зависимости от более высокого уровня заболеваемости ВИЧ и гепатитом С в пенитенциарных учреждениях он не убежден в том, что общий неконкретизированный риск или страх заразиться, будучи заключенным, был достаточно серьезным, чтобы дать основания предполагать нарушения статей 2 или 3 Конвенции. В то же время Европейский Суд был готов допустить, что заявитель, содержащийся в тюрьме, где вероятность заражения ВИЧ и гепатитом С была намного выше, мог требовать, чтобы администрация тюрьмы приняла меры по охране его здоровья по смыслу положений статьи 8 Конвенции.

135. Применительно к статье 8 Конвенции Европейский Суд отмечал, что в его прецедентной практике нет решений или постановлений, которые возлагали бы на органы власти государств – участников Конвенции обязанность принимать в пенитенциарных учреждениях какие-либо профилактические меры по охране здоровья. Хотя не исключено возникновение позитивного обязательства по пресечению или недопущению распространения конкретной болезни или инфекции, Суд не считает, что любая потенциальная угроза здоровью, не соответствующая стандартам статей 2 или 3 Конвенции, обязательно приводит к появлению у властей государства обязанности принимать какие-либо конкретные профилактические меры. Вопросы оказания медицинской помощи, в частности, касающиеся профилактических мер общего характера, в принципе охватываются свободой усмотрения властей. В рассматриваемом деле заявитель не смог указать на какое-то непосредственное негативное воздействие на его личную жизнь. Кроме того, ему не отказывались предоставить информацию или оказать помощь в связи с угрозой его здоровью, за которую власти прямо или косвенно несли ответственность. С учетом свободы усмотрения, которой пользуются власти, принимая решения о выделении ресурсов и расстановке приоритетов, а также отметив правомерность усилий по уменьшению наркозависимости в тюрьмах и тот факт, что некоторые профилактические меры (обеспечение дезинфицирующими таблетками) все-таки были приняты и что власти следили за развитием ситуации в других местах, Европейский Суд счел поданную заявителем жалобу явно необоснованной.

136. Наконец, у властей есть процессуальное обязательство установить обстоятельства заражения инфекционными заболеваниями в пенитенциарных учреждениях, а если заключенный скончался, провести официальное расследование, чтобы определить, могла ли его смерть быть вызвана халатностью врачей. Это обязательство не означает, что всегда требуется использовать уголовно-правовые средства: в некоторых случаях может оказаться достаточным расследование, проведенное в рамках дисциплинарного или гражданского разбирательства (см. Решение Европейского Суда по делу «Исмадуллаев против Российской Федерации» (*Ismatullayev v. Russia*) 2012 года, § 27, Решение Европейского Суда по делу «Кекелашвили против Грузии» (*Kekelashvili v. Georgia*) 2020 года, §§ 45–54).

D. ОХРАНА ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

137. По вопросу об обращении с заключенными, имеющими проблемы с психическим здоровьем, Европейский Суд последовательно

приходил к выводу, что статья 3 Конвенции требует от государств обеспечивать надлежащую охрану здоровья и благополучия заключенных, в том числе путем оказания им необходимой медицинской помощи (см. Постановление Европейского Суда по делу «Славомир Мусял против Польши» (*Sławomir Musiał v. Poland*) 2009 года, § 87). В этом контексте обязательства по статье 3 Конвенции могут оказаться настолько широкими, что они будут включать в себя обязанность властей переводить душевнобольных заключенных в специальные учреждения, где они могли бы получить адекватное лечение (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мюррей против Нидерландов» (*Murray v. Netherlands*) 2016 года, § 105, Постановление Европейского Суда по делу «Раффрей Таддеи против Франции» (*Raffray Taddei v. France*) 2010 года, § 63).

138. При определении того, было ли содержание больного человека под стражей совместимо со статьей 3 Конвенции, Европейский Суд принимает во внимание его состояние здоровья и то, как на него повлиял способ реализации лишения свободы. Европейский Суд подчеркивал, что условия содержания под стражей ни при каких обстоятельствах не должны вызывать у лишенного свободы человека чувства страха, беспокойства и неполноценности, способные оскорбить и унижить его и, возможно, сломить его физическое и моральное сопротивление. В связи с этим Европейский Суд признавал, что содержащиеся под стражей лица, страдающие психическими расстройствами, находятся в более уязвимом положении, чем обычные заключенные, и что определенные требования жизни в неволе представляют большую опасность для их здоровья, усугубляя опасность того, что они будут страдать от чувства неполноценности, и неизбежно, что эти условия будут являться для них источником стресса и тревоги. Данная ситуация требует повышенного внимания при рассмотрении вопроса о соблюдении Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Руман против Бельгии» (*Rooman v. Belgium*) 2019 года, § 145). При оценке ситуации этих конкретных заключенных нужно принимать во внимание степень уязвимости этих лиц, а в некоторых случаях их неспособность жаловаться связно или вообще жаловаться на то, как на них повлияло какое-либо конкретное обращение (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мюррей против Нидерландов» (*Murray v. Netherlands*), § 106, Постановление Европейского Суда по делу «Херцегфалви против Австрии» (*Herczegfalvy v. Austria*) 1992 года, § 82, Постановление Европейского Суда по делу «Аэртс против Бельгии» (*Aerts v. Belgium*) 1998 года, § 66).

139. Кроме того, когда речь идет о подобных заключенных, мало провести обследование и поставить диагноз, наоборот, крайне важно, чтобы им также обеспечивали надлежащее лечение выявленного заболевания и соответствующее наблюдение врачей (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мюррей против Нидерландов» (*Murray v. Netherlands*), § 106). В этом отношении Европейский Суд учитывает эффективность медицинской помощи и медицинского обслуживания в период содержания под стражей (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Руман против Бельгии» (*Rooman v. Belgium*), §§ 146–147). Отсутствие комплексного плана лечения заключенного, имеющего проблемы с психическим здоровьем, может являться «отказом в проведении лечения» и нарушать статью 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Стразимири против Албании» (*Strazimiri v. Albania*) 2020 года, §§ 108–112).

140. Европейский Суд применял указанные выше принципы в связи с лечением различных психических заболеваний у заключенных, а именно: хронической депрессии (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*); психических расстройств с суицидальными наклонностями (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ривьер против Франции» (*Rivière v. France*) 2006 года, Постановление Европейского Суда по делу «Жанти против Бельгии» (*Jeanty v. Belgium*) 2020 года, §§ 101–114); посттравматического стрессового расстройства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Новак против Хорватии» (*Novak v. Croatia*) 2007 года); хронической параноидальной шизофрении (см. Постановление Европейского Суда по делу «Дюбеку против Албании» (*Dybeku v. Albania*) 2007 года, а также см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Славомир Мусял против Польши» (*Sławomir Musiał v. Poland*); острых психотических расстройств (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ренольд против Франции» (*Renolde v. France*) 2008 года); различных неврологических расстройств (см. Постановление Европейского Суда по делу «Капрыковский против Польши» (*Kaprykowski v. Poland*) 2009 года); синдрома Мюнхгаузена (психического расстройства, характеризующегося потребностью симулировать болезнь) (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Раффрей Таддеи против Франции» (*Raffray Taddei v. France*); расстройств, которыми страдают психически больные лица, совершающие половые преступления (см. Постановление Европейского Суда по делу «Клас против Бельгии» (*Claes v. Belgium*) 2013 года). В этом контексте могут также возникать вопросы о со-

блюденнии статьи 2 Конвенции в связи с необходимостью предотвращать самоубийства содержащихся под стражей лиц²⁴.

141. Кроме того, при определении законности содержания под стражей человека, страдающего психическим расстройством, с точки зрения статьи 5 Конвенции имеют значение условия, в которых он проходит лечение (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Руман против Бельгии» (*Rooman v. Belgium*), §§ 194 и 208)²⁵.

142. В связи с этим Европейский Суд допускал, что содержание лица под стражей автоматически не становится незаконным только из-за того, что его не поместили в соответствующее учреждение. Определенная задержка в переводе в клинику или больницу допустима, если она связана с несоответствием между действительным и требуемым количеством мест в психиатрических учреждениях. Вместе с тем существенная задержка в переводе в данные учреждения, а значит, в лечении человека, очевидно, уменьшает шансы на успешное лечение и может привести к нарушению статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Панкевич против Польши» (*Pankiewicz v. Poland*) 2008 года, § 45, в котором он постановил, что задержка продолжительностью два месяца и 25 дней являлась чрезмерной с учетом того, что принудительное содержание заявителя в обычном пенитенциарном учреждении оказало отрицательное влияние на его здоровье).

143. Кроме того, в контексте превентивного заключения под стражу «задним числом» Европейский Суд приходил к выводу, что условия содержания лица под стражей могут меняться за время лишения его свободы, даже если в его основе лежит одно и то же постановление о заключении под стражу. Содержание душевнобольного человека под стражей на основании одного и того же постановления может, по мнению Европейского Суда, стать законным, а значит, соответствовать требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции после перевода этого человека в подходящее учреждение. Согласно данному толкованию термина «законность» действительно существует внутренняя связь между законностью лишения свободы и способами реализации этой меры. Из этого следует, что моментом или периодом времени, который нужно использовать для определения того, содержался ли человек в подходящем учреждении для психически больных пациен-

²⁴ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 2 Европейской конвенции по правам человека](#).

²⁵ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 5 Европейской конвенции по правам человека](#).

тов, является срок его содержания под стражей, о котором идет речь в жалобе, поданной в Европейский Суд, а не дата вынесения постановления о заключении под стражу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ильнзеер против Германии» (*Inseher v. Germany*) 2018 года, §§ 139 и 141).

144. Таким образом, рассматривая дела о содержании под стражей душевнобольных лиц и оценивая, насколько подходящим является учреждение, куда их поместили, Европейский Суд уделял внимание не столько основной цели содержания в этом учреждении, сколько конкретным условиям содержания в нем и наличию у человека возможности получать там подходящее лечение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бергманн против Германии» (*Bergmann v. Germany*) 2016 года, § 124, Постановление Европейского Суда по делу «Кадушич против Швейцарии» (*Kadusic v. Switzerland*) 2018 года, §§ 56 и 59). Далее, несмотря на то, что психиатрические больницы по определению подходят для содержания психически больных лиц, Европейский Суд подчеркивал необходимость сопровождать направление в эти учреждения эффективными и последовательными медицинскими мерами, чтобы не лишать содержащихся там лиц шансов выйти на свободу (см. Решение Европейского Суда по делу «Франк против Германии» (*Frank v. Germany*) 2010 года).

145. Определяя, была ли заявителю оказана удовлетворительная психиатрическая помощь, Европейский Суд учитывает мнение специалистов в области здравоохранения и решения, принятые органами власти государства-ответчика в конкретном деле, а также более общие выводы о непригодности тюремных психиатрических учреждений для содержания душевнобольных лиц, сделанные на внутригосударственном и международном уровнях (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Хаджич и Сульжич против Боснии и Герцеговины» (*Hadžić and Suljić v. Bosnia and Herzegovina*) 2011 года, § 41, в котором Европейский Суд на основании выводов, сделанных Конституционным судом Боснии и Герцеговины и ЕКПП, постановил, что тюремная психиатрическая больница не является подходящим учреждением для содержания душевнобольных пациентов).

146. В контексте понятия «удовлетворительное лечение» для целей применения статьи 5 Конвенции Европейский Суд на основании информации, имеющейся в материалах дела, проверяет, был ли осуществлен индивидуализированный и специализированный подход к лечению соответствующих психологических расстройств. Он полагает, что информация, указывающая на наличие у заявителей возможности обращаться к специалистам в области здравоохранения и

принимать лекарства, может указывать на то, что они явно не были оставлены без внимания, однако этого недостаточно для того, чтобы Европейский Суд мог оценить меры, принятые для их лечения. Кроме того, хотя упорство лишенного свободы лица может препятствовать изменению режима его содержания под стражей, это не освобождает внутрисударственные органы от обязанности проявлять инициативу для обеспечения такому лицу лечения, соответствующего его состоянию и помогающего ему вновь обрести свободу (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Руман против Бельгии» (*Rooman v. Belgium*), § 203).

147. Европейский Суд также указывал, что при работе с правонарушителями, страдающими психическими заболеваниями, внутрисударственные органы должны стремиться к тому, чтобы подготовить этих лиц к освобождению, например, давая им стимулы для продолжения лечения, такие как перевод в учреждение, где они действительно могут получить необходимое лечение, или предоставляя им определенные привилегии, если это позволяет ситуация (см. *ibid.*, § 204).

148. В целом, в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты по делу «Руман против Бельгии» (*Rooman v. Belgium*), §§ 208–211, Европейский Суд подчеркнул, что любое содержание под стражей лиц, страдающих психическими расстройствами, должно преследовать терапевтическую цель, направленную специально или, насколько это возможно, на лечение или улучшение их психического здоровья, в том числе при необходимости на снижение степени их опасности или контроль за ней. Независимо от того, в какое учреждение помещаются данные лица, они имеют право на надлежащие медицинские условия, сопровождаемые полноценными лечебными мерами в целях подготовки их к возможному освобождению (см. также упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мюррей против Нидерландов» (*Murray v. Netherlands*), §§ 107–112, в котором речь шла о душевнобольных заключенных, приговоренных к пожизненному лишению свободы).

149. Что касается объема предоставляемого лечения, то уровень медицинской помощи, необходимый для данной категории содержащихся под стражей лиц, не должен ограничиваться базовым медицинским уходом. Одной лишь возможности обращаться к специалистам в области здравоохранения, получать консультации и лекарства может оказаться недостаточно для того, чтобы считать лечение эффективным, а значит, удовлетворительным по смыслу статьи 5 Конвенции. Однако задача Европейского Суда заключается не в анализе содержания лечения, которое предлагается и осуществляется.

Важно, чтобы он мог проверить, была ли реализована индивидуальная программа лечения с учетом конкретных данных о состоянии психического здоровья содержащегося под стражей лица в целях его подготовки к возможной будущей реинтеграции в общество. В этой связи Европейский Суд предоставляет внутригосударственным властям определенную свободу действий в отношении как формы, так и содержания медицинской помощи или программы лечения (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Руман против Бельгии» (*Rooman v. Belgium*), § 209).

150. Оценка того, является ли то или иное конкретное учреждение «подходящим», должна включать в себя анализ конкретных условий содержания под стражей, действующих в нем, и, в частности, условий лечения, которое обеспечивается в нем лицам, страдающим психическими расстройствами. Таким образом, учреждение, которое *a priori* является неподходящим, например структура в составе пенитенциарного учреждения, может, тем не менее, считаться удовлетворительным, если в нем обеспечивается достаточный уход, и наоборот, в специализированном психиатрическом учреждении, которое должно быть подходящим, может оказаться невозможным провести необходимое лечение. Действительно, неотъемлемой частью понятия «подходящее учреждение» является удовлетворительное лечение, приспособленное к нуждам конкретного человека. Кроме того, потенциально возможное негативное влияние на перспективы изменения личной ситуации заявителя необязательно ведет к выводу о нарушении пункта 1 статьи 5 Конвенции, если внутригосударственные власти приняли достаточные меры для разрешения проблемы, которая препятствовала лечению заявителя (см. *ibid.*, §§ 210–211).

Е. НАРКОТИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

151. Европейский Суд рассматривал несколько дел, в которых возникали конкретные вопросы об употреблении наркотиков и оказании медицинской помощи заключенным, страдающим наркотической зависимостью.

152. Что касается лечения наркотической зависимости, в Постановлении по делу «Макглинчи и другие против Соединенного Королевства» (*McGlinchey and Others v. United Kingdom*) 2003 года, §§ 52–58), касавшемся эффективности медицинской помощи, оказанной администрацией пенитенциарного учреждения героинового наркоману с абстинентным синдромом, Европейский Суд, отметив, что заявитель сильно похудел и страдал обезвоживанием, решил, что эти факторы явно указывали властям Соединенного Королевства на

необходимость принятия мер по купированию абстинентного синдрома. Однако ввиду того, что администрация пенитенциарного учреждения не выполнила своей обязанности оказать ему надлежащую медицинскую помощь, Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции.

153. Аналогичным образом в упомянутом выше Постановлении по делу «Веннер против Германии» (*Wenner v. Germany*), § 80, которое касалось жалобы наркомана, долгое время употребляющего героин, на то, что в тюрьме ему отказались провести опиоидную заместительную терапию, Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции на основании того, что власти государства-ответчика, несмотря на свое обязательство должным образом оценить состояние его здоровья и обеспечить ему надлежащее лечение, не выяснили, воспользовавшись консультацией независимого эксперта, специалиста в области медицины, какое лечение следует считать удовлетворительным.

154. В отношении наркотической зависимости в пенитенциарных учреждениях стоит отметить Решение Европейского Суда по делу «Марро и другие против Италии» (*Marro and Others v. Italy*) 2014 года, § 45, которое касалось смерти наркомана в тюрьме от передозировки. Как подчеркнул Европейский Суд, нельзя прийти к выводу, что один лишь объективный факт возможного доступа заключенного к наркотическим веществам представляет собой нарушение государством-ответчиком его позитивных обязательств по смыслу статьи 2 Конвенции. Европейский Суд признал, что для защиты здоровья и жизни граждан внутригосударственные власти обязаны принимать меры по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, особенно в тех случаях, когда эта проблема (потенциально) затрагивает такое безопасное место, как тюрьма, однако они не могут дать в связи с этим абсолютные гарантии и пользуются широкой свободой усмотрения при выборе используемых средств. В данном контексте имеющееся у них обязательство имеет отношение к мерам, которые нужно принять, а не к результатам, которые требуется достичь.

155. Приняв во внимание обстоятельства данного дела, Европейский Суд отметил, в частности, следующее: в нем не было указаний на то, что власти располагали информацией, которая могла бы заставить их предполагать, что этому заключенному угрожала особая опасность по сравнению с любым другим наркозависимым заключенным. Кроме того, нельзя считать, что сотрудники тюрьмы не выполнили каких-либо требований. Действительно, они приняли множество мер (обыски, досмотр посылок и передач и т.д.) для того, чтобы предотвратить поступление наркотиков в тюрьмы. Поэтому

Суд признал жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу в связи с ее явной необоснованностью (см. *ibid.*, §§ 46–51).

156. Аналогичным образом в Постановлении по делу «Патсаки и другие против Греции» (*Patsaki and Others v. Greece*) 2019 года, §§ 90–97, которое также касалось смерти наркомана в тюрьме, Европейский Суд не счел установленным, что в этом деле имелись достаточные сведения, позволяющие властям полагать, что заключенный находился в особенно опасном положении по сравнению с любым другим наркозависимым заключенным, и поэтому не усмотрел в деле нарушения статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом аспекте. Однако он констатировал нарушение этой статьи Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте на основании того, что власти государства-ответчика не стали тщательно рассматривать дело скончавшегося заключенного и не провели эффективного расследования обстоятельств его смерти (см. *ibid.*, §§ 70–77).

Г. ИНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОХРАНОЙ ЗДОРОВЬЯ

1. Пассивное курение

157. В своей прецедентной практике Европейский Суд отмечал, что среди государств – членов Совета Европы не сложился консенсус по поводу защиты от пассивного курения в местах лишения свободы. Он также обращал внимание на то, что в одних государствах – участниках Конвенции курительщики содержатся в одной камере с теми, кто не курит, а в других – их содержат отдельно. Кроме того, в некоторых государствах курение разрешено только в специально отведенных местах общего пользования, а в других – такие ограничения отсутствуют (см. Решение Европейского Суда по делу «Апарисио Бенито против Испании» (*Aparicio Benito v. Spain*) 2006 года).

158. Так, в деле, в котором некурящего заключенного поместили в отдельную камеру, где курение было разрешено только в общей зоне, где находился телевизор, Европейский Суд не усмотрел проблем с охраной здоровья, связанных с пассивным курением (см. *ibid.*). Напротив, в деле, в котором некурящий заключенный никогда не содержался в отдельной камере и вопреки рекомендациям его врача был вынужден мириться с тем, что его сокамерники курят, даже в тюремной санчасти и тюремной больнице, Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Флоря против Румынии» (*Florea v. Romania*) 2010 года, §§ 60–62). Однако в случае, когда власти государства-ответчика приняли не-

обходимые меры по жалобам заключенного, переведя его в камеру к некурящим заключенным, Европейский Суд приходил к выводу, что отсутствуют основания предполагать нарушение Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Стойне Христов против Болгарии» (*Stoine Hristov v. Bulgaria*) (№ 2) 2008 года, §§ 43–46).

159. В Постановлении по делу «Элефтериадис против Румынии» (*Elefteriadis v. Romania*) 2011 года, §§ 49–55, Европейский Суд решил, что от властей государства-ответчика требовалось принять меры по защите заключенного, страдающего хронической болезнью легких, от вредных последствий пассивного курения, когда, как в случае заявителя, медицинские осмотры и консультации врачей показывали, что это было необходимо по соображениям охраны здоровья. Следовательно, власти были обязаны принять меры по охране здоровья заявителя, в частности прислушаться к его многочисленным просьбам и поместить его отдельно от курящих заключенных. Это, по-видимому, было не только желательно, но и возможно, поскольку в тюрьме имелась камера, где не было ни одного курящего заключенного. Тот факт, что в период, относившийся к обстоятельствам данного дела, тюрьма была переполнена, никоим образом не освобождал власти от их обязательства по охране здоровья заявителя. Кроме того, Суд подчеркивал, что даже короткие периоды, в течение которых заявитель содержался в конвойных помещениях суда вместе с курящими заключенными, были неприемлемыми с точки зрения статьи 3 Конвенции.

160. Кроме того, следует отметить, что пассивное курение, хотя само по себе оно, возможно, и не приводит к выводу о нарушении статьи 3 Конвенции, может быть одним из факторов, усугубляющих неудовлетворительные в каком-то ином отношении условия содержания под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Силла и Нолломон против Бельгии» (*Sylla and Nollomont v. Belgium*) 2017 года, § 41).

2. Голодовка

161. Голодовки заключенных и реакция на них властей могут дать основания предполагать нарушение разных статей Конвенции с точки зрения различных аспектов прецедентной практики Европейского Суда по этим статьям.

162. Так, в Постановлении по делу «Хороз против Турции» (*Horoz v. Turkey*) 2009 года, §§ 22–31, касавшемуся смерти заключенного в результате объявленной им голодовки, Европейский Суд, анализируя вопрос о нарушении статьи 2 Конвенции, пришел к выводу о невозможности установить причинно-следственную связь между отка-

зом властей освободить заключенного и его смертью. Европейский Суд счел, что власти в достаточном объеме выполнили свое обязательство по защите его физической неприкосновенности, в частности, обеспечив ему удовлетворительное лечение, и что их нельзя критиковать за то, что они согласились с его однозначным отказом от любого вмешательства, хотя состояние его здоровья и представляло опасность для жизни.

163. Когда речь идет о насильственном кормлении заключенных, объявивших голодовку, Европейский Суд опирается на прецедентную практику Европейской комиссии. Согласно этой практике насильственное кормление человека включает в себя унижающие достоинство элементы, которые при определенных обстоятельствах можно считать запрещенными статьей 3 Конвенции. Однако в ситуации, когда заключенный продолжает голодовку, неизбежно может возникнуть противоречие между правом человека на физическую неприкосновенность и позитивным обязательством государства в соответствии со статьей 2 Конвенции, при том что сама Конвенция это противоречие не разрешает (см. Постановление Европейского Суда по делу «Невмержицкий против Украины» (*Nevmerzhitsky v. Ukraine*) 2005 года, § 93).

164. Согласно прецедентной практике Европейского Суда меру, которая с точки зрения устоявшихся принципов медицины диктуется терапевтической необходимостью, в принципе нельзя считать бесчеловечной и унижающей достоинство. Это же можно сказать и о насильственном кормлении, направленном на спасение жизни конкретного заключенного, который сознательно отказывается принимать пищу. Вместе с тем Европейский Суд должен убедиться в том, что были приведены убедительные доводы, свидетельствующие о наличии медицинской необходимости. Кроме того, Европейский Суд должен установить, что решение о принудительном кормлении было принято с соблюдением всех процессуальных гарантий. Далее, способ принудительного кормления заявителя во время голодовки не должен превышать минимальный уровень жестокости, обозначенный в прецедентной практике Европейского Суда по статье 3 Конвенции (см. *ibid.*, § 94, а также Постановление Европейского Суда по делу «Чорап против Республики Молдова» (*Ciorap v. Moldova*) 2007 года, § 77).

165. Так, например, в упомянутом выше Постановлении по делу «Невмержицкий против Украины» (*Nevmerzhitsky v. Ukraine*), §§ 95–99, Европейский Суд констатировал нарушение статьи 3 Конвенции в связи с насильственным кормлением заявителя. Он установил, что в этом деле не было доказано существование медицинской необходимости в принудительном кормлении заявителя, а значит, принудительное кормление в его случае являлось произволом. Кро-

ме того, в связи с сознательным отказом заявителя от приема пищи не были соблюдены процессуальные гарантии. При этом способ принудительного кормления заявителя, а именно с использованием силы и вопреки оказываемому заявителем сопротивлению, представлял собой обращение настолько сурового характера, что его нужно было считать пыткой.

166. Аналогичным образом в упомянутом выше Постановлении по делу «Чорап против Республики Молдова» (*Ciorap v. Moldova*), §§ 78–89, Европейский Суд отметил, в частности, отсутствие медицинских доказательств того, что жизни или здоровью заявителя угрожала серьезная опасность, и отсутствие достаточных оснований полагать, что его принудительное кормление фактически было направлено на то, чтобы он перестал протестовать. Кроме того, в данном деле не соблюдались элементарные процессуальные гарантии, предусмотренные законодательством Республики Молдова, в частности не были приведены основания для начала и окончания принудительного кормления, не регистрировался состав и количество еды, которой кормили заявителя. Наконец, Европейский Суд был особенно поражен способом принудительного кормления, предполагавшим безусловное и обязательное применение наручников, несмотря на оказываемое заявителем сопротивление и сильную боль, которую причиняли металлические приспособления, используемые для того, чтобы заставить его открыть рот и высунуть язык. С учетом изложенного Суд пришел к выводу, что способ, которым неоднократно осуществлялось принудительное кормление заявителя, без необходимости причинявший ему сильную физическую боль и унижавший его достоинство, нельзя назвать иначе как пыткой, нарушающей требования статьи 3 Конвенции.

167. Напротив, Европейский Суд не усматривал оснований предполагать нарушение Конвенции в делах, где решение о насильственном кормлении заключенного было вызвано медицинской необходимостью и сопровождалось достаточными процессуальными гарантиями, а способ его осуществления не противоречил требованиям статьи 3 Конвенции (см., например, Решение Европейского Суда по делу «Озгюль против Турции» (*Özgül v. Turkey*) 2007 года, Решение Европейского Суда по делу «Раппаз против Швейцарии» (*Rappaz v. Switzerland*) 2013 года).

168. Кроме того, следует отметить, что в некоторых случаях Европейский Суд согласно правилу 39 своего Регламента²⁶ предлагал зая-

²⁶ Речь идет о мерах, принимаемых в рамках процедуры обеспечительных мер при рассмотрении дела в Европейском Суде согласно правилу 39 Регламента Европейского Суда.

вителям прекратить голодовку (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илашку и другие против Республики Молдова и Российской Федерации» (*Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia*) 2004 года, § 11, Постановление Европейского Суда по делу «Родиц и другие против Боснии и Герцеговины» (*Rodić and Others v. Bosnia and Herzegovina*) 2008 года, § 4).

169. Основания предполагать нарушение статьи 3 Конвенции также могут возникнуть в случае повторного заключения под стражу осужденных с синдромом Вернике-Корсакова (нарушение деятельности головного мозга, вызванное дефицитом тиамина) в связи с тем, что, находясь в тюрьме, они объявили длительную голодовку (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Текин Йылдыз против Турции» (*Tekin Yıldız v. Turkey*) 2005 года, § 83; см. в качестве примера другого подхода Постановление Европейского Суда по делу «Синан Эрен против Турции» (*Sinan Eren v. Turkey*) 2005 года, § 50).

170. Вопрос о нарушении статьи 3 Конвенции может возникнуть тогда, когда власти насильственным образом пресекают массовые голодовки заключенных, протестующих против условий содержания их под стражей. В Постановлении по делу «Карабет и другие против Украины» (*Karabet and Others v. Ukraine*) 2013 года, §§ 330–332, касавшемся применения властями силы для прекращения массовой голодовки, Европейский Суд пришел к выводу, что неожиданные и жестокие действия властей являлись явно несоразмерными и необоснованными, были предприняты с целью подавить протест, наказать заключенных за мирную голодовку и пресечь в зародыше любое их намерение подать жалобы. По мнению Европейского Суда, это представляло собой попытку и нарушало требования статьи 3 Конвенции (см. в качестве примера другого подхода Постановление Европейского Суда по делу «Лейла Альп и другие против Турции» (*Leyla Alp and Others v. Turkey*) 2013 года, §§ 88–93).

V. ПОДДЕРЖАНИЕ ПОРЯДКА В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

«Статья 3 Конвенции

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

«Статья 6 Конвенции

1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...».

«Статья 8 Конвенции

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

A. ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ

171. Европейский Суд подчеркивает, что он знает о потенциале насилия, существующем в пенитенциарных учреждениях, и о том, что неповиновение со стороны лиц, содержащихся под стражей, может быстро привести к ухудшению ситуации (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гёми и другие против Турции» (*Gömi and Others v. Turkey*) 2006 года, § 77). Европейский Суд полагает, что в некоторых случаях применение силы может быть необходимо для обеспечения безопасности пенитенциарного учреждения, а также для поддержания порядка или предотвращения совершения преступлений в местах лишения свободы. Однако применение силы может

быть допустимо лишь в том случае, если это необходимо, и оно не должно быть чрезмерным (см. Постановление Европейского Суда по делу «Тали против Эстонии» (*Tali v. Estonia*) 2014 года, § 59). Соответственно, любое применение физической силы к лишённому свободы лицу, не являющееся строго необходимым по причине собственных действий этого лица, унижает его человеческое достоинство и нарушает его право, гарантированное статьей 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Артёмов против Российской Федерации» (*Artyomov v. Russia*) 2010 года, § 145, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*) 2015 года, § 101).

172. Европейский Суд также приходил к выводу, что общий запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания, в частности, со стороны представителей государства будет неэффективен на практике в отсутствие процедуры, позволяющей проводить расследование по жалобам лиц, находящихся под их контролем, на ненадлежащее обращение. В связи с этим статья 3 Конвенции требует проводить эффективное официальное расследование в той или иной форме в случаях, когда лицо подает заслуживающую доверия жалобу на то, что оно подверглось обращению, нарушающему требования статьи 3 Конвенции, в частности, со стороны сотрудников полиции или представителей других аналогичных органов (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*), §§ 115–116, Постановление Европейского Суда по делу «Островенец против Латвии» (*Ostroveņecs v. Latvia*) 2017 года, § 71).

173. Так, Европейский Суд устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции в ее материально- и процессуально-правовом аспектах в отношении систематического, беспорядочного и незаконного избияния осужденных резиновыми дубинками сотрудниками специального подразделения, отвечающими за поддержание порядка в местах лишения свободы, в качестве карательной меры и наказания, а также вследствие непроведения эффективного расследования этого инцидента (см. Постановление Европейского Суда по делу «Дедовский и другие против Российской Федерации» (*Dedovskiy and Others v. Russia*) 2008 года, §§ 85 и 94). Аналогичным образом в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Артёмов против Российской Федерации» (*Artyomov v. Russia*), §§ 169–173 и 184, Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции в связи с избиянием заявителя резиновыми дубинками за отказ выйти из камеры. Европейский Суд счел применение резиновых дубинок несоизмерным ответом на действия заявителя и пришел к выводу, что оно имело карательный

характер. Кроме того, он отметил, что расследование, проведенное по жалобам заявителя на жестокое обращение с ним, не было тщательным, всесторонним и эффективным (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Гладович против Хорватии» (*Gladović v. Croatia*) 2011 года, Постановление Европейского Суда по делу «Милич и Никезич против Черногории» (*Milić and Nikezić v. Montenegro*) 2015 года).

174. В Постановлении по делу «Давыдов и другие против Украины» (*Davydov and Others v. Ukraine*) 2010 года, §§ 264–272, Европейский Суд рассмотрел ситуацию, когда специальные подразделения проводили в колонии учения, в ходе которых они избили заявителей и унизили их достоинство. Европейский Суд пришел к выводу, что к заключенным в нарушение требований статьи 3 Конвенции без каких-либо объяснений и законных оснований применялась чрезмерная сила. Он признал правомерной необходимость проведения учений сотрудников специальных подразделений и поддержания их в состоянии готовности к возможным неожиданным действиям со стороны заключенных, в том числе связанным с массовыми беспорядками или захватом заложников, на что и была направлена подготовка специальных подразделений. Вместе с тем Европейский Суд подчеркнул, что у государства есть позитивное обязательство осуществлять подготовку сотрудников правоохранительных органов таким образом, чтобы обеспечить высокий уровень их профессиональной деятельности для того, чтобы никто не подвергался пыткам или обращению, нарушающему требования статьи 3 Конвенции. Это также предполагает, что тренировки сотрудников правоохранительных органов, в том числе сотрудников пенитенциарных учреждений, должны не только соответствовать этому абсолютному запрету, но и преследовать цель не допустить ни малейшей возможности обращения или действий со стороны представителей государства, которые могли бы вступить в противоречие с абсолютным запретом пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

175. Кроме того, Европейский Суд констатировал нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с заключенным со стороны сотрудников конвойной службы во время его транспортировки в суд для участия в судебных заседаниях (см. Постановление Европейского Суда по делу «Балаев против Латвии» (*Balajevs v. Latvia*) 2016 года, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Островенец против Латвии» (*Ostroveņecs v. Latvia*).

176. В контексте использования специальных средств для подавления сопротивления заключенных следует отметить, что в упомянутом выше Постановлении по делу «Тали против Эстонии» (*Tali v.*

Estonia), в котором речь шла о применении перечного газа к агрессивно настроенному заключенному и привязывании его к кровати более чем на три часа, Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции. Что касается применения перечного газа, Европейский Суд отметил, что это потенциально опасное вещество не должно использоваться в закрытых помещениях. Если в исключительных случаях возникает необходимость применить его на открытом воздухе, то необходимо установить для этого четко определенные гарантии. Ни при каких обстоятельствах не допускается применение перечного газа к заключенному, который уже находится под контролем властей. Несмотря на то, что перечный газ не считается химическим оружием и его использование в целях охраны правопорядка разрешено, он может отрицательно повлиять на здоровье лица, содержащегося под стражей. В рассматриваемом деле с учетом, с одной стороны, указанных потенциально серьезных последствий, а с другой стороны, альтернативных средств, имевшихся в распоряжении охранников, Европейский Суд заключил, что обстоятельства настоящего дела не свидетельствовали о наличии оснований для использования газа. Кроме того, Европейский Суд счел неоправданным привязывание заявителя к кровати на достаточно длительное время.

177. Что касается применения силы со смертельным исходом и другими случаями гибели заключенных при подозрительных обстоятельствах, то статьей 2 Конвенции²⁷ предусмотрены материально-правовые и процессуальные обязательства, схожие с теми, о которых говорилось выше применительно к статье 3 Конвенции. Если в отслеживании таких происшествий в пенитенциарных учреждениях принимает участие ЕКПП, Европейский Суд подчеркивал обязанность властей сотрудничать с ЕКПП, предоставляя ему точную информацию о расследовании на внутригосударственном уровне (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шурийя Зейналов против Азербайджана» (*Shuriyya Zeynalov v. Azerbaijan*) 2020 года, §§ 73–74).

178. В деле, связанном со смертью заключенных в результате применения силы с целью подавления беспорядков в тюрьме, Европейский Суд постановил, что такое применение силы должно быть оправданным по одному из оснований, указанных в пункте 2 статьи 2 Конвенции, и быть абсолютно необходимым по смыслу положений данной статьи Конвенции. Кроме того, применение силы не может быть беспорядочным, неконтролируемым и неизби-

²⁷ См. Руководство по применению статьи 2 Европейской конвенции по правам человека.

рательным. Европейский Суд также приходил к выводу, что власти государства-ответчика согласно своему процессуальному обязательству, предусмотренному статьей 2 Конвенции, обязаны проводить расследование обстоятельств применения силы, повлекшего смерть лица (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кухалашвили и другие против Грузии» (*Kukhalashvili and Others v. Georgia*) 2020 года, §§ 129–136 и 147–157).

В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ УСМИРЕНИЯ

179. Использование средств усмирения, например наручников, обычно не дает оснований предполагать нарушение статьи 3 Конвенции, если эти средства применяются в связи с законным задержанием или заключением лица под стражу и не приводят к применению силы или публичной огласке, превышающих то, что разумный человек счел бы необходимым в сложившихся обстоятельствах. В связи с этим имеют значение такие факторы, как есть ли основания полагать, что человек окажет сопротивление при задержании, попытается ли он скрыться, причинить телесные повреждения, нанести ущерб или уничтожить улики (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia*) 2014 года, § 117, в котором приводятся ссылки на другие постановления Европейского Суда по данному вопросу). Европейский Суд также неоднократно приходил к выводу, что применение наручников или ножных кандалов к больному или ослабленному по каким-либо другим причинам человека несоразмерно требованиям безопасности и означает неоправданное унижение, неважно, имело оно преднамеренный характер или нет (см. Постановление Европейского Суда по делу «Корнейкова и Корнейков против Украины» (*Korneykova and Korneykov v. Ukraine*) 2016 года, § 111, в котором приводятся ссылки на другие постановления Европейского Суда по данному вопросу).

180. Европейский Суд также признавал, что аспекты психической и физической неприкосновенности человека, будучи частью понятия «личная жизнь», которое упоминается в статье 8 Конвенции, распространяются на ситуации лишения свободы, в том числе на использование средств усмирения. Однако для того, чтобы появились основания предполагать нарушение статьи 8 Конвенции, применение таких средств усмирения, как заковывание в наручники, должно затрагивать заключенного физически или психически либо преследовать цель унижить его (см. Постановление Евро-

пейского Суда по делу «Ранинен против Финляндии» ([Raninen v. Finland](#)) 1997 года, §§ 63–64).

181. С учетом сформулированных выше принципов Европейский Суд, например, приходил к выводу, что применение наручников или ножных кандалов является необоснованным при следующих обстоятельствах: заковывание в наручники душевнобольного заключенного на семь дней в течение суток, когда он находился в одиночной камере, без проведения психиатрической экспертизы и в отсутствие каких-либо обоснований применения подобной меры (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кучерук против Украины» ([Kucheruk v. Ukraine](#)) 2007 года, §§ 140–146); обязательное использование наручников во время принудительного кормления, несмотря на оказываемое заключенным сопротивление (см. Постановление Европейского Суда по делу «Невмержицкий против Украины» ([Nevmerzhitsky v. Ukraine](#)) 2005 года, § 97, Постановление Европейского Суда по делу «Чорап против Республики Молдова» ([Ciorap v. Moldova](#)) 2007 года, § 85); заковывание в наручники заключенного в больнице в ожидании операции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Энаф против Франции» ([Henaf v. France](#)) 2003 года, §§ 52–60, Постановление Европейского Суда по делу «Истрати и другие против Республики Молдова» ([Istratii and Others v. Moldova](#)) 2007 года, §§ 55–58); приковывание наручниками заключенного с онкологическим заболеванием к больничной койке (см. Постановление Европейского Суда по делу «Охрименко против Украины» ([Okhrimenko v. Ukraine](#)) 2009 года, § 98); заковывание в наручники во время судебного заседания (см. Постановление Европейского Суда по делу «Городничев против Российской Федерации» ([Gorodnichev v. Russia](#)) 2007 года, §§ 103–109); приковывание беременной женщины к гинекологическому креслу в приемном отделении больницы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Корнейкова и Корнейков против Украины» ([Korneykova and Korneykov v. Ukraine](#)) 2016 года, §§ 112–115); заковывание в наручники физически ослабленного больного заключенного при его транспортировке в больницу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Муизель против Франции» ([Mouisel v. France](#)) 2002 года, § 47); использование наручников во время осмотра у гинеколога (см. Постановление Европейского Суда по делу «Филиз Уян против Турции» ([Filiz Uyan v. Turkey](#)) 2009 года, §§ 32–35); необоснованное применение наручников в ходе различных медицинских обследований (см. Постановление Европейского Суда по делу «Дюваль против Франции» ([Duval v. France](#)) 2011 года, §§ 50–53, а также в качестве примера другого подхода Постановление Европейского Суда по делу «А.Т. против Эстонии» ([A.T. v. Estonia](#)) 2018 года, § 64, касающееся использования

наручников во время медицинских осмотров опасного заключенного, склонного к членовредительству). Аналогичным образом Европейский Суд приходил к выводу, что привязывание душевнобольного преступника к кровати почти на 23 часа в психиатрической больнице не являлось строго необходимой мерой, а значит, умаляло уважение его человеческого достоинства. В частности, чрезмерно длительная продолжительность меры по физическому усмирению душевнобольного заявителя не являлась единственным средством, позволяющим не допустить, чтобы он причинил непосредственный или неминуемый вред самому себе или другим лицам (см. Постановление Европейского Суда по делу «Аггерхольм против Дании» (*Aggerholm v. Denmark*) 2020 года, §§ 105 и 114).

182. Кроме того, следует отметить, что, по мнению Европейского Суда, содержание человека в металлической клетке во время судебного заседания – с учетом того, что объективно эта мера имеет унижающий достоинство характер и несовместима со стандартами цивилизованного поведения, присущими демократическому обществу, – само по себе является посягательством на человеческое достоинство и нарушает статью 3 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia*), § 138, Постановление Европейского Суда по делу «Корбан против Украины» (*Korban v. Ukraine*) 2019 года, § 134).

С. ПРИМЕНЕНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ МЕР И ВЗЫСКАНИЙ

183. Европейский Суд отмечал, что привлечение лица в местах лишения свободы к дисциплинарной ответственности может сопровождаться предъявлением «уголовного обвинения» в том автономном значении, которое придается этому термину в статье 6 Конвенции, в силу чего начинают действовать соответствующие процессуальные гарантии, предусмотренные данной статьей Конвенции²⁸.

184. Так, в Постановлении по делу «Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства» (*Campbell and Fell v. United Kingdom*) 1984 года, §§ 70–73, Европейский Суд подчеркнул, что некоторые противоправные действия в тюрьме (например, жестокое применение силы к сотруднику тюрьмы) могут являться уголовно наказуемыми. Сделав вывод о том, что в данном деле речь шла об уголовном об-

²⁸ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 6 Европейской конвенции по правам человека \(уголовно-правовой аспект\)](#).

винении, Европейский Суд придал решающее значение наказанию, которое могло быть назначено заявителю и действительно было ему назначено, а именно лишение возможности сократить срок наказания. По мнению Европейского Суда, если бы заявителя не привлекли к дисциплинарной ответственности, его содержание под стражей продолжалось бы значительно меньше, то есть дисциплинарное взыскание фактически означало лишение свободы, хотя технически таковым и не являлось. Соответственно, объект и цель Конвенции требовали, чтобы применение столь суровой меры сопровождалось гарантиями, предусмотренными статьей 6 Конвенции.

185. Равным образом в Постановлении Большой Палаты по делу «Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства» (*Ezeh and Connors v. United Kingdom*) 2003 года, §§ 128–129, Европейский Суд, в частности, решил, что потенциальное увеличение срока лишения свободы на несколько дней (на 42 дня за дисциплинарный проступок) нельзя считать недостаточно важным и не влекущим за собой каких-либо последствий, а значит, в данном деле речь шла о предъявлении заявителем «уголовного обвинения» по смыслу положений статьи 6 Конвенции.

186. Напротив, в Постановлении по делу «Штитич против Хорватии» (*Štitić v. Croatia*) 2007 года, §§ 51–62, Европейский Суд пришел к выводу, что условное наказание в виде перевода в одиночную камеру на семь дней за один дисциплинарный проступок и ограничение свободы передвижения заявителя по пенитенциарному учреждению и его контактов с внешним миром сроком на три месяца за другой проступок не были связаны с предъявлением ему «уголовного обвинения» по смыслу положений статьи 6 Конвенции. Европейский Суд отметил, в частности, что эти взыскания не привели ни к продлению срока лишения заявителя свободы, ни к серьезному ухудшению условий его содержания под стражей.

187. Однако неприменимость статьи 6 Конвенции в ее уголовно-правовом аспекте не исключает ее применимости в гражданско-правовом аспекте. Это особенно справедливо в том случае, когда законодательство государства-ответчика предоставляет заключенному право обжаловать дисциплинарные взыскания в судебном порядке (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гюльмез против Турции» (*Gülmez v. Turkey*) 2008 года, §§ 29–30). Следовательно, в подобных делах применяются гарантии, предусмотренные статьей 6 Конвенции в ее гражданско-правовом аспекте²⁹.

²⁹ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 6 Европейской конвенции по правам человека \(гражданско-правовой аспект\)](#).

188. В Постановлении Большой Палаты по делу «Энеа против Италии» (*Enea v. Italy*) 2009 года, § 106, Европейский Суд пришел к выводу, что необходимо предоставлять возможность обжаловать любое ограничение, затрагивающее личные гражданские права заключенного, в судебном порядке в связи с характером ограничений (например, запрет встречаться с родственниками свыше определенного количества раз в месяц или постоянный контроль переписки и телефонных разговоров) и их возможными последствиями (например, сложности поддержания семейных связей или отношений с лицами, не являющимися членами семьи, запрет прогулок). Эти меры позволяют достичь справедливого равновесия, которое нужно обеспечивать между ограничениями действий государства в контексте лишения свободы, с одной стороны, и защитой прав заключенных, с другой (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Стегареску и Бахрин против Португалии» (*Stegarescu and Bahrin v. Portugal*) 2010 года, §§ 35–39, в качестве примера другого подхода см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Булуа против Люксембурга» (*Boulois v. Luxembourg*) 2012 года, §§ 90–105, относительно ходатайств о временном освобождении из-под стражи).

189. В рассматриваемом контексте важно также отметить, что водворение в одиночную камеру в качестве дисциплинарного взыскания может указывать на нарушение статьи 5 Конвенции, если оно представляет собой «дополнительное лишение свободы». При рассмотрении этого вопроса следует принимать во внимание, в частности, конкретную ситуацию заключенного, а также вид, длительность, последствия и способ применения соответствующей меры. На практике решающее значение с точки зрения применимости статьи 5 Конвенции имеет существенное изменение способа реализации лишения свободы, которое приводит к серьезному различию между свободами, сохранившимися у заключенного во время первоначального содержания под стражей, и свободами, которыми он пользовался в ходе последующего содержания под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Стоян Крастев против Болгарии» (*Stoyan Krastev v. Bulgaria*) 2020 года, §§ 48–54).

190. Относительно характера дисциплинарных взысканий Европейский Суд приходил к выводу, что они должны соответствовать требованиям статьи 3 Конвенции. В частности, такое дисциплинарное взыскание, как заключение под стражу, само по себе может и не нарушать эти требования. Скорее, вопросы с точки зрения данной статьи Конвенции могут вызывать соразмерность применения данного взыскания и условия содержания под стражей (см. Постановле-

ние Европейского Суда по делу «Рамишвили и Кохреидзе против Грузии» ([Ramishvili and Kokhreidze v. Georgia](#)) 2009 года, § 82).

191. Кроме того, следует учитывать и такие факторы, как характер совершенного заключенным проступка, его личные качества и то, идет речь о первом или повторном нарушении дисциплины. Действительно, при определении того, был ли превышен неизбежный уровень страданий, связанных с лишением свободы, имеет значение соразмерность дополнительного наказания, которое было назначено заключенному (см. *ibid.*, § 83).

192. Так, в упомянутом выше Постановлении по делу «Рамишвили и Кохреидзе против Грузии» ([Ramishvili and Kokhreidze v. Georgia](#)), §§ 82–83, Европейский Суд критиковал администрацию пенитенциарного учреждения за то, что из нескольких дисциплинарных взысканий, предусмотренных за нарушение правил внутреннего распорядка тюрьмы, она выбрала самое суровое – помещение в штрафной изолятор, не оценив должным образом всех обстоятельств дела.

193. Европейский Суд также приходил к выводу, что привлечение к дисциплинарной ответственности путем разделения заключенных с серьезными психическими заболеваниями противоречит требованиям статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства» ([Keenan v. United Kingdom](#)) 2001 года, § 116, Постановление Европейского Суда по делу «Ренольд против Франции» ([Renolde v. France](#)) 2008 года, § 129).

194. Кроме того, Европейский Суд считал, что перевод в одиночную камеру не должен использоваться в качестве наказания за отправку жалоб в различные органы власти (см. Постановление Европейского Суда по делу «Рзаханов против Азербайджана» ([Rzakhstanov v. Azerbaijan](#)) 2013 года, § 74). В Постановлении по делу «Янков против Болгарии» ([Yankov v. Bulgaria](#)) 2003 года, § 120, Европейский Суд установил, что бритье головы заключенному в связи с его переводом в штрафной изолятор в качестве наказания за критические и оскорбительные замечания в адрес надзирателей и государственных органов власти представляло собой необоснованное и достаточно суровое обращение, которое следует считать унижающим достоинство по смыслу положений статьи 3 Конвенции.

D. НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЗАКЛЮЧЕННЫМИ

195. В соответствии с Конвенцией власти обязаны принимать меры по поддержанию порядка в местах лишения свободы для того, чтобы защитить заключенных от угроз и актов насилия со стороны

других заключенных. Вместе с тем власти обязаны адекватно реагировать на любую обоснованную жалобу на такое ненадлежащее обращение, проводя эффективное расследование и при необходимости возбуждая уголовное дело. Разумеется, это обязательство государств нельзя трактовать таким образом, чтобы оно требовало от них гарантировать в рамках своей правовой системы, что человек никогда не подвергнется бесчеловечному или унижающему достоинство обращению со стороны другого лица или, если это произойдет, что уголовное расследование обязательно приведет к назначению какого-либо конкретного наказания. Однако Европейский Суд последовательно приходил к выводу, что статья 3 Конвенции³⁰ обязывает государства защищать физическое благополучие тех лиц, которые оказываются в уязвимом положении из-за того, что они находятся под контролем властей, например, по причине содержания под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Преминины против Российской Федерации» (*Premininy v. Russia*) 2011 года, § 73).

196. Применительно к защите от насилия со стороны других заключенных Европейский Суд с учетом абсолютного характера защиты, которую гарантирует статья 3 Конвенции, и ее важнейшего значения для конвенционной системы защиты прав человека разработал критерий для дел, касающихся позитивного обязательства государства в соответствии с этой статьей Конвенции. В частности, он указывал, что для того, чтобы заявитель мог успешно отстаивать тезис о нарушении его права, предусмотренного статьей 3 Конвенции, ему будет достаточно доказать, что власти государства-ответчика не приняли всех мер, которых разумный человек мог бы от них ожидать, для предотвращения реальных и непосредственных угроз для физической неприкосновенности заявителя, о которых власти знали или должны были знать. Данный критерий, однако, не требует доказывать, что, «если бы не» упущения или бездействие, допущенные органами власти, ненадлежащее обращение не имело бы места. Ответ на вопрос, выполнили власти государства-ответчика свое позитивное обязательство по статье 3 Конвенции или нет, будет зависеть от всех обстоятельств рассматриваемого дела (см. Постановление Европейского Суда по делу «Пантя против Румынии» (*Pantea v. Romania*) 2003 года, §§ 191–196, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Преминины против Российской Федерации» (*Premininy v. Russia*), § 84).

³⁰В отношении требований, предусмотренных статьей 2 Конвенции, см.: [Руководство по применению статьи 2 Европейской конвенции по правам человека](#).

197. В делах о насилии в отношениях между заключенными Европейский Суд должен установить, действительно ли при конкретных обстоятельствах дела власти знали или должны были знать о том, что заключенный подвергся или мог подвергнуться жестокому обращению со стороны своих сокамерников, и если да, приняла ли администрация следственного изолятора в рамках своих официальных полномочий разумные меры по устранению этих рисков и защите заявителя от подобного обращения (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Преминины против Российской Федерации» (*Preminyin v. Russia*)³¹.

198. В упоминавшемся выше Постановлении по делу «Преминины против Российской Федерации» (*Preminyin v. Russia*), §§ 85–91, Европейский Суд отметил, что заявителя как минимум в течение недели систематически избивали его сокамерники. В результате заявителю были причинены тяжкие телесные повреждения, а его психическое здоровье ухудшилось. Власти государства-ответчика знали об этой ситуации и могли бы на разумных основаниях предвидеть, что из-за своих конкретных действий он стал более уязвим для насильственных действий, чем обычный заключенный. Не могли они и не заметить признаков избиения, так как причиненные заявителю телесные повреждения, по крайней мере их часть, были хорошо видны. По этим признакам власти должны были бы понять, что необходимо принять особые меры по поддержанию безопасности и контролю, чтобы защитить заявителя от непрерывной словесной и физической агрессии. Однако в данном деле не было представлено доказательств того, что у властей была четкая политика по классификации и размещению заключенных или что они пытались следить за поведением заключенных, склонных к насилию или находящихся в уязвимом положении, а также что они принимали меры по привлечению нарушителей к дисциплинарной ответственности. В связи с этим Европейский Суд пришел к выводу, что власти государства-ответчика не выполнили своего позитивного обязательства в достаточной степени гарантировать физическую и психологическую неприкосновенность и благополучие заявителя, как того требует статья 3 Конвенции. Кроме того, Европейский Суд счел, что власти государства-ответчика не провели эффективного расследования по жалобам заявителя на жестокое обращение с ним со стороны других заключенных (см. также в контексте статьи 2 Конвенции Постановление Европейского Суда по делу

³¹ См. главу «Применение силы» настоящего Руководства.

«Юрий Илларионович Шокин против Украины» (*Yuri Illarionovitch Shchokin v. Ukraine*) 2013 года, § 38).

199. Аналогичным образом в Постановлении по делу «Гйини против Сербии» (*Gjini v. Serbia*) 2019 года, §§ 84–88 и 96–103, Европейский Суд признал установленным, что заявитель подвергся жестокому обращению со стороны своих сокамерников. Несмотря на то, что он ни разу не подавал официальных жалоб, Европейский Суд отметил, что ЕКПП сообщал о насилии в отношениях между заключенными в этом пенитенциарном учреждении и неоднократно отмечал, что это является серьезной проблемой, как до, так и после событий, о которых шла речь в деле заявителя. Европейский Суд обратил внимание на большое количество случаев насилия в отношениях между заключенными и отметил, что ни администрация этого учреждения, ни органы государственной власти не приняли каких-либо мер для того, чтобы исправить ситуацию или свести проявления насилия к минимуму. Кроме того, по мнению Европейского Суда, сотрудники тюрьмы должны были заметить, что заявитель подвергается жестокому обращению. Однако они не отреагировали на признаки насилия, не обеспечили заявителю безопасных условий, не выявили, не предотвратили и не отследили насилие, которому он подвергся. С учетом изложенного Европейский Суд констатировал нарушение статьи 3 Конвенции. Отдельно Европейский Суд пришел к выводу, что, хотя заявитель и не подавал официальных жалоб с требованием возбудить уголовное дело, администрация пенитенциарного учреждения должна была поставить в известность соответствующие органы власти, от которых требовалось провести эффективное официальное расследование.

200. В Постановлении по делу «D.F. против Латвии» (*D.F. v. Latvia*) 2013 года, §§ 81–95, касающемся риска жестокого обращения с бывшим платным полицейским осведомителем, совершавшим преступления на сексуальной почве, со стороны других заключенных, Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции, поскольку властям государства-ответчика не удалось эффективно координировать свои действия и это привело к тому, что заявитель более года жил в страхе из-за неизбежной опасности подвергнуться жестокому обращению, хотя власти знали о существовании этой опасности (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Родич и другие против Боснии и Герцеговины» (*Rodić and Others v. Bosnia and Herzegovina*) 2008 года, §§ 68–73 относительно риска насилия, мотивированного этническими соображениями).

201. Напротив, в Постановлении Европейского Суда по делу «Стази против Франции» (*Stasi v. France*) 2011 года, §§ 90–101, ка-

сающемся утверждении о том, что власти государства-ответчика не защитили заключенного от насилия со стороны других заключенных из-за его гомосексуальной ориентации, Европейский Суд решил, что при обстоятельствах данного дела и с учетом вынесенных на его рассмотрение фактов власти государства-ответчика приняли все меры по защите физической неприкосновенности заявителя, которые разумный человек мог бы от них ожидать. В связи с этим Европейский Суд не усмотрел в указанном деле нарушения статьи 3 Конвенции.

VI. ОСОБЫЕ МЕРЫ СТРОГОГО РЕЖИМА И МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ

«Статья 3 Конвенции

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию»

«Статья 8 Конвенции

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

202. Европейский Суд в своей прецедентной практике отмечал, что меры, связанные с лишением человека свободы, часто включают элементы страдания или унижения. Вместе с тем нельзя считать, что содержание подследственных или осужденных в учреждениях строгого режима само по себе дает основания предполагать нарушение статьи 3 Конвенции. Соображения охраны общественного порядка могут заставить власти государства устанавливать строгий режим содержания для отдельных категорий заключенных. Действительно, во многих государствах — участниках Конвенции к опасным заключенным применяются более строгие правила безопасности. Эти правила, направленные на предотвращение риска побега, нападения или беспорядков в тюремном сообществе, предполагают отделение данных заключенных от остальных содержащихся под стражей лиц, а также более тщательный контроль за опасными заключенными (см. Постановление Европейского Суда по делу «Пехович против Польши» (*Piechowicz v. Poland*) 2012 года, § 161, в котором приводятся ссылки на другие постановления Европейского Суда по данному вопросу).

203. Однако при наличии правил, предусматривающих такие условия содержания под стражей, статья 3 Конвенции требует от государства обеспечивать, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, совместимых с уважением его человеческого достоинства, чтобы характер и способ реализации этой меры не причиняли ему боль или лишения, превышающие неизбежный уровень страданий заключенного под стражу лица, и чтобы, с учетом практических требований лишения свободы, его здоровье и благополучие были бы защищены надлежащим образом (см. *ibid.*, § 162).

204. В нескольких делах по жалобам против Италии Европейскому Суду требовалось рассмотреть ограничения, связанные с применением режима на основании статьи 41*bis* Закона об административном управлении тюрьмами, устанавливающей особые условия содержания под стражей, сопряженные с многочисленными ограничениями прав заключенных, направленными на разрыв внешних связей между ними и преступной средой для минимизации риска того, что эти заключенные не будут иметь личных контактов с преступными организациями. В данных делах возникали вопросы о нарушении статей 3 и 8 Конвенции.

205. Что касается статьи 3 Конвенции, Европейский Суд отметил, что применение режима, предусмотренного статьей 41*bis* указанного закона, само по себе не дает оснований предполагать нарушение статьи 3 Конвенции даже тогда, когда он вводится на длительный срок. При определении того, достигает ли длительное применение каких-либо ограничений в рамках режима, предусмотренного статьей 41*bis*, минимального уровня жестокости, который требуется для того, чтобы они попадали под действие статьи 3 Конвенции, необходимо рассматривать продолжительность их применения с учетом обстоятельств каждого дела. Это, в частности, предполагает выяснение условий, оправдывающих возобновление или продление срока применения обжалуемых ограничений (см. Постановление Европейского Суда по делу «Провенцано против Италии» (*Provenzano v. Italy*) 2018 года, § 147, в котором приводятся ссылки на другие постановления Европейского Суда по данному вопросу).

206. Например, в Постановлении Большой Палаты по делу «Энеа против Италии» (*Enea v. Italy*) 2009 года, §§ 60–67, Европейский Суд счел ограничения, введенные вследствие особых условий содержания под стражей, необходимыми для того, чтобы помешать заявителю, представлявшему опасность для общества, поддерживать контакты с преступной организацией, к которой он принадлежал. Кроме того, Европейский Суд отметил отсутствие доказательств, подтверждающих, что продление срока действия обжалуемых ограничений было

заведомо необоснованным. Таким образом, независимо от проблем со здоровьем, которые были у заявителя, Европейский Суд не усмотрел в этом деле нарушения статьи 3 Конвенции. Напротив, в упомянутом выше Постановлении по делу «Провенцано против Италии» (*Provenzano v. Italy*), §§ 149–158, он пришел к выводу, что решение о продлении срока применения к заявителю режима, предусмотренного статьей 41*bis* Закона об административном управлении тюрьмами, являлось недостаточно обоснованным, особенно если принять во внимание критическое снижение когнитивных способностей заявителей.

207. Применительно к статье 8 Конвенции Европейский Суд подчеркивал, что до введения особого режима, предусмотренного статьей 41*bis* Закона об административном управлении тюрьмами, у многих опасных заключенных оставались возможности сохранять свое положение в преступных организациях, к которым они принадлежали, обмениваться информацией с другими заключенными и внешним миром, а также организовывать и заказывать преступления. В этом контексте Европейский Суд постановил, что с учетом особого характера феномена организованной преступности, особенно мафиозного типа, и того факта, что встречи с родственниками нередко служили способом передачи во внешний мир распоряжений и указаний, нельзя признать, что ограничения посещения (которые действительно были существенными) и соответствующие меры контроля были несоразмерны преследуемым правомерным целям, перечисленным в статье 8 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Энеа против Италии» (*Enea v. Italy*), § 126, в котором приводятся ссылки на другие постановления Европейского Суда по данному вопросу).

208. В указанном выше Постановлении Большой Палаты по делу «Энеа против Италии» (*Enea v. Italy*), §§ 128–131, Европейский Суд также решил, что при продлении срока действия особых условий содержания под стражей власти государства-ответчика убедительно доказали опасность, которую представлял заявитель. Кроме того, у заявителя была возможность видеться со своей семьей, а остальные его жалобы на неудовлетворительные условия содержания под стражей были признаны необоснованными. В связи с этим Европейский Суд счел, что ограничения при осуществлении заявителем права на уважение его личной и семейной жизни не вышли за пределы того, что необходимо в демократическом обществе по смыслу положений пункта 2 статьи 8 Конвенции в интересах общественного порядка и в целях предотвращения беспорядков и преступлений.

209. В ряде дел по жалобам против Польши Европейский Суд также рассматривал вопрос о содержании опасных преступников под

стражей в особых условиях. В упомянутом выше Постановлении по делу «Пехович против Польши» (*Piechowicz v. Poland*), §§ 166–178, Европейский Суд установил, что длительное, повсеместное и неизбирательное применение полного спектра мер, к которым власти были обязаны прибегать в рамках соответствующего режима на протяжении двух лет и девяти месяцев, было необходимо для поддержания безопасности в тюрьме. В частности, заявитель подвергался лишь ограниченной изоляции от общества, поскольку иногда к нему в камеру помещали других заключенных, он ежедневно контактировал с сотрудниками тюрьмы, имел право встречаться с родственниками, мог смотреть телевизор и пользоваться тюремной библиотекой. Однако власти не предоставили ему надлежащей мотивации и достаточных контактов с другими людьми. Так, они отказали заявителю в просьбах разрешить ему учиться, принимать участие в семинарах и заниматься спортом, что было доступно обычным заключенным, и отказались разрешить ему иметь в камере собственное оборудование для занятий спортом, компьютерные игры или CD-плеер. Кроме того, негативные психологические и эмоциональные последствия его изоляции от общества усугублялись периодическим применением к заявителю специальных мер по обеспечению безопасности, в частности, заковыванием его в наручники и полным личным досмотром. Европейский Суд не был убежден в необходимости систематического заковывания заявителя в наручники каждый раз, когда его выводили из камеры. В то же время регулярно проводились полные личные обыски заявителя, сопровождавшиеся осмотром у него заднего прохода, что не было связано с какими-либо конкретными потребностями в области поддержания безопасности или конкретными подозрениями; несмотря на остальные защитные меры, заявитель постоянно находился под наблюдением благодаря видеокамерам и надзирателям. Европейский Суд пришел к выводу, что, хотя степень тяжести предположительно совершенных заявителем преступлений могла оправдывать его первоначальное отнесение к категории «опасных заключенных» и применение к нему особого режима, она не могла являться единственным обоснованием для дальнейшего применения к заявителю этого режима в течение длительного срока. С учетом совокупного воздействия всех мер Европейский Суд установил в данном деле нарушение статьи 3 Конвенции (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Хорых против Польши» (*Horych v. Poland*) 2012 года, §§ 93–103, Постановление Европейского Суда по делу «Палух против Польши» (*Paluch v. Poland*) 2016 года, §§ 37–48, Постановление Европейского Суда по делу «Карвовский против Польши» (*Karwowski v. Poland*) 2016 года, §§ 33–43).

210. Кроме того, в упомянутом выше Постановлении по делу «Пехович против Польши» (*Piechowicz v. Poland*), §§ 219–222 и 238–240, Европейский Суд заключил, что тотальные и системные ограничения права заявителя видятся со своей семьей (см. также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Хорых против Польши» (*Horych v. Poland*), §§ 127–132), а также перлюстрация его переписки с различными органами власти и адвокатом из-за применения к нему особого режима содержания под стражей представляло собой нарушение статьи 8 Конвенции.

211. В делах по жалобам против Болгарии Европейский Суд также рассматривал вопросы о применении к осужденным к пожизненно-му лишению свободы строгого режима, который предполагает их содержание в постоянно запертых камерах и их изоляцию от других заключенных. В Постановлении по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии» (*Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria*) 2014 года, §§ 203–214, Европейский Суд признал, в частности, что совокупное воздействие условий содержания заявителей, в том числе их одиночное содержание, недостаточная вентиляция, плохое освещение и отопление, неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия, ненадлежащее питание и медицинская помощь, представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Европейский Суд также выступил с критикой того, что практика изоляции лиц, по-видимому, стала результатом автоматического применения положений внутригосударственного законодательства об условиях содержания под стражей, а не конкретных угроз, касающихся обеспечения их безопасности и связанных с их поведением (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Халил Адем Хасан против Болгарии» (*Halil Adem Hasan v. Bulgaria*) 2015 года, §§ 49–60).

212. В отношении содержащихся под стражей террористов в Постановлении Большой Палаты по делу «Оджалан против Турции» (*Öcalan v. Turkey*) 2005 года, §§ 192–196, и в Постановлении по делу «Оджалан против Турции (№ 2)» (*Öcalan v. Turkey*) (№ 2) 2014 года, §§ 146–149, Европейский Суд рассмотрел особые условия содержания под стражей, применявшиеся к заявителю, который считался одним из самых опасных террористов в стране. В первом из указанных Постановлений Европейский Суд счел, что эти особые условия не нарушали требований Конвенции, однако во втором Постановлении он установил, что существовавшие на протяжении определенного периода условия содержания заявителя под стражей привели к нарушению статьи 3 Конвенции. В частности, Европейский Суд обратил внимание на следующие обстоятельства: в течение 19 лет и девяти месяцев заявитель был единственным заключенным в тюрь-

ме, находящейся на острове; отсутствовали средства коммуникации, которые позволили бы не допустить изоляции заявителя от общества (длительное отсутствие в камере телевизора и возможности разговаривать по телефону); имели место чрезмерные ограничения на сообщение новостей; существовали постоянные серьезные проблемы с посещением тюрьмы другими лицами (членами семьи и адвокатами заявителя) и с недостаточностью морского транспорта для борьбы с погодными условиями; общение заявителя с сотрудниками тюрьмы сводилось к минимуму, необходимому для их работы; у заявителя отсутствовали конструктивные отношения по типу «врач – пациент»; психическое здоровье заявителя ухудшилось из-за состояния хронического стресса, социальной и эмоциональной изоляции в совокупности с чувством брошенности и разочарования; в соответствующий период не было предложено альтернативы одиночному заключению заявителя.

В. ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

213. Само по себе одиночное заключение не нарушает требований статьи 3 Конвенции. Продолжительное лишение возможности общаться с другими лицами нежелательно, однако вопрос о том, попадает ли такая мера в сферу действия статьи 3 Конвенции, зависит от конкретных условий, строгости этой меры, длительности ее применения, преследуемой цели и последствий, которые она повлекла для заключенного (см. Постановление Европейского Суда по делу «Рогде против Дании» (*Rohde v. Denmark*) 2005 года, § 93, Постановление Европейского Суда по делу «Рзаханов против Азербайджана» (*Rzakhanov v. Azerbaijan*) 2013 года, § 64). Запрет контактов с другими заключенными по соображениям безопасности, поддержания дисциплины или защиты сам по себе не является бесчеловечным обращением или наказанием (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамирес Санчес против Франции» (*Ramirez Sanchez v. France*) 2006 года, § 123). Вместе с тем полная сенсорная изоляция в сочетании с изоляцией от общества может разрушительно отразиться на личности и представлять собой разновидность бесчеловечного обращения, которую нельзя оправдать ни требованиями безопасности, ни какими-либо иными соображениями (см. *ibid.*, § 120).

214. Одиночное заключение, даже в ситуациях, когда оно приводит только к относительной изоляции, нельзя применять к заключенному бессрочно. Оно должно опираться на реальные основания, сопровождаться необходимыми процессуальными гарантиями, а

также применяться лишь в исключительных случаях и только после того, как были приняты все меры предосторожности (см. Постановление Европейского Суда по делу «А.Т. против Эстонии (№ 2)» (*A.T. v. Estonia*) (№ 2) 2018 года, § 73). Для того чтобы избежать любой опасности произвола, решение о продлении длительного срока одиночного заключения должно быть подтверждено существенными причинами. Необходимо, чтобы такое решение давало возможность установить, что власти провели повторную оценку, приняв во внимание изменение обстоятельств заключенного, его ситуации или поведения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Чюллёт против Венгрии» (*Csüllög v. Hungary*) 2011 года, § 31).

215. В связи с этим следует отметить, что содержание заключенных в камере, рассчитанной на двух человек, может привести к тем же негативным последствиям, что и одиночное заключение, если оба заключенных должны провести годы, будучи запертыми в одной камере, без какой-либо осмысленной деятельности, при недостаточности прогулок на свежем воздухе и общения с внешним миром. Следовательно, даже если изоляция не является абсолютной (поскольку оба заключенных содержатся вместе), интенсивность и длительность применения этой меры могут дать основания предполагать нарушение статьи 3 Конвенции ввиду ее существенного негативного влияния на благополучие заключенных и их социальные навыки. Таким образом, в ситуации, когда интенсивность и длительность изоляции от общества являются настолько существенными, что их последствия сопоставимы с одиночным заключением, необходимо приводить достаточные основания, которые оправдывали бы длительное содержание заключенных в камере, рассчитанной на двух человек (см. Постановление Европейского Суда по делу «N.T. против Российской Федерации» (*N.T. v. Russia*) 2020 года, § 45).

216. Помещая человека в одиночную камеру, необходимо учитывать состояние его здоровья (см. Постановление Европейского Суда по делу «Жанти против Бельгии» (*Jeanty v. Belgium*) 2020 года, § 117). Кроме того, должна быть создана система регулярного мониторинга физического и психического состояния заключенного, чтобы гарантировать его возможность непрерывно находиться в одиночной камере. Европейский Суд также подчеркивал важность того, чтобы заключенный мог обжаловать длительное одиночное заключение по сути, а также основания применения этой меры в независимый судебный орган. Вместе с тем желательно предлагать альтернативы одиночному заключению, когда речь идет о лицах, которых считают опасными и содержать которых в тюрьме в обычных условиях представляется нецелесообразным (см. Постановление Большой Пала-

ты Европейского Суда по делу «Рамирес Санчес против Франции» (*Ramirez Sanchez v. France*) 2006 года, §§ 139 и 145–146).

217. В упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамирес Санчес против Франции» (*Ramirez Sanchez v. France*), §§ 131–150, заключенный, осужденный за преступления, связанные с терроризмом, содержался в одиночной камере около восьми лет. Европейский Суд счел, что в связи с содержанием заявителя в одиночной камере, которое представляло собой лишь частичную и относительную изоляцию от общества, в данном деле не возникло каких-либо вопросов. По мнению Европейского Суда, основной проблемой в этом деле являлась длительность самого заключения. Несмотря на то, что Европейский Суд не усмотрел в деле нарушения статьи 3 Конвенции (в отношении физических условий содержания заявителя под стражей, его изоляции, намерения властей содержать его в обычных условиях, его личности и опасности, которую он представлял), он высказал обеспокоенность особенно длительным сроком нахождения заявителя в одиночной камере и решил, что заявителя, который во время рассмотрения данного дела содержался под стражей в обычных условиях, в принципе не следует помещать в одиночную камеру в будущем.

218. В Постановлении по делу «Онуфриу против Кипра» (*Onoufriou v. Cyprus*) 2010 года, §§ 71–81, Европейский Суд расширил требования к процессуальным гарантиям, которыми должно сопровождаться решение о водворении заключенного в одиночную камеру для обеспечения благополучия заключенного и соразмерности этой меры. Европейский Суд указал на пробел в соответствующих положениях законодательства Кипра, касающихся гарантий для лиц, которых переводят в одиночную камеру. В частности, он отметил отсутствие достаточных оснований для содержания заявителя в одиночной камере и неопределенность в отношении продолжительности применения этой меры. Кроме того, власти государства-ответчика не ввели надежной системы фиксации мер, связанных с одиночным заключением, которая позволила бы обеспечить, чтобы длительность содержания заявителя в одиночной камере не превышала разрешенного срока. В деле не было доказательств того, что прежде чем принять решение о переводе заявителя в одиночную камеру, власти провели оценку соответствующих факторов, а у заявителя не было возможности обжаловать характер и условия его содержания под стражей.

219. Аналогичным образом в упомянутом выше Постановлении по делу «Чюллёг против Венгрии» (*Csüllög v. Hungary*), §§ 37–38, Европейский Суд пришел к выводу, что власти не привели существенных

оснований для решений об избрании и о продлении срока применения меры, связанной с содержанием заявителя в одиночной камере. В связи с этим Европейский Суд счел, что в отсутствие обоснования обжалуемое по делу ограничение следует считать произволом. Произвольные ограничительные меры, применяющиеся к лицам, которые находятся в уязвимом положении, в частности к заключенным, неизбежно усиливают чувства подчиненности, абсолютной зависимости, беспомощности, а значит, унижают их (см. в качестве примера другого подхода упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «А.Т. против Эстонии (№ 2)» (*A.T. v. Estonia*) (№ 2), §§ 84–85). Кроме того, власти государства-ответчика не приняли мер для того, чтобы смягчить негативное воздействие длительного содержания в одиночной камере на физическое и психическое состояние заявителя. В связи с этим в сложившихся обстоятельствах нельзя было считать, что ограниченные возможности находиться на открытом воздухе и заниматься спортом были способны компенсировать это негативное воздействие, особенно с учетом того, что все передвижения заявителя в условиях, которые и так обеспечивали безопасность, предполагали использование наручников. Исходя из изложенного Европейский Суд констатировал нарушение статьи 3 Конвенции.

220. Напротив, в упомянутом выше Постановлении по делу «Роде против Дании» (*Rohde v. Denmark*), §§ 97–98, касавшемся содержания заявителя в одиночной камере в течение примерно 11 месяцев, Европейский Суд не усмотрел нарушения статьи 3 Конвенции, приняв во внимание следующие обстоятельства: общие условия содержания заявителя под стражей были удовлетворительными; он получал газеты и не был полностью лишен возможности общаться с другими заключенными; у него была возможность выходить на прогулки и заниматься в тренажерном зале; он брал книги в библиотеке и делал покупки в магазине; раз в неделю он посещал языковые курсы; его навещали тюремный священник, адвокат, работник социальной службы, родственники и друзья; заявителя регулярно осматривал физиотерапевт, врач и медсестра.

221. Наконец, следует отметить, что изложенные выше принципы применяются в случаях, когда заключенного переводят в одиночную камеру в качестве дисциплинарного взыскания (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Рзаханов против Азербайджана» (*Rzakhanov v. Azerbaijan*), §§ 74–76)³², а также

³² См. подробнее главу «Дисциплинарные меры и взыскания» настоящего Руководства.

в ситуации, когда к одиночному заключению прибегают для того, чтобы защитить заключенного от возможного насилия в тюрьме. В Постановлении по делу «Х против Турции» (*X v. Turkey*) 2012 года, §§ 41–45, Европейский Суд пришел к выводу, что помещение заявителя в одиночную камеру для его защиты без какого-либо обоснования в условиях недостаточности прогулок и контактов с другими заключенными в совокупности с отсутствием надлежащего судебного контроля за применением этой меры представляло собой нарушение статьи 3 Конвенции (см. в качестве примера другого подхода Постановление Европейского Суда по делу «Пеньяранда Сото против Мальты» (*Peñaranda Soto v. Malta*) 2017 года, §§ 76–77).

VII. ОСОБЫЕ КАТЕГОРИИ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ

«Статья 3 Конвенции

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию...

Статья 8 Конвенции

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. ЖЕНЩИНЫ С ДЕТЬМИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ

222. В своей прецедентной практике Европейский Суд признавал особенно проблематичным вопрос о том, нужно ли допускать, чтобы младенцы и дети младшего возраста могли оставаться в пенитенциарных учреждениях вместе со своими матерями. В этой связи Европейский Суд отмечал, что, как указывал ЕКПП, с одной стороны, в тюрьмах явно отсутствуют надлежащие условия для младенцев и детей младшего возраста, а с другой стороны, насильственное разлучение матерей и малолетних детей крайне нежелательно. Европейский Суд также принимал во внимание, что, как сказано в Правилах ООН, касающихся обращения с женщинами-заключенными³³, решения о том, чтобы разрешить детям оставаться со своими матерями в исправительном учреждении, принимаются исходя из соображений наилучшего обеспечения интересов детей (см. Постановление Ев-

³³ Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила), документ А/С.3/65/L.5 от 6 октября 2010 г.

ропейского Суда по делу «Корнейкова и Корнейков против Украины» (*Korneykova and Korneykov v. Ukraine*) 2016 года, § 129). Данный принцип закреплен в прецедентной практике Европейского Суда о защите детей (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Х против Латвии» (*X v. Latvia*) 2013 года, § 95).

223. Кроме того, Европейский Суд учитывал рекомендации Всемирной организации здравоохранения³⁴, согласно которым здоровый новорожденный должен оставаться с матерью. Это налагает на государственные органы обязательство по созданию надлежащих условий для практической реализации указанных требований в том числе в пенитенциарных учреждениях. Соответственно, в ситуации, когда мать заключают под стражу, а ее новорожденный ребенок остается с ней, находясь под полным контролем властей, у последних возникает обязательство в достаточной мере обеспечивать здоровье и благополучие ребенка (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Корнейкова и Корнейков против Украины» (*Korneykova and Korneykov v. Ukraine*), § 131).

224. Упомянутое выше дело касалось заявительницы, которую поместили в следственный изолятор на пятом месяце беременности, и, находясь под стражей, она родила сына. Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции в связи с действиями властей: заковыванием матери в наручники в роддоме (см. *ibid.*, §§ 110–116)³⁵, неудовлетворительными условиями содержания под стражей и неоказанием младенцу надлежащей медицинской помощи.

225. Что касается, в частности, материальных условий содержания под стражей, Европейский Суд отметил, что совокупное воздействие плохого питания матери, неудовлетворительных санитарно-гигиенических условий содержания ее самой и ее новорожденного сына, а также недостаточной продолжительности прогулок достигло такой интенсивности, что причинило матери физические страдания и душевную боль, представляющие собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение с матерью и ее ребенком (см. *ibid.*, §§ 140–148).

226. В отношении оказания медицинской помощи младенцу Европейский Суд подчеркнул, что власти были обязаны обеспечить второму заявителю — новорожденному ребенку, который вместе со своей матерью находился в следственном изоляторе, — наблюдение врачей и оказание надлежащей медицинской помощи. Его поло-

³⁴ Имеются в виду Общие рекомендации Всемирной организации здравоохранения, принятые по итогам Межрегиональной конференции по технологии родовспоможения (г. Форталеза, Бразилия) 22–26 апреля 1985 г. (*примеч. редактора*).

³⁵ См. главу «Использование средств усмирения» настоящего Руководства.

жение было особенно уязвимым, и нужно было обеспечить за ним постоянное наблюдение врача-специалиста. Материалы дела представили Европейскому Суду веские основания для того, чтобы установить, что второго заявителя почти три месяца не осматривал педиатр. С учетом возраста ребенка этого обстоятельства самого по себе оказалось достаточно для вывода о том, что в данном деле не были соблюдены стандарты оказания адекватной медицинской помощи (см. *ibid.*, §§ 152–158).

227. По вопросу о содержании под стражей детей³⁶ Европейский Суд в Постановлении по делу «Гювеч против Турции» (*Güveç v. Turkey*) 2009 года, §§ 91–98, впервые пришел к выводу, что содержание несовершеннолетнего в пенитенциарном учреждении для взрослых представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, нарушающее статью 3 Конвенции. Вопреки требованиям законодательства Турции содержание под стражей пятнадцатилетнего юноши продолжалось более пяти лет. Из-за этого у него появились серьезные физические и психологические проблемы, которые привели к трем попыткам самоубийства, а власти государства-ответчика не оказали ему надлежащей медицинской помощи.

228. В связи с этим следует также отметить, что в нескольких делах против Турции Европейский Суд высказал опасения по поводу практики содержания детей в следственных изоляторах (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сельчук против Турции» (*Selçuk v. Turkey*) 2006 года, § 35, Постановление Европейского Суда по делу «Кошти и другие против Турции» (*Koştı and Others v. Turkey*) 2007 года, § 30, Постановление Европейского Суда по делу «Нарт против Турции» (*Nart v. Turkey*) 2008 года, § 34), констатируя в связи с этим нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции. Так, в упомянутом деле «Сельчук против Турции» (*Selçuk v. Turkey*) заявитель провел в следственном изоляторе около четырех месяцев, когда ему было 16 лет, а в деле «Нарт против Турции» заявитель содержался под стражей в течение 48 дней, когда ему было 17 лет.

³⁶ См. подробнее:

- Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г.;
- Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Резолюция от 29 ноября 1985 г. № 40/33);
- Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (Резолюция от 14 декабря 1990 г. № 45/113);
- Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-участникам № CM/Rec(2008)11 «О Европейских правилах для несовершеннолетних правонарушителей, по отношению к которым применены санкции или ограничительные меры уголовно-правового характера».

229. Вместе с тем Европейский Суд указывал, что при толковании статьи 3 Конвенции в ней нельзя усматривать общее обязательство освобождать человека из-под стражи и что Конвенция не запрещает государствам-участникам лишать подростков свободы по приговору суда. Кроме того, власти пользуются определенной свободой усмотрения относительно того, как им отделять подростков от взрослых правонарушителей, в том числе путем помещения преступников подросткового возраста в отдельные секции учреждений, обычно предназначенных для взрослых заключенных. В связи с этим помещение несовершеннолетнего в секцию для преступников подросткового возраста само по себе не дает оснований предполагать нарушение статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Купарадзе против Грузии» (*Kuparadze v. Georgia*) 2017 года, § 60). Однако в некоторых случаях содержание несовершеннолетнего вместе со взрослыми заключенными, даже в течение непродолжительного периода, может произвести на него сильное впечатление, которое в сочетании с неудовлетворительными условиями лишения свободы может привести к нарушению статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Жердев против Украины» (*Zherdev v. Ukraine*) 2017 года, §§ 92–93). Равным образом содержание несовершеннолетнего, в отношении которого была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, вместе с лицами, отбывающими наказание по приговору суда, может дать основания предполагать нарушение статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «I.E. против Республики Молдова» (*I.E. v. Republic of Moldova*) 2020 года, § 43).

230. В любом случае здоровье несовершеннолетних, находящихся в местах лишения свободы, должно быть защищено согласно признанным медицинским стандартам, применимым к несовершеннолетним в целом. Внутригосударственные органы власти во всех ситуациях должны руководствоваться интересами ребенка, а ребенку должны быть гарантированы надлежащие уход и защита. Более того, если органы власти рассматривают вопрос о лишении ребенка свободы, требуется получить медицинское заключение о состоянии здоровья ребенка, чтобы установить, можно ли его помещать в центр временного содержания для несовершеннолетних (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блохин против Российской Федерации» (*Blokhin v. Russia*) 2016 года, § 138).

231. Следует также отметить, что в контексте ограничения свободы несовершеннолетних иммигрантов Европейский Суд указывал, что оно дает особенно серьезные основания предполагать нарушение статьи 3 Конвенции независимо от того, сопровождают их взрослые

или нет, поскольку дети, сопровождаются они другими лицами или нет, находятся в чрезвычайно уязвимом положении и имеют особые потребности (см. Постановление Европейского Суда по делу «Абдуллахи Элми и Авейс Абубакар против Мальты» (*Abdullahi Elmi and Aweys Abubakar v. Malta*) 2016 года, § 103). Действительно, крайняя уязвимость ребенка является решающим фактором и имеет приоритет по отношению к соображениям, связанным с правовым статусом несовершеннолетнего иммигранта. Конвенция о правах ребенка 1989 года (1577 UNTS 3) призывает государства принимать необходимые меры по обеспечению ребенку, который стремится получить статус беженца, как сопровождаемому, так и не сопровождаемому другими лицами, надлежащую защиту и гуманитарную помощь (см. Постановление Европейского Суда по делу «Попов против Франции» (*Popov v. France*) 2012 года, § 91). За последние годы Европейский Суд в нескольких делах рассмотрел условия содержания несовершеннолетних иммигрантов, сопровождаемых взрослыми.

232. В Постановлении Европейского Суда по делу «Мусхаджиева и другие против Бельгии» (*Muskhadzhiyeva and Others v. Belgium*) 2010 года, §§ 57–63, заявители, которым было семь месяцев, три с половиной года, пять и семь лет соответственно, содержались под стражей в течение одного месяца. Отметив их возраст, продолжительность их содержания под стражей, тот факт, что пенитенциарное учреждение не было приспособлено для содержания несовершеннолетних, а также наличие медицинских справок, свидетельствующих, что во время содержания под стражей у них появились серьезные психологические проблемы, Европейский Суд установил в этом деле нарушение статьи 3 Конвенции.

233. В деле «Канагаратнам против Бельгии» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Канагаратнам против Бельгии» (*Kanagaratnam v. Belgium*) 2011 года, §§ 64–69) заявители, которым было 13, 11 и 8 лет соответственно, содержались под стражей около четырех месяцев. Европейский Суд отметил, что они были старше заявителей по упомянутому выше делу, а также указал на отсутствие медицинских доказательств того, что, находясь под стражей, они испытали психическое потрясение. Тем не менее Суд констатировал нарушение статьи 3 Конвенции, приняв во внимание следующие факторы: (i) пенитенциарное учреждение не было приспособлено для несовершеннолетних; (ii) заявители находились в особенно уязвимом положении, так как перед приездом в Бельгию они были разлучены со своим отцом в связи с тем, что он был арестован на Шри-Ланке, а они бежали, спасаясь от идущей там гражданской войны; (iii) их мать, хотя и находилась с ними в том же пенитенци-

арном учреждении, не могла надлежащим образом о них заботиться; (iv) содержание их под стражей продолжалось намного дольше, чем в упомянутом выше деле «Мусхаджиева и другие против Бельгии» (*Muskhadzhiyeva and Others v. Belgium*).

234. В упомянутом выше деле «Попов против Франции» (*Popov v. France*), §§ 92–103, заявители, которым было пять месяцев и три года соответственно, содержались под стражей в течение 15 дней. Хотя пенитенциарное учреждение было приспособлено для содержания семей, оно, согласно нескольким докладам и решениям судов Франции, не подходило для этой цели с точки зрения материальных условий или недостаточных возможностей уединиться и враждебной психологической обстановки, которая там сложилась. Это заставило Европейский Суд прийти к следующим выводам: (i) несмотря на отсутствие соответствующих медицинских доказательств, заявители, которые были еще маленькими детьми, испытали стресс и тревогу; (ii) хотя срок их содержания под стражей был сравнительно короток, в деле было допущено нарушение статьи 3 Конвенции.

235. В пяти делах по жалобам против Франции, рассмотренных позднее (см. Постановления Европейского Суда по делам «R.M. и другие против Франции» (*R.M. and Others v. France*) 2016 года, §§ 72–76, «A.B. и другие против Франции» (*A.B. and Others v. France*) 2016 года, §§ 111–115, «A.M. и другие против Франции» (*A.M. and Others v. France*) 2016 года, §§ 48–53, «R.K. и другие против Франции» (*R.K. and Others v. France*) 2016 года, §§ 68–72, и «R.C. и V.C. против Франции» (*R.C. and V.C. v. France*) 2016 года, §§ 36–40), заявители, которым было от четырех месяцев до четырех лет, содержались под стражей от семи до 18 дней. Европейский Суд отметил, что, в отличие от того пенитенциарного учреждения, о котором шла речь в упомянутом выше деле «Попов против Франции» (*Popov v. France*), материальные условия содержания в двух пенитенциарных учреждениях в этих пяти делах не вызывали каких-либо вопросов. Они были приспособлены для содержания семей, семьи содержались отдельно от других заключенных, им предоставлялись специально оборудованные комнаты и средства по уходу за ребенком. Однако одно из этих учреждений непосредственно примыкало к автомобильной трассе, ведущей в аэропорт, поэтому в том месте, где содержались заявители, всегда было очень шумно. Во втором учреждении внутренний двор был отделен от зоны для заключенных мужского пола только сетчатой перегородкой, и уровень шума также был значителен, что серьезно отразилось на детях. Еще одной причиной для беспокойства стали ограничения, характерные для пенитенциарных учреждений, и условия, в которых эти учреждения функционировали. Если содержание

под стражей длится недолго, этих факторов недостаточно для того, чтобы достичь уровня жестокости, который требуется для применения статьи 3 Конвенции, однако более длительное содержание под стражей неизбежно отразится на маленьком ребенке настолько сильно, что этот уровень будет превышен. Поскольку во всех пяти делах срок содержания под стражей, по мнению Европейского Суда, был достаточно длительным, он в каждом из этих дел установил нарушение статьи 3 Конвенции.

236. В Постановлении по делу «S.F. и другие против Болгарии» (*S.F. and Others v. Bulgaria*) 2017 года, §§ 84–93, Европейский Суд пришел к выводу, что, хотя срок содержания под стражей несовершеннолетних иммигрантов был меньше, чем в некоторых вышеуказанных делах, условия содержания в пенитенциарном учреждении были значительно хуже. Камера, в которой содержались заявители, хотя сравнительно хорошо проветривалась и освещалась, была в крайне плохом состоянии. В ней было грязно, нары, матрасы и постельное белье были изношены, а пол был усыпан мусором и сырым картоном. Возможности пользоваться туалетом были ограничены, поэтому заявители были вынуждены ходить в туалет на пол камеры, в которой они содержались. Заявители утверждали, что в течение более суток после заключения их под стражу власти не давали им есть и пить, а власти государства-ответчика не оспаривали утверждений о том, что матери заявителей дали бутылочку и молоко для кормления младшего заявителя, которому было полтора года, спустя только примерно 19 часов после их заключения под стражу. Все эти факторы, взятые в совокупности, вероятно, оказали сильное влияние на заявителей как в физическом, так и в психологическом отношении и, по-видимому, особенно пагубно отразились на младшем заявителе, который был младенцем. Европейский Суд также отметил, что в последние годы государства, расположенные на внешних границах Европейского союза, действительно испытывают сложности в борьбе с массовым притоком иммигрантов, однако нельзя сказать, что Болгария в соответствующий период испытывала настолько серьезные проблемы, что у властей не было практической возможности обеспечить минимально приемлемые условия в центрах краткосрочного содержания, куда они решили поместить несовершеннолетних иммигрантов непосредственно после их задержания и заключения под стражу. В любом случае с учетом абсолютного характера статьи 3 Конвенции возрастающий приток иммигрантов не может освободить Высокое Договаривающееся Государство от его обязательств, вытекающих из этой статьи. Европейский Суд постановил, что по данному делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции.

237. В Постановлении по делу «G.B. и другие против Турции» (*G.B. and Others v. Turkey*) 2019 года, §§ 101–117 и 151, касавшемся содержания под стражей иммигрантов (матери с тремя детьми), Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции главным образом из-за непригодности соответствующих центров временного содержания мигрантов для приема детей с учетом их крайней уязвимости, а также вследствие несоответствия этих центров общепризнанным международным принципам в области защиты детей. Кроме того, Европейский Суд подчеркнул, что содержание маленьких детей в неподходящих условиях само по себе может привести к выводу о нарушении пункта 1 статьи 5 Конвенции независимо от того, сопровождает этих детей взрослый или нет. При этом он сослался на мнения различных международных органов, в том числе Совета Европы, которые все чаще призывают государства полностью и в кратчайшие сроки прекратить ограничивать свободу малолетних иммигрантов или вообще отказаться от применения к ним этой меры. В связи с этим Европейский Суд также указал, что присутствие в центре временного содержания ребенка, сопровождающего своих родителей, будет соответствовать требованиям подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, только если власти государства-ответчика смогут доказать, что такая крайняя мера была принята после того, как была установлена невозможность применения иных мер, в меньшей степени ограничивающих их свободу.

В. ИНОСТРАННЫЕ ГРАЖДАНЕ И МЕНЬШИНСТВА³⁷

238. Важным процессуальным аспектом, связанным с применением мер по лишению свободы иностранных граждан, является необходимость незамедлительно сообщить задержанному лицу информацию, в том числе существенные юридические и фактические причины его заключения под стражу, на понятном ему языке, как того требует пункт 2 статьи 5 Конвенции³⁸.

239. Информацию необходимо сообщать на том языке, который человек понимает, но необязательно на его родном языке (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сусо Муса против Мальты» (*Suso Musa v. Malta*) 2013 года, § 117). Однако власти должны проявлять осмотрительность при наличии указаний на то, что задер-

³⁷ См. подробнее: [Практическое руководство по критериям приемлемости жалоб для рассмотрения по существу](#).

³⁸ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 5 Европейской конвенции по правам человека](#).

жанный не понимает этого языка (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ладан против Польши» (*Ladent v. Poland*) 2008 года, §§ 64–65). Если для информирования лица о причинах лишения его свободы используется письменный перевод, власти обязаны обеспечивать, чтобы запросы на перевод были сформулированы точно и тщательно (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шамаев и другие против Грузии и Российской Федерации» (*Shamayev and Others v. Georgia and Russia*) 2005 года, § 425). Кроме того, допускается сообщение информации через переводчика (см. Постановление Европейского Суда по делу «А.Н. и Ж.К. против Кипра» (*A.H. and J.K. v. Cyprus*) 2015 года, § 224).

240. Конвенция не гарантирует как таковое право на перевод в пенитенциарное учреждение другого государства или право задержанного требовать направить его в конкретное пенитенциарное учреждение³⁹, тем не менее важно обеспечивать, чтобы заключенные из числа иностранных граждан поддерживали определенные контакты со своими семьями, хотя бы посредством телефонных разговоров или эпизодических встреч (см. Решение Европейского Суда по делу «Лабака Ларреа и другие против Франции» (*Labaca Larrea and Others v. France*) 2017 года, § 44). Кроме того, статья 8 Конвенции может потребовать, чтобы власти пошли заключенному навстречу и разрешили ему контактировать и общаться с родственниками на своем родном языке (см. Постановление Европейского Суда по делу «Нусрет Кайя и другие против Турции» (*Nusret Kaya and Others v. Turkey*) 2014 года, §§ 60–61).

241. В Постановлении Большой Палаты по делу «Руман против Бельгии» (*Rooman v. Belgium*) 2019 года, §§ 149–159 и 228–243, Европейский Суд рассматривал вопрос об оказании психиатрической помощи содержащимся под стражей представителям языковых меньшинств. Он подчеркнул, что Конвенция не гарантирует заключенным права на получение медицинской помощи на родном языке. С точки зрения статьи 3 Конвенции вопрос заключался в том, «были ли одновременно с другими факторами приняты необходимые и разумные меры для обеспечения общения, которое способствовало бы эффективному оказанию соответствующей помощи». Вместе с тем Европейский Суд признал, что при оказании психиатрической помощи «один лишь языковой элемент может оказаться решающим в отношении доступности или проведения соответствующего лечения, но только в том случае, если иные факторы не дают возможности компенсировать отсутствие общения». Рассматривая вопрос о предполагаемом наруше-

³⁹ См. главу «Место содержания под стражей» настоящего Руководства.

нии статьи 5 Конвенции, Европейский Суд напомнил, что в этом деле Совет по социальной защите (по решению которого заявитель подвергся принудительной изоляции) подтвердил право заявителя говорить, общаться и получать медицинскую помощь на немецком языке — одном из государственных языков Бельгии.

242. Кроме того, внутригосударственные власти обязаны обеспечивать заключенным-иностранцам и представителям меньшинств защиту от насилия и угроз со стороны других заключенных. В Постановлении по делу «Родиц и другие против Боснии и Герцеговины» (*Rodić and Others v. Bosnia and Herzegovina*) 2008 года, §§ 69–73, Европейский Суд констатировал нарушение статьи 3 Конвенции ввиду отсутствия надлежащей защиты физического благополучия заявителей от насилия и преследования со стороны других заключенных по межэтническим причинам, которую можно было бы обеспечить, например, поместив их в отдельную камеру.

С. ОСУЖДЕННЫЕ К ПОЖИЗНЕННОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

243. На основе всестороннего анализа и оценки своей прежней прецедентной практики по вопросу о пожизненном лишении свободы (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра» (*Kafkaris v. Cyprus*) 2008 года, §§ 95–108) Европейский Суд в Постановлении Большой Палаты по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства» (*Vinter and Others v. United Kingdom*) 2013 года, §§ 119–122, пришел к выводу, что в контексте наказания в виде пожизненного лишения свободы статья 3 Конвенции должна быть истолкована как требование *de facto* и *de jure* снижаемости назначенного наказания в смысле его пересмотра, которая позволяет внутригосударственным органам власти рассмотреть вопрос, являются ли перемены в осужденном к пожизненному лишению свободы настолько существенными, а его успехи на пути к исправлению, достигнутые в ходе исполнения наказания, настолько значительными, что дальнейшее содержание этого заключенного под стражей уже нельзя оправдать правомерными пенологическими основаниями.

244. В то же время Европейский Суд подчеркивал, что с учетом свободы усмотрения, которой пользуются государства-участники в вопросах уголовного правосудия и назначения наказаний, в его задачу не входит устанавливать, в какой форме (с участием органов исполнительной или судебной власти) следует осуществлять пересмотр назначенного наказания. По этой же причине он не должен определять, когда нужно осуществлять такой пересмотр. Тем не менее Евро-

пейский Суд отметил, что имеющиеся в его распоряжении материалы сравнительно-правовых исследований и международно-правовые документы демонстрируют четкую поддержку созданию специализированного механизма, гарантирующего пересмотр наказания в виде пожизненного лишения свободы не позднее чем через 25 лет после его назначения при условии, что в дальнейшем данный пересмотр будет осуществляться периодически. Соответственно, если внутригосударственное законодательство не предусматривает возможности подобного пересмотра, не подлежащее смягчению наказание в виде пожизненного лишения свободы не будет соответствовать стандартам статьи 3 Конвенции.

245. Европейский Суд также отмечал, что, хотя требуемый пересмотр назначенного наказания относится к будущим событиям и не может произойти до назначения наказания, осужденный к пожизненному лишению свободы не обязан ждать и отбывать неопределенную часть назначенного ему наказания, прежде чем он сможет подать жалобу на несоответствие правовых условий отбывания назначенного ему наказания требованиям статьи 3 Конвенции. Это противоречило бы как принципу правовой определенности, так и общим принципам статуса жертвы в том значении, которое придается данному термину в статье 34 Конвенции. Кроме того, в случаях, когда наказание в момент его назначения является неснижаемым согласно внутригосударственному законодательству, не стоит ожидать, что заключенный будет добиваться собственного исправления, не зная, будет ли в неопределенную дату в будущем введен механизм, который позволит ему рассчитывать на освобождение, если он к этому времени исправится. Осужденный к пожизненному лишению свободы имеет право в самом начале отбывания назначенного ему наказания знать, какое поведение позволит ему претендовать на освобождение и на каких условиях, в том числе знать, когда будет проводиться или может быть запрошен пересмотр назначенного ему наказания. Следовательно, в тех случаях, когда внутригосударственное законодательство не предусматривает какого-либо механизма или возможности пересмотра наказания в виде пожизненного лишения свободы, его несоответствие статье 3 Конвенции на этом основании возникает уже в момент назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы, а не на более поздней стадии отбывания этого наказания.

246. С учетом обстоятельств дела «Винтер и другие против Соединенного Королевства» (*Vinter and Others v. United Kingdom*), §§ 123–131, Европейский Суд постановил, что в данном деле имело место нарушение статьи 3 Конвенции, решив, что требования этой статьи Конвенции не были соблюдены в отношении всех трех заявителей.

В отношении заявителей Европейский Суд отметил неясность положений законодательства государства-ответчика о праве органов исполнительной власти освобождать из-под стражи человека, которому было назначено неснижаемое наказание в виде пожизненного лишения свободы. Кроме того, в тот период, о котором шла речь в деле, не существовало механизмов пересмотра назначенного наказания. Однако Европейский Суд, признав нарушение Конвенции, не преследовал цели дать заявителям надежду на скорое освобождение. Ответ на вопрос о том, надо освобождать или нет, зависел, например, от того, сохраняются ли правомерные пенологические основания для их дальнейшего содержания под стражей и следует ли оставить их под стражей ввиду опасности, которую они представляют.

247. Впоследствии в Постановлении Большой Палаты по делу «Хатчинсон против Соединенного Королевства» (*Hutchinson v. United Kingdom*) 2017 года, §§ 46–73, которое было рассмотрено после того, как в праве Соединенного Королевства произошли некоторые изменения, Европейский Суд пришел к выводу, что эти изменения соответствуют конвенционным стандартам, и в связи с этим не усмотрел в данном деле нарушения статьи 3 Конвенции.

248. В дальнейшем Европейский Суд последовательно применял подход, сформулированный им в упомянутом выше деле «Винтер и другие против Соединенного Королевства» (*Vinter and Others v. United Kingdom*), во множестве других дел по жалобам против различных стран.

249. В упоминавшемся выше Постановлении по делу «Оджалан против Турции (№ 2)» (*Öcalan v. Turkey*) (№ 2), §§ 199–207, Европейский Суд счел, что в связи с назначением заявителю наказания в виде пожизненного лишения свободы без возможности условно-досрочного освобождения по делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции, постановив, что в отсутствие механизма пересмотра назначенного заявителю наказания в виде пожизненного лишения свободы оно представляло собой наказание, не подлежащее уменьшению, и являлось бесчеловечным обращением. Европейский Суд, в частности, отметил, что в связи с наличием у заявителя статуса лица, осужденного к пожизненному лишению свободы при отягчающих обстоятельствах за преступление против безопасности государства, ему прямо было запрещено подавать ходатайства об освобождении на протяжении всего срока отбывания наказания. Кроме того, законодательство Турции действительно наделяло Президента Республики правом освободить из-под стражи пожилого или больного лица, осужденного к пожизненному лишению свободы, однако такое освобождение по гуманитарным основаниям отличается от понятия

«шансы на освобождение» в том значении, в каком оно понимается в прецедентной практике Европейского Суда (см. также, например, Постановление Европейского Суда по делу «Болтан против Турции» (*Boltan v. Turkey*) 2019 года, §§ 41–43).

250. В Постановлении по делу «Ласло Мадьяр против Венгрии» (*László Magyar v. Hungary*) 2014 года, §§ 54–59, Европейский Суд констатировал нарушение статьи 3 Конвенции в связи с тем, что заявителю было назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы без возможности условно-досрочного освобождения. В частности, Европейский Суд не был убежден в том, что законодательство Венгрии предоставляло осужденным к пожизненному лишению свободы возможность знать, какое поведение позволит им претендовать на освобождение и на каких условиях. Кроме того, законодательство Венгрии не гарантировало надлежащего рассмотрения вопроса о том, какие изменения произошли в жизни заключенного и каких успехов он достиг на пути к исправлению.

251. После вынесения Постановления Европейского Суда по делу «Ласло Мадьяр против Венгрии» (*László Magyar v. Hungary*) в законодательство Венгрии были внесены определенные изменения, которые Европейский Суд впоследствии рассмотрел в Постановлении по делу «Т.Р. и А.Т. против Венгрии» (*T.P. and A.T. v. Hungary*) 2016 года, §§ 39–50. В частности, в ситуации, в которой заключенный должен был сорок лет ждать, когда у него появятся основания рассчитывать на то, что власти в первый раз рассмотрят вопрос о его помиловании, Европейский Суд счел этот срок слишком длительным и указал, что оставшая часть процедуры, предусмотренной новым законодательством Венгрии, в любом случае не предусматривала достаточных гарантий. Таким образом, Европейский Суд не был уверен в том, что на момент вынесения им постановления по делу назначенное заявителям наказание в виде пожизненного лишения свободы можно считать дающим шансы на освобождение или возможность пересмотра приговора. Следовательно, законодательство, о котором идет речь, было несовместимо со статьей 3 Конвенции.

252. В Постановлении по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии» (*Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria*) 2014 года, §§ 243–268, которое касалось назначенного первому заявителю наказания в виде пожизненного лишения свободы, Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции. Он отметил, что с момента вступления в силу приговора по делу первого заявителя в ноябре 2004 года до начала 2012 года назначенное ему наказание в виде пожизненного лишения свободы без возможности смягчения представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, поскольку ему не

обеспечили ни реальных шансов на освобождение, ни возможности пересмотра вынесенного ему приговора. Его ситуация усугублялась строгим режимом и условиями его содержания под стражей, ограничивающими возможности по его исправлению или перевоспитанию. В то же время имеющееся у Президента Болгарии право помилования, которое могло бы привести к сокращению срока назначенного заявителю наказания, и условия осуществления этого права действительно были непрозрачными и не сопровождались формальными или даже неформальными гарантиями. Кроме того, отсутствовали конкретные примеры, когда человек, отбывающий наказание в виде пожизненного лишения свободы, смог бы добиться уменьшения срока назначенного ему наказания. Вместе с тем Европейский Суд отметил, что в результате реформ, проведенных в Болгарии в 2012 году, порядок осуществления президентом права на помилование стал ясным, обеспечивая заключенному шансы на освобождение или на смягчение приговора. Поэтому с тех пор можно было считать, по крайней мере формально, что появилась возможность смягчить назначенное заявителю наказание, связанное с лишением свободы, срок которого изначально нельзя было уменьшить (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Манолов против Болгарии» (*Manolov v. Bulgaria*) 2014 года, §§ 51–52).

253. Напротив, в Постановлении по делу «Чачко против Словакии» (*Čačko v. Slovakia*) 2014 года, §§ 76–81, Европейский Суд не усмотрел нарушения статьи 3 Конвенции. Он отметил, в частности, что механизм судебного контроля законности и обоснованности назначенного наказания предоставил осужденным к пожизненному лишению свободы и находящимся в таком же положении, как и заявитель, возможность претендовать на условно-досрочное освобождение через 25 лет после начала отбывания наказания. Это произошло вскоре после того, как заявителю был вынесен обвинительный приговор и он обратился с жалобой в Европейский Суд. Более того, в течение большей части этого срока заявитель продолжал добиваться компенсации в судах Словакии.

254. Аналогичным образом в Постановлении по делу «Бодейн против Франции» (*Bodein v. France*) 2014 года, §§ 53–62, Европейский Суд не усмотрел нарушения статьи 3 Конвенции, придя к выводу, что законодательство Франции предусматривало достаточные возможности по пересмотру наказания в виде пожизненного лишения свободы с учетом свободы усмотрения, которой пользуются государства в области уголовного правосудия и в вопросах назначения наказания. Он отметил, в частности, что законодательство Франции предусматривает судебный контроль ситуации осужденного и воз-

возможность снижения назначенного ему наказания через 30 лет с момента начала отбывания наказания. Европейский Суд счел, что такой контроль, направленный на оценку опасности заключенного и на рассмотрение вопроса о том, как изменилось его поведение за время отбывания наказания, не оставляет сомнений в существовании «шансов на освобождение» с самого начала отбывания наказания. Что касается заявителя, то после сокращения срока предварительного содержания его под стражей он мог рассчитывать на пересмотр назначенного ему наказания через 26 лет после вынесения ему обвинительного приговора и в случае успеха мог освободиться досрочно.

255. В Постановлении Большой Палаты по делу «Мюррей против Нидерландов» (*Murray v. Netherlands*) 2016 года, §§ 113–127, Европейский Суд рассмотрел жалобу заявителя, осужденного к пожизненному лишению свободы, который утверждал, что, хотя правовой механизм пересмотра наказания в виде пожизненного лишения свободы был введен вскоре после того, как он подал жалобу в Европейский Суд, фактически у него не было шансов на освобождение, поскольку ему так и не оказали психиатрической помощи, а значит, опасность совершения им новых преступлений по-прежнему будет считаться слишком высокой, чтобы он мог освободиться досрочно. Европейский Суд постановил, что в данном деле было допущено нарушение статьи 3 Конвенции. Он подчеркнул, в частности, что согласно его прецедентной практике государства пользуются широкой свободой усмотрения при определении того, какие меры требуется принять для обеспечения осужденному к пожизненному лишению свободы возможности для исправления. Однако хотя до назначения заявителю наказания в виде пожизненного лишения свободы был сделан вывод, что он нуждается в лечении, в дальнейшем вопрос о том, какое именно лечение может ему потребоваться и может ли оно быть обеспечено, не рассматривался. Соответственно, на тот момент, когда он подал жалобу в Европейский Суд, на практике подача им ходатайства о помиловании не могла привести к его освобождению из-под стражи. Таким образом, фактически назначенное ему наказание в виде пожизненного лишения свободы не подлежало смягчению вопреки требованиям, вытекающим из прецедентной практики Европейского Суда по статье 3 Конвенции.

256. В Постановлении по делу «Матиошайтис и другие против Литвы» (*Matiušaitis and Others v. Lithuania*) 2017 года, §§ 157–183, Европейский Суд постановил, что в отношении шести заявителей было допущено нарушение статьи 3 Конвенции. Он пришел к выводу, что на момент вынесения им Постановления назначенное этим заявителям наказание в виде пожизненного лишения свободы нельзя было считать подлежащим смягчению для целей применения статьи 3 Конвенции.

В частности, Европейский Суд подчеркнул, что сокращение срока наказания в виде пожизненного лишения свободы из-за неизлечимой болезни нельзя считать «шансами на освобождение». Аналогичным образом амнистию также нельзя признать мерой, предоставляющей осужденным к пожизненному лишению свободы шансы на смягчение наказания или освобождение. Кроме того, Европейский Суд отметил, что помилование президентом страны не обеспечивает *de facto* снижения наказания в виде пожизненного лишения свободы, по следующим соображениям: отсутствия у него обязанности мотивировать отказ удовлетворить ходатайство о помиловании; указы о помиловании не подлежат судебному контролю, а заключенные не могут обжаловать их напрямую; работу соответствующей комиссии по вопросам помилования нельзя назвать прозрачной, а ее рекомендации не являются юридически обязательными для президента страны. Европейский Суд также установил, что условия содержания осужденных к пожизненному лишению свободы не способствовали их исправлению.

257. В Постановлении по делу «Петухов против Украины (№ 2)» (*Petukhov v. Ukraine*) (№ 2) 2019 года, §§ 169–187, Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции по причине отсутствия у заявителя шансов на освобождение и возможности пересмотра назначенного ему наказания в виде пожизненного лишения свободы. В частности, порядок помилования президентом страны (единственная имеющаяся на Украине процедура смягчения наказаний в виде пожизненного лишения свободы) не был четко сформулирован и не обеспечивал достаточных процессуальных гарантий защиты от злоупотреблений. Кроме того, условия содержания осужденных к пожизненному лишению свободы на Украине не давали им возможности добиваться успехов на пути к исправлению, а значит, не предоставляли властям реальной возможности пересматривать назначенное им наказание.

258. В Постановлении по делу «Марчелло Виола против Италии (№ 2)» (*Marcello Viola v. Italy*) (№ 2) 2019 года, §§ 103–138, Европейский Суд констатировал нарушение статьи 3 Конвенции. Он пришел к выводу, что наказание в виде пожизненного лишения свободы, которое было назначено заявителю согласно соответствующему положению закона, предусматривающего ответственность за преступления, связанные с мафией, чрезмерно ограничило его шансы на освобождение и возможность добиваться пересмотра вынесенного ему приговора. В частности, наличие возможности выйти на свободу по специальному разрешению и сокращение срока наказания по иным основаниям зависели от «сотрудничества» заявителя с судебными органами. Европейский Суд выразил сомнения в добровольности решения заключен-

ного о сотрудничестве с властями и в правомерности приравнивания отказа от сотрудничества к опасности заключенного для общества. Фактически отказ от «сотрудничества с судебными органами» привел к возникновению неопровержимой презумпции общественной опасности, которая лишила заявителя всяких реальных шансов на освобождение. Таким образом, у заявителя не было возможности доказать, что его содержание под стражей уже не оправдывается правомерными пенилогическими основаниями: продолжая приравнивать отказ от сотрудничества к неопровержимой презумпции общественной опасности, действующая система фактически оценивала опасность человека со ссылкой на время совершения преступления, вместо того чтобы принять во внимание процесс реинтеграции в общество и положительные изменения, которые произошли в поведении лица с момента вынесения ему обвинительного приговора. Эта неопровержимая презумпция фактически лишила компетентный суд возможности рассмотреть ходатайство об освобождении по специальному разрешению и установить, изменился ли человек за время содержания под стражей и добился ли он настолько серьезных успехов на пути к исправлению, что его дальнейшее содержание под стражей уже не оправдывалось пенилогическими основаниями. Роль суда свелась к констатации факта, что условия сотрудничества соблюдены не были, при этом он не оценивал индивидуальные обстоятельства заключенного и успехи, которых тот добился на пути к исправлению.

259. В рассматриваемом деле Европейский Суд также указал в порядке применения статьи 46 Конвенции, что государство должно провести реформу условий отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы предпочтительно путем принятия соответствующего законодательства, чтобы гарантировать возможность пересмотра данного наказания. Это должно позволить властям определять, изменился ли заключенный за время отбывания наказания и добился ли он настолько серьезных успехов на пути к исправлению, что его дальнейшее содержание под стражей уже не оправдывается правомерными пенилогическими основаниями, а также предоставить осужденному возможность знать, какое поведение позволит ему претендовать на освобождение и на каких условиях. Европейский Суд отметил, что ослабления связей с мафией можно добиться не только путем сотрудничества с судебными органами и использования автоматического механизма, предусмотренного действующим законодательством Италии, но и другими средствами. Вместе с тем Европейский Суд указал, что возможность ходатайствовать об освобождении необязательно лишает власти права отклонить такое ходатайство, если подавший его человек по-прежнему представляет опасность для общества.

VIII. ПРАВА ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

«Статья 6 Конвенции

1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права...

с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия...».

«Статья 34 Конвенции

Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

А. ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛУЧАТЬ ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАЦИИ

260. Возможность как можно раньше обратиться к адвокату является важным фактором, компенсирующим уязвимость содержащегося под стражей лица. Она представляет собой существенную гарантию, позволяющую не допустить принуждения и жестокого обращения, и способствует предотвращению судебных ошибок и достижению целей справедливого судебного разбирательства согласно статье 6 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (*Salduz v. Turkey*) 2008 года, §§ 53–54, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (*Ibrahim*

and Others v. United Kingdom) 2016 года, § 255). С точки зрения права на справедливое судебное разбирательство это право должно обеспечиваться каждому, кому предъявлено «уголовное обвинение». Право на обращение к адвокату может быть ограничено при наличии убедительных оснований, оправдывающих такое ограничение, в случаях, если это ограничение не повлияло на справедливость рассмотрения дела в целом⁴⁰.

261. Власти обязаны обеспечивать конфиденциальность общения заключенного со своим адвокатом, которая может распространяться и на других законных представителей (см. Постановление Европейского Суда по делу «А.В. против Нидерландов» (*A.B. v. Netherlands*) 2002 года, § 86). Кроме того, Европейский Суд приходил к выводу, что переписка реального или потенциального заявителя с его представителем в Европейском Суде, как правило, должна являться конфиденциальной (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ефименко против Российской Федерации» (*Yefimenko v. Russia*) 2013 года, § 144).

262. Европейский Суд признавал, что переписка заключенных должна подлежать определенному контролю, который сам по себе, с учетом обычных и разумных требований, вытекающих из лишения свободы, не является несовместимым с Конвенцией (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кэмпбелл против Соединенного Королевства» (*Campbell v. United Kingdom*) 1992 года, § 45).

263. Однако согласно прецедентной практике Европейского Суда у любого лица, которое хочет посоветоваться с адвокатом, должна быть возможность это сделать в условиях, способствующих полноценному и беспрепятственному обсуждению. Следовательно, отношения между адвокатом и его подзащитным в принципе являются конфиденциальными. Европейский Суд много раз подчеркивал важность права заключенного общаться с адвокатом таким образом, чтобы их разговоры не могли слышать сотрудники администрации пенитенциарного учреждения. По аналогии это относится и к представителям органам власти, участвующим в уголовном преследовании заключенного. Действительно, в отсутствие у адвоката возможности беседовать со своим подзащитным без этого контроля и получать от него конфиденциальные указания от его помощи будет намного меньше пользы, в то время как Конвенция направлена на то, чтобы гарантировать права, которые являются практически осуществимыми и эффективными. Когда переписка адвоката и его подзащитного регулярно перлюстрируется лицами или органами власти, у которых может быть непосредственный интерес

⁴⁰ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 6 Европейской конвенции по правам человека \(уголовно-правовой аспект\)](#).

к ее содержанию, это не соответствует принципам конфиденциальности и профессиональной тайны, которые применяются к отношениям между адвокатом и его клиентом. С учетом этих принципов Европейский Суд устанавливал, что прочтение писем заключенного к адвокату и писем адвоката к заключенному должно допускаться лишь в исключительных обстоятельствах, когда у властей есть разумные основания полагать, что конфиденциальностью данной переписки злоупотребляют, поскольку содержание письма ставит под угрозу безопасность пенитенциарного учреждения или безопасность других лиц либо имеет преступный характер по каким-то иным признакам. Какие основания можно считать «разумными», а какие нет, зависит от всех обстоятельств дела, но это предполагает существование фактов или информации, которая убедит объективного наблюдателя в том, что имеет место злоупотребление этим конфиденциальным каналом связи (см. *ibid.*, §§ 46–48, а также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Пехович против Польши» (*Piechowicz v. Poland*), § 239).

В. ПОЛНОЦЕННОЕ УЧАСТИЕ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ НА ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ

264. В контексте уголовного судопроизводства заключенные в принципе должны пользоваться всеми гарантиями справедливости судебного разбирательства, предусмотренными статьей 6 Конвенции⁴¹. Однако в некоторых случаях их полноценное участие в рассмотрении дела может предполагать необходимость того, чтобы власти приняли дополнительные активные меры, позволяющие заключенным надлежащим образом подготовиться к своей защите (см. Постановление Европейского Суда по делу «Рук против Германии» (*Rook v. Germany*) 2019 года, § 65, где заявителю разрешили знакомиться в тюрьме с электронными документами, имеющими отношение к его делу, вместе с его адвокатом).

265. В ситуации, когда обвиняемого содержали в следственном изоляторе, перевозили в суд и содержали там в чрезвычайно стесненных условиях, в помещениях, которые были настолько переполнены, что он не мог читать и писать, без достаточного естественного освещения и вентиляции и в отсутствие нормального питания, Европейский Суд пришел к выводу, что обвиняемый не мог должным образом подготовиться к своей защите и полноценно участвовать в

⁴¹ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 6 Европейской конвенции по правам человека \(уголовно-правовой аспект\)](#).

рассмотрении дела, как того требует статья 6 Конвенции. Европейский Суд подчеркнул, что подобная ситуация, несомненно, ухудшила способность заявителя к концентрации внимания и интенсивной умственной деятельности в часы, непосредственно предшествовавшие судебным заседаниям. Положение заявителя не могло облегчить то, что ему помогала команда профессиональных адвокатов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Моисеев против Российской Федерации» (*Moiseyev v. Russia*) 2008 года, § 222).

266. Кроме того, содержание заключенных под стражей в зале судебных заседаний может отразиться на справедливости судебного разбирательства, которое гарантируется статьей 6 Конвенции. В частности, оно может повлиять на осуществление обвиняемым права на полноценное участие в рассмотрении дела и на получение практически значимой и эффективной юридической помощи (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia*) 2014 года, § 134, в котором приводятся ссылки на другие постановления Европейского Суда по данному вопросу). Соответственно, избирать оптимальные меры по обеспечению безопасности в том или ином конкретном деле должны суды государства-ответчика, принимая при этом во внимание интересы отправления правосудия, необходимость обеспечивать справедливость судебного разбирательства и презумпцию невиновности. Одновременно с этим они обязаны обеспечивать права обвиняемого на полноценное участие в рассмотрении дела и на получение практически значимой и эффективной юридической помощи (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ярослав Белоусов против Российской Федерации» (*Yaroslav Belousov v. Russia*) 2016 года, § 152).

267. Так, например, в ситуации, когда заявитель содержался в зале суда в переполненной стеклянной кабине в нарушение требований статьи 3 Конвенции, Европейский Суд установил, что столь унижительное обращение трудно совместить с понятием «справедливое судебное разбирательство» с учетом важности принципа равенства процессуальных возможностей сторон, презумпции невиновности и доверия, которое суды в демократическом обществе должны вызывать у каждого, и прежде всего у обвиняемого (см. *ibid.*, §§ 149–150). Кроме того, даже если какая-то конкретная мера, связанная с содержанием под стражей в зале суда, сама по себе не противоречит статье 3 Конвенции, она, тем не менее, может препятствовать обвиняемому полноценно участвовать в разбирательстве. В упомянутом выше деле «Ярослав Белоусов против Российской Федерации» (*Yaroslav Belousov v. Russia*), §§ 151–153) помещение обвиняемого в

стеклянную кабину в зале суда, которое осуществлялось регулярно, лишало заявителя возможности конфиденциально обмениваться информацией со своим адвокатом, иметь документы и делать записи. В связи с тем, что эта ситуация не была признана и устранена соответствующим судом, Европейский Суд констатировал нарушение пункта 1 и подпунктов «b» и «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

268. Что касается участия заключенных в разбирательстве по гражданским делам⁴², Европейский Суд признавал, что в рамках разбирательства, касающегося лишения свободы, могут существовать практические и политические соображения для решения различных вопросов, которые могут поступить на рассмотрение соответствующих органов власти, в упрощенном порядке. Кроме того, Европейский Суд не исключал, что упрощенное разбирательство может проводиться в письменном виде, если оно соответствует принципам справедливого рассмотрения дела, которое гарантируется пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Однако даже при таком разбирательстве стороны должны как минимум иметь возможность ходатайствовать о проведении публичного слушания, даже если суд может отклонить это ходатайство и рассмотреть дело за закрытыми дверями (см. Постановление Европейского Суда по делу «Алтай против Турции (№ 2)» (*Altay v. Turkey*) (№ 2) 2019 года, § 77).

269. Европейский Суд также приходил к выводу, что наличие законного представителя может быть необходимо в случаях, когда сторона разбирательства не в состоянии лично явиться в суд, рассматривающий гражданское дело с ее участием. С учетом очевидных сложностей, связанных с перевозкой содержащихся под стражей лиц, Европейский Суд в принципе допускает, что в делах, в которых иск не связан с личным опытом истца, наличие у лишеного свободы лица адвоката, представляющего его интересы, не нарушает принцип равенства процессуальных возможностей сторон. Для этого Европейский Суд должен рассмотреть вопрос о том, играет ли личное участие заявителя в разбирательстве «важную роль в представлении истцом своей позиции и является ли оно фактически единственным способом обеспечить состязательность судебного разбирательства» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Маргаретич против Хорватии» (*Margaretić v. Croatia*) 2014 года, § 128, в котором приводятся ссылки на другие постановления Европейского Суда по данному вопросу).

270. Так, например, в упомянутом выше Постановлении по делу «Маргаретич против Хорватии» (*Margaretić v. Croatia*), § 132, в кото-

⁴² См. подробнее: [Руководство по применению статьи 6 Европейской конвенции по правам человека \(гражданско-правовой аспект\)](#).

ром заявитель содержался под стражей и не мог лично явиться в суд, Европейский Суд не усмотрел нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции. Суд отметил, в частности, что поданный заявителем иск зависел не от деталей его личного опыта, а от разрешения вопросов юридического характера и что заявителю была обеспечена разумная возможность полноценно изложить свои доводы через представителя.

271. Напротив, в упомянутом выше Постановлении по делу «Алтай против Турции (№ 2)» (*Altay v. Turkey*) (№ 2), §§ 79–82, Европейский Суд отметил, что по делу заявителя ни на одном из этапов разбирательства во внутригосударственных судах не проводилось устных слушаний, хотя в деле поднимались вопросы факта и права. Согласно законодательству Турции разбирательство проходило на основе материалов дела, и ни у заявителя, ни у выбранного им представителя не было возможности участвовать в судебных заседаниях. В связи с этим Европейский Суд установил нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

С. ПЕРЕПИСКА С ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ

272. Относительно переписки заключенных с Европейским Судом важно отметить, что статья 34 Конвенции содержит обязательство не препятствовать эффективному осуществлению права на обращение с индивидуальной жалобой в Европейский Суд. Это означает запрет любого вмешательства в осуществление лицом права на подачу жалобы в Европейский Суд и полноценное ее рассмотрение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кано Мойя против Испании» (*Cano Moya v. Spain*) 2016 года, § 43, в котором приводятся ссылки на другие постановления Европейского Суда по данному вопросу).

273. В связи с этим, как подчеркивал Европейский Суд, для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб, которая гарантируется статьей 34 Конвенции, крайне важно, чтобы заявители или потенциальные заявители могли свободно вести переписку с Европейским Судом, не подвергаясь при этом давлению со стороны властей в какой бы то ни было форме с целью заставить их отозвать свои жалобы или изменить их содержание. В этом контексте «давление» включает в себя не только прямое принуждение и открытое запугивание, но и иные неправомерные косвенные действия или контакты, направленные на то, чтобы отговорить заявителей воспользоваться конвенционными средствами правовой защиты или помешать им это сделать (см. Постановление Европейского Суда по делу «Чайковский против Украины» (*Chaykovskiy v. Ukraine*) 2009 года, § 85).

274. Кроме того, Европейский Суд особо отмечал важность соблюдения тайны его переписки с заявителями, поскольку в ней

могут содержаться утверждения, касающиеся администрации или сотрудников пенитенциарного учреждения. Вскрытие писем, поступивших от Европейского Суда или адресованных ему, с последующим ознакомлением с их содержанием или без такового, несомненно, приводит к появлению гипотетической возможности того, что сотрудники пенитенциарного учреждения могли бы при случае отомстить заключенному. Вскрытие писем администрацией пенитенциарного учреждения может напугать заявителей и тем самым помешать им подать жалобу в Европейский Суд (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кляхин против Российской Федерации» (*Klyakhin v. Russia*) 2004 года, §§ 118–119). Кроме того, если из адресованных заявителям писем Европейского Суда изымаются какие-либо вложенные документы, это может лишить заявителей возможности получать информацию, необходимую для эффективного рассмотрения их жалоб (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Чайковский против Украины» (*Chaykovskiy v. Ukraine*), § 87).

275. Европейский Суд приходил к выводу, что обязанность не препятствовать осуществлению права на подачу индивидуальной жалобы не означает автоматически, что государство должно предоставлять заявителям копии всех документов или любого желаемого документа или обеспечивать им технические возможности, которые они выберут, позволяющие им самостоятельно снимать копии с этих документов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Корнаков против Латвии» (*Kornakovs v. Latvia*) 2006 года, §§ 171–174). Вместе с тем Европейский Суд отмечал также, что статья 34 Конвенции может возлагать на власти государства обязательство предоставлять копии документов заявителям, которые находятся в особенно уязвимом и зависимом положении и не могут получить необходимые им документы для того, чтобы приобщить их к материалам дела, без помощи государства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Найдён против Украины» (*Naydyon v. Ukraine*) 2010 года, § 63, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кано Мойя против Испании» (*Cano Moya v. Spain*), § 50). Кроме того, в некоторых случаях отказ администрации пенитенциарного учреждения обеспечить заявителя конвертами, почтовыми марками и писчей бумагой, необходимыми для переписки с Европейским Судом, может указывать на невыполнение властями государства-ответчика своего позитивного обязательства обеспечивать полноценное соблюдение права заявителя на уважение своей корреспонденции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Котлец против Румынии» (*Cotlet v. Romania*) 2003 года, §§ 60–65).

IX. СВОБОДА МЫСЛИ, СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ

«Статья 9 Конвенции

1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

276. Тот факт, что заключенные в целом продолжают пользоваться всеми основными правами и свободами, гарантированными Конвенцией, за исключением права на свободу в случае законного содержания под стражей, влечет особые последствия применительно к праву заключенных исповедовать свои религиозные убеждения. Так, отсутствие у заключенного возможности принимать участие в религиозных службах представляет собой вмешательство в осуществление им «свободы исповедовать свою религию или убеждения», предусмотренной статьей 9 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Полторацкий против Украины» (*Poltoratskiy v. Ukraine*) 2003 года, § 167, Постановление Европейского Суда по делу «Мороз против Украины» (*Moroz v. Ukraine*) 2017 года, § 105). В связи с этим Европейский Суд признавал важность поддержания дисциплины в местах лишения свободы, но подчеркивал, что формалистский подход, ограничивающий возможность исповедовать религиозные убеждения под предлогом поддержания дисциплины, является неприемлемым, в частности, в случаях, когда он явно пренебрегает особенностями положения заключенного и не принимает во внимание требование обеспечивать справедливое равновесие между противоречащими друг другу частными и публичными интересами (см. Постановление Европейского Суда по делу «Коростелев против Российской Федерации» (*Korostelev v. Russia*) 2020 года, § 59).

277. Вместе с тем Европейский Суд отмечал, что требования молиться, читать религиозную литературу и медитировать в присутствии других лиц является неудобством, избежать которого в местах лишения

ния свободы практически невозможно, но оно не противоречит самой сути свободы исповедовать свою религию (см. Решение Европейского Суда по делу «Ковальков против Латвии» (*Kovaļkovs v. Latvia*) 2012 года, § 67). Аналогичным образом лишение заключенного возможности пользоваться в ходе религиозных служб определенными предметами, которые не являются обязательными для того, чтобы он мог исповедовать свою религию, и могут помешать другим заключенным, является соразмерной реакцией на необходимость защиты прав и свобод других лиц по смыслу положений пункта 2 статьи 9 Конвенции (см. *ibid.*, § 68). Европейский Суд постановил, что, по общему правилу, статья 9 Конвенции не предоставляет заключенным ни права читать проповеди в том учреждении, где они содержатся, ни права исповедовать свою религию вне этого учреждения (см. Решение Европейского Суда по делу «J.L. против Финляндии» (*J.L. v. Finland*) 2000 года). Кроме того, статья 9 Конвенции не наделяет заключенного правом на то, чтобы его признали «политическим заключенным» или обращались с ним как с таковым (см. Постановление Европейского Суда по делу «Макфили и другие против Соединенного Королевства» (*McFeeley and Others v. United Kingdom*) 1980 года).

278. В прецедентной практике Европейского Суда вопрос о правах заключенных, гарантированных статьей 9 Конвенции, может возникнуть в следующих ситуациях⁴³:

- отсутствия у заключенных возможности встречаться со священником или пастором (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мозер против Республики Молдова и Российской Федерации» (*Mozer v. Republic of Moldova and Russia*) 2016 года, § 201);
- отказа компетентных органов власти разрешить заявителям, которые содержатся под стражей, принимать участие в религиозных празднествах, а также конфискации религиозной литературы и некоторых вещей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мороз против Украины» (*Moroz v. Ukraine*) 2017 года, §§ 104–109);
- отказа администрации пенитенциарного учреждения принять во внимание особые требования к рациону питания заключенного (см. Постановление Европейского Суда по делу «Якобский против Польши» (*Jakóbski v. Poland*) 2010 года, §§ 48–55)⁴⁴;
- привлечения заключенного к дисциплинарной ответственности за то, что он исповедовал свои религиозные убеждения

⁴³ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 9 Европейской конвенции по правам человека](#).

⁴⁴ См. главу «Питание» настоящего Руководства.

(см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Коростелев против Российской Федерации» (*Korostelev v. Russia*), § 50);

• наличия слишком строгих правил установления изменений в религиозной принадлежности заключенных и отсутствия координации между различными пенитенциарными учреждениями при регистрации фактических данных о религиозной принадлежности заключенных (см. Постановление Европейского Суда по делу «Саран против Румынии» (*Saran v. Romania*) 2020 года, Постановление Европейского Суда по делу «Неэгу против Румынии» (*Neagu v. Romania*)* 2020 года; см. в качестве примера другого подхода Решение Европейского Суда по делу «Мариш против Румынии» (*Mariş v. Romania*) 2020 года, в котором сведения о религиозной принадлежности заключенного по ошибке попали в его учетную карточку, но это никоим образом не затронуло его право исповедовать свои религиозные убеждения).

279. Указанные выше принципы, касающиеся прав заключенных, предусмотренных статьей 9 Конвенции, соответствующим образом применимы и в контекстах домашнего ареста (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шювегеш против Венгрии» (*Süveges v. Hungary*) 2016 года, §§ 151–157) и ограничения свободы иммигрантов (см. Постановление Европейского Суда по делу «С.Д. и другие против Греции» (*C.D. and Others v. Greece*) 2013 года, §§ 78–79).

280. В этом отношении следует также отметить, что в деле, в котором человек против своей воли содержался в тюремной больнице и на него оказывалось давление с целью «исправить» его убеждения и занятия, Европейский Суд установил нарушение статьи 9 Конвенции. При этом он ссылаясь на принципы, согласно которым свобода исповедовать свои религиозные убеждения включает в себя и негативный аспект, то есть право человека на то, чтобы от него не требовали сообщать о своей вере или религиозных убеждениях и не вынуждали его высказывать позицию, из которой можно было бы понять, разделяет он эти убеждения или нет. Следовательно, власти не вправе вмешиваться в сферу свободы совести человека и пытаться выяснить его религиозные убеждения или обязать его сообщить о своих убеждениях. Кроме того, Европейский Суд подчеркивал первоочередную важность права на свободу мысли, совести и религии и то, что государство не может диктовать человеку, во что ему верить, и принимать меры для того, чтобы насильно заставить его изменить свои убеждения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мокутэ против Литвы» (*Mockutė v. Lithuania*) 2018 года, §§ 119 и 121–131).

Х. ПРАВО НА СВОБОДУ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ

«Статья 10 Конвенции»

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

281. Согласно прецедентной практике Европейского Суда право на свободу выражения мнения не перестает действовать за воротами тюрьмы. Человек, безусловно, не утрачивает права на свободу выражения мнения, предусмотренного статьей 10 Конвенции, только в силу наличия у него статуса заключенного. Заключенные продолжают пользоваться правом на свободу выражения мнения несмотря на то, что они содержатся под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Янков против Болгарии» (*Yankov v. Bulgaria*) 2003 года, § 126, Решение Европейского Суда по делу «Дональдсон против Соединенного Королевства» (*Donaldson v. United Kingdom*) 2011 года, §§ 18–19). Так, например, Европейский Суд устанавливал, что отказ администрации пенитенциарного учреждения выдать заключенным конкретные номера газеты представлял собой вмешательство в осуществление заявителями права получать информацию и идеи, предусмотренного статьей 10 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Месут Юртсевер и другие против Турции» (*Mesut Yurtsever and Others v. Turkey*) 2015 года, § 102; в отношении статьи 8 Конвенции см. Постановление Европейского Суда по делу «Миргадиров против Азербайджана и Турции» (*Mirgadirov v. Azerbaijan and Turkey*) 2020 года, § 115).

282. Таким образом, любые ограничения права на свободу выражения мнения заключенного должны быть обоснованны по смыслу положений пункта 2 статьи 10 Конвенции, хотя таким обоснованием вполне могут служить соображения безопасности, в частности необходимость предотвращения преступлений и беспорядков, которые неизбежно вытекают из обстоятельств, связанных с лишением свободы (см. *ibid.*). Принцип соразмерности требует наличия явной и достаточной связи между этой санкцией, поведением человека и обстоятельствами, в которых он оказался. В этом контексте независимый суд, рассматривающий дело на основе принципа состязательности, должен обеспечивать надежные гарантии недопущения произвола. В любом случае оправдание вмешательства в осуществление заключенным права на свободу выражения мнения не может опираться исключительно на то, что оскорбляет общественное мнение (см. Решение Европейского Суда по делу «Нильсен против Соединенного Королевства» (*Nilsen v. United Kingdom*) 2008 года, §§ 49–50).

283. Кроме того, определенный контроль за общением заключенных с внешним миром является частью обычных и разумных требований, вытекающих из лишения свободы, и в принципе не является несовместимым со статьей 10 Конвенции (см. *ibid.*, § 51)⁴⁵.

284. В упомянутом выше Постановлении по делу «Янков против Болгарии» (*Yankov v. Bulgaria*), §§ 130–145, Европейский Суд счел наказание в виде содержания заключенного в штрафном изоляторе в течение семи дней за то, что в своем личном дневнике он сделал умеренно оскорбительные замечания в адрес судебной и пенитенциарной систем, вмешательством в осуществление им права на свободу выражения мнения. Европейский Суд счел недопустимым, что утверждения фактического характера в дневнике заявителя послужили поводом для его привлечения к дисциплинарной ответственности. Он подчеркнул, что власти должны были проявить сдержанность в своей реакции, и, в частности, пришел к выводу, что заявитель никогда не делился своими наблюдениями с другими заключенными, а непосредственная опасность предания его дневника огласке отсутствовала, даже если бы его удалось вынести из тюрьмы, поскольку он велся в форме, не готовой для опубликования. В целом Европейский Суд решил, что в этом деле не было соблюдено справедливого равновесия между правом на свободу выражения мнения заявителя, с одной стороны, и правомерной целью защиты репутации гражданских государственных служащих и поддержания авторитета судебной власти, с другой стороны, и что это привело к нарушению права заявите-

⁴⁵ См. главу «Защита различных каналов связи» настоящего Руководства.

ля, предусмотренного статьей 10 Конвенции (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Скалка против Польши» (*Skałka v. Poland*) 2003 года относительно оскорбительных замечаний, сделанных заключенным в адрес судьи в письме председателю суда).

285. Напротив, в Постановлении по делу «Нильсен против Соединенного Королевства» (*Nilsen v. United Kingdom*) 2008 года, §§ 51–58, Европейский Суд пришел к выводу, что конфискация автобиографического дневника, графически описывающего совершенные заключенным преступления, была оправдана в целях охраны здоровья или нравственности и защиты репутации или прав других лиц по смыслу положений статьи 10 Конвенции. В связи с этим Европейский Суд обратил особое внимание на тот факт, как это повлияло на семьи жертв преступлений и на них самих. По мнению Европейского Суда, желание преступника, который убивал и калечил своих жертв, опубликовать для собственного удовольствия свое видение обстоятельств совершенных им преступлений являлось посягательством на человеческое достоинство — одну из основных ценностей, лежащих в основе Конвенции. Кроме того, как подчеркнул Европейский Суд, если говорить о негодовании общественности, то есть существенное различие между человеком, который совершил ужасные, вопиющие и тяжкие преступления и публикует собственное подробное автобиографическое описание обстоятельств их совершения, и третьим лицом, пишущим об этих преступлениях и о том, кто их совершил. Поэтому общеизвестности обстоятельств убийств, о которых шла речь в деле, было недостаточно для того, чтобы просьбу заявителя разрешить ему опубликовать свой дневник можно было бы считать оправданной.

286. Аналогичным образом в Постановлении по делу «Бидар против Франции» (*Bidart v. France*) 2015 года, §§ 39–47, в котором условно-досрочное освобождение заключенного было отчасти обусловлено тем, что он был обязан не распространять работы или аудиовизуальные произведения, автором или соавтором которых он являлся, полностью или частично касающиеся террористических актов, в связи с которыми ему был вынесен обвинительный приговор, Европейский Суд постановил, что по делу не было допущено необоснованного вмешательства в осуществление им права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции. В частности, Европейский Суд принял во внимание права потерпевших и неоднозначные обстоятельства террористических актов, в связи с которыми заявителю был вынесен обвинительный приговор. Кроме того, он особо отметил, что вмешательство в осуществление данного права подлежало судебному контролю.

287. В упомянутом выше Решении по делу «Дональдсон против Соединенного Королевства» (*Donaldson v. United Kingdom*), §§ 20–33, Европейский Суд согласился с тем, что запрет наносить на свою одежду определенные символы (белую лилию) являлся вмешательством в осуществление заключенным права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции. Однако, по мнению Европейского Суда, это вмешательство явно преследовало правомерные цели, которые заключались в предотвращении беспорядков и преступлений и в защите прав других лиц. Что касается соразмерности этой меры, Европейский Суд подчеркнул, что при определении того, какие символы потенциально могут обострить существующие противоречия, государства пользуются широкой свободой усмотрения, поскольку культурные и политические символы многозначны и полностью понять их могут только те, кто знает историю их появления. Белая лилия считается символом, неразрывно связанным с конфликтом в обществе, так как ее носят в память о республиканцах, убитых в Северной Ирландии. Соответственно, она является одним из многих символов, считающихся неуместными на рабочем месте и в зонах общего пользования в тюрьмах Северной Ирландии в связи с тем, что этот символ могут счесть оскорбительным. Если носить его открыто, он может спровоцировать вспышки насилия и беспорядки. В случае заявителя обжалуемое им вмешательство было сравнительно небольшим, поскольку оно относилось только к отбывающим наказание заключенным, находящимся вне своих камер, и в обстоятельствах дела оно было соразмерно правомерной цели предотвращения беспорядков. С учетом изложенного Европейский Суд признал жалобу заявителя неприемлемой для рассмотрения по существу в связи с ее явной необоснованностью.

XI. ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ К ТРУДУ

«Статья 4 Конвенции

...

2. Никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду.

3. Для целей настоящей статьи термин “принудительный или обязательный труд” не включает в себя:

а) всякую работу, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении согласно положениям статьи 5 настоящей Конвенции или условно освобожденное от такого заключения...».

288. В своей прецедентной практике Европейский Суд отмечал, что работа в тюрьме во многих отношениях отличается от работы, выполняющейся обычными работниками. Она прежде всего преследует цель исправления человека и его реинтеграцию в общество. Режим рабочего времени, вознаграждение и использование части этого вознаграждения в качестве взноса на содержание пенитенциарного учреждения отражают особенности контекста, связанного с лишением свободы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штуммер против Австрии» ([Stummer v. Austria](#)) 2011 года, § 93). Кроме того, поскольку власти несут ответственность за благополучие заключенных, при выполнении работы в условиях лишения свободы требуется принимать необходимые меры предосторожности для обеспечения безопасности (см. Постановление Европейского Суда по делу «Горгиев против Македонии» ([Gorgiev v. the former Yugoslav Republic of Macedonia](#)) 2012 года, § 68).

289. Если говорить о работе, к выполнению которой могут привлекаться заключенные, от Европейского Суда в одном из его ранних постановлений, касающихся статьи 4 Конвенции⁴⁶, требовалось рассмотреть работу, к выполнению которой был привлечен заключенный-рецидивист, при том что он мог выйти на свободу лишь при условии накопления им определенной денежной суммы. Признав, что работа, о которой шла речь в деле, являлась обязательной, Европейский Суд не усмотрел нарушения статьи 4 Конвенции, поскольку требования подпункта «а» пункта 3 статьи 4 Конвенции были соблю-

⁴⁶ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 4 Европейской конвенции по правам человека](#).

дены. По мнению Европейского Суда, требуемая работа «не выходила за рамки того, что в данном контексте являлось “обычным”, так как она была рассчитана на оказание ему помощи в реинтеграции в общество и основана на правовых нормах, имеющих аналоги в некоторых других государствах – членах Совета Европы» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ван Дроогенброек против Бельгии» (*Van Droogenbroeck v. Belgium*) 1982 года, § 59).

290. По поводу вознаграждения и социального обеспечения заключенных Европейский Суд в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты по делу «Штуммер против Австрии» (*Stummer v. Austria*), § 122, сослался на Решение Европейской комиссии по делу «Двадцать один задержанный против Германии» (*Twenty-One Detained Persons v. Germany*) 1968 года, в котором заявители со ссылкой на статью 4 Конвенции жаловались на то, что им отказались выплачивать нормальное вознаграждение за работу, которую они вынуждены были выполнять, находясь под стражей, и что в связи с выполненной ими работой администрация пенитенциарного учреждения не делала за них отчислений в систему социального страхования. Комиссия признала их жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу в связи с ее явной необоснованностью. Она отметила, что статья 4 Конвенции не содержит положений, касающихся выплаты заключенным вознаграждения за выполняемую ими работу. Кроме того, она сослалась на свою последовательную прецедентную практику признания жалоб, подаваемых заключенными, которые требовали оплачивать их работу в более высоком размере или отстаивали право на участие в системах социального страхования, неприемлемыми для рассмотрения по существу.

291. От Европейского Суда потребовалось рассмотреть аналогичную жалобу под несколько другим углом зрения в деле «Пузинас против Литвы» (Решение Европейского Суда по делу «Пузинас против Литвы» (*Puzinas v. Lithuania*) 2005 года). Заявитель со ссылкой на статьи 4 и 14 Конвенции и статью 1 Протокола № 1 к Конвенции жаловался в Европейский Суд на несовершенство законодательства Литвы о социальном обеспечении, которое не разрешало заключенным претендовать на пенсию или любые другие социальные выплаты в связи с работой, к которой они привлекались во время содержания под стражей. Европейский Суд рассмотрел эту жалобу прежде всего с точки зрения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, отметив, что по делу не оспаривалось отсутствие у заявителя права на получение пенсии или социальных выплат согласно соответствующим нормам законодательства Литвы. Европейский Суд пришел к выводу, что в силу этого у заявителя не было имущества по смыслу положений ста-

ть 1 Протокола № 1 к Конвенции в отношении права на получение пенсии в будущем или ее размера, и признал жалобу на нарушение этой статьи, а также других статей Конвенции, на которые ссылался заявитель, неприемлемой для рассмотрения по существу в связи с ее несовместимостью *ratione materiae* с положениями Конвенции.

292. В упомянутом выше Постановлении Большой Палаты по делу «Штуммер против Австрии» (*Stummer v. Austria*), §§ 124–134, где заявитель утверждал, что европейские стандарты изменились настолько, что работу во время содержания под стражей, не охватываемую системой обеспечения пенсий по старости, уже нельзя считать работой, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении, Европейский Суд указал, что такая работа не является «принудительным или обязательным трудом» по смыслу положений статьи 4 Конвенции. Он отметил, что законодательство Австрии отражает развитие европейского права в том смысле, что всем заключенным обеспечиваются медицинское страхование и страхование от несчастных случаев, а работающие заключенные участвуют в системе страхования на случай потери работы, но не в системе обеспечения пенсий по старости. Однако по вопросу о том, должны ли работающие заключенные участвовать в системе обеспечения пенсий по старости, не достигнут достаточный консенсус. По мнению Европейского Суда, хотя Европейские пенитенциарные правила 2006 года и отражают складывающуюся тенденцию, нельзя считать, что они возлагают на государства обязательство согласно Конвенции. Европейский Суд не усмотрел в данном деле оснований для толкования статьи 4 Конвенции в соответствии с предложениями заявителя и пришел к выводу, что обязательную работу, которую тот должен был выполнять как заключенный, не участвуя при этом в системе обеспечения пенсий по старости, нужно считать «работой, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении» по смыслу положений подпункта «а» пункта 3 статьи 4 Конвенции.

293. Аналогичным образом в Постановлении по делу «Мейер против Швейцарии» (*Meier v. Switzerland*) 2016 года, §§ 68–80, Европейский Суд пришел к выводу, что обязанность заключенного работать в тюрьме по достижении пенсионного возраста представляла собой не «принудительный или обязательный труд», а «работу, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении» по смыслу положений подпункта «а» пункта 3 статьи 4 Конвенции. Как подчеркнул Европейский Суд, нельзя считать, что обязанность заключенного продолжать работать даже по достижении пенсионного возраста соответствует цели минимизации вредных последствий лишения свободы. Уместный и разумный труд может помочь упорядочить

повседневную жизнь и продолжить заниматься полезной деятельностью, а эти цели важны для благополучия заключенного, осужденного к лишению свободы на длительный срок. В рассматриваемом деле, если говорить о характере работы, к которой привлекались заключенные, достигшие пенсионного возраста, законодательство Швейцарии предусматривало освобождение от работы определенных категорий заключенных в зависимости от их пригодности к этой работе и состояния их здоровья. Работа, порученная заявителю, по-видимому, соответствовала этим принципам, поскольку от него требовалось принимать участие только в работе под присмотром, в том числе в раскрашивании мандал, уборке своей камеры и вырезании фигурок из дерева. С точки зрения Европейского Суда, подобная работа полностью соответствовала возрасту и физическим возможностям заявителя. Кроме того, он работал всего лишь около трех часов в день, входил в «группу иждивенцев и пенсионеров» и получал оплату за свой труд. Европейский Суд также обратил внимание на отсутствие явного консенсуса между государствами-участниками по вопросу о том, нужно ли требовать от заключенных работать по достижении ими пенсионного возраста, а это означает, что власти государства-ответчика пользуются широкой свободой усмотрения в указанной области. Кроме того, по мнению Суда, Европейские пенитенциарные правила необязательно следует толковать в том смысле, чтобы они полностью запрещали государствам-участникам привлекать к труду заключенных, достигших пенсионного возраста.

ХII. ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕННЫМ ИМУЩЕСТВО

«Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции

Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

294. Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции гарантирует, по сути, право собственности. Любое вмешательство в осуществление этого права должно соответствовать принципу законности и преследовать правомерную цель с использованием средств, разумно соразмерных той цели, которую планируется достичь⁴⁷.

295. В контексте вмешательства в осуществление заключенными права беспрепятственно распоряжаться своим имуществом, в том числе своими заработками и сбережениями, Европейский Суд подчеркивал, что в вопросах, связанных со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, государства пользуются широкой свободой усмотрения, когда речь идет об экономических или о социальных стратегических мерах общего характера (см. Постановление Европейского Суда по делу «Михал Коргул против Польши» (*Michał Korgul v. Poland*) 2017 года, § 54). Так, например, он признавал, что требование, согласно которому заключенные должны были направлять половину своих денег на погашение своей задолженности перед государством, не являлось несоразмерным преследуемой цели (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ладуна против Словакии» (*Laduna v. Slovakia*) 2011 года, §§ 82–86).

296. Кроме того, как отмечал Европейский Суд, власти государства-ответчика нельзя упрекать в том, что они требовали вносить

⁴⁷ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции по правам человека](#).

ограниченную сумму денег в сберегательный фонд, средства из которого были выплачены заявителю при освобождении. В своем анализе Европейский Суд учитывал правомерность использования государством таких механизмов, которые оно считает наиболее подходящими для реинтеграции заключенных в общество после их освобождения, в том числе накопление определенной денежной суммы, которая будет им выплачена (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Михал Коргул против Польши» (*Michał Korgul v. Poland*), §§ 54–55). Напротив, в Постановлении по делу «Семашко и Ольшинский против Польши» (*Siemaszko and Olszyński v. Poland*) 2016 года, §§ 85–92), в котором заключенные были обязаны перечислять средства на сберегательный счет с более низкой процентной ставкой, чем та, которая предлагалась на открытом рынке, Европейский Суд констатировал нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

297. Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции обязывает органы власти принимать надлежащие меры по обеспечению сохранности предметов, которые были временно конфискованы у содержащихся под стражей лиц. В Постановлении Европейского Суда по делу «Тендам против Испании» (*Tendam v. Spain*) 2010 года, §§ 50–57, заявитель, освободившись, подал иск к государству в связи с повреждением или исчезновением предметов, изъятых у него в ходе расследования его уголовного дела. Однако власти государства-ответчика оставили его требования без удовлетворения, сочтя исчезновение или повреждение изъятых предметов недоказанным. При таких обстоятельствах Европейский Суд пришел к выводу, что бремя доказывания по вопросам, связанным с утерянными или поврежденными предметами, лежит на судебных органах, которые были обязаны хранить их на протяжении всего периода с момента их изъятия, а не на заявителе, которому был вынесен оправдательный приговор более чем через семь лет после изъятия этих предметов. Поскольку после вынесения заявителю оправдательного приговора судебные органы не смогли объяснить причины исчезновения и повреждения изъятых вещей, они несли ответственность за любые убытки, причиненные в результате их изъятия. При рассмотрении требований заявителя суды Испании не приняли во внимание ответственность судебных органов и не предоставили заявителю возможности добиваться компенсации причиненного ущерба. Оставив его требования о компенсации без удовлетворения, они заставили заявителя нести несоразмерное и чрезмерное бремя в нарушение требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

ХИИ. ОБРАЗОВАНИЕ

«Статья 2 Протокола № 1 к Конвенции»

Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при выполнении любых обязанностей, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать детям такое образование и обучение в соответствии с собственными религиозными и философскими убеждениями».

298. Европейский Суд заявлял, что ему известно о рекомендациях Комитета министров Совета Европы, согласно которым возможность получить образование нужно предоставлять всем заключенным⁴⁸, однако статья 2 Протокола № 1 к Конвенции не предусматривает обязательства государств-участников обеспечивать заключенным возможности для получения образования, если эти возможности уже не предусмотрены. В то же время, когда власти отказывают заключенному в доступе к уже существующим образовательным учреждениям, возникает вопрос о соблюдении статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции. Любое такое ограничение должно быть предсказуемым, преследовать правомерную цель и быть соразмерным этой цели⁴⁹. Несмотря на то, что статья 2 Протокола № 1 к Конвенции не предусматривает позитивного обязательства обеспечивать образование в пенитенциарных учреждениях во всех обстоятельствах, когда существует данная возможность, она не должна подлежать произвольным и неразумным ограничениям (см. Постановление Европейского Суда по делу «Вельо Велев против Болгарии» (*Velyo Velev v. Bulgaria*) 2014 года, § 34, Решение Европейского Суда по делу «Узун против Турции» (*Uzun v. Turkey*) 2020 года, §§ 25–34). Вместе с тем если заключенный бросил учебу или не подал полноценного ходатайства о получении образования, он не может жаловаться на ограничения своего права на образование (см. Постановление Европейского Суда по делу «Матиошайтис и другие против Литвы» (*Matiošaitis and Others v. Lithuania*) 2017 года, § 194, Постановление Европейского Суда по делу «Куре-

⁴⁸ См.: Рекомендации Комитета министров государствам-участникам № (89)12 «Об образовании в пенитенциарных учреждениях», № Rec(2006)2 «О Европейских пенитенциарных правилах».

⁴⁹ См. подробнее: Руководство по применению статьи 2 Протокола № 1 к Европейской конвенции по правам человека.

ас и другие против Греции» (*Koureas and Others v. Greece*) 2018 года, §§ 96–99).

299. В упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Вельо Велев против Болгарии» (*Velyo Velev v. Bulgaria*) 2014 года, §§ 34–42, касавшемся ходатайства обвиняемого, содержащегося в следственном изоляторе, разрешить ему пользоваться услугами существующего образовательного учреждения для лишенных свободы лиц, которое было отклонено на основании того, что этими услугами могли пользоваться только заключенные, отбывающие наказание по приговору суда, власти государства-ответчика сослались на три различных основания для оправдания отказа разрешить заявителю посещать школу. По поводу их первого довода о том, что заявителю нецелесообразно посещать школу вместе с осужденными, Европейский Суд отметил, что заявитель не возражал против этого и что в деле не было доказательств, свидетельствующих о том, что обвиняемым, содержащимся в следственном изоляторе, будет причинен какой-либо вред, если они будут посещать школу вместе с осужденными. Европейский Суд также не счел неопределенность срока предварительного содержания под стражей надлежащим основанием для запрета посещать образовательные учреждения. Наконец, относительно третьего довода властей государства-ответчика, согласно которому заявитель мог быть осужден за повторное совершение преступления, а значит, если вместе с ним школу будут посещать заключенные, совершившие преступление впервые, это не будет отвечать их интересам, Европейский Суд напомнил, что заявитель имел право на презумпцию невиновности, а значит, его нельзя считать рецидивистом. С учетом этих соображений и признав несомненную заинтересованность заявителя в получении полного среднего образования, Европейский Суд постановил, что отказ зачислить заявителя в школу для лишенных свободы лиц не являлся в достаточной степени предсказуемым, не преследовал правомерной цели и не был соразмерен этой цели.

300. В Постановлении по делу «Мехмет Решит Арслан и Орхан Бингёл против Турции» (*Mehmet Reşit Arslan and Orhan Bingöl v. Turkey*) 2019 года, §§ 51–53, Европейский Суд рассмотрел ситуацию, когда двое заключенных, отбывающих наказание, обратились к администрации исправительного учреждения с ходатайством об использовании аудиовизуальных материалов, компьютеров и электронных устройств для того, чтобы подготовиться к поступлению в университет и получить высшее образование. Законодательство Турции разрешало осужденным продолжать обучение в тюрьме, если для этого были необходимые ресурсы. Кроме того, оно разрешало заключенным под наблюдением пользоваться аудиовизуальными средства-

ми обучения и компьютерами с доступом в Интернет в помещениях, специально выделенных для этой цели администрацией пенитенциарного учреждения, в рамках программ исправления или учебных курсов. Эта возможность представляла собой необходимое материальное средство, позволяющее обеспечить полноценное пользование правом на образование, поскольку оно предоставляло заключенным возможность подготовиться к вступительным экзаменам в высшие учебные заведения и давало им потенциальные шансы продолжать обучение. При таких обстоятельствах Европейский Суд решил, что поданное заявителем ходатайство подпадает под действие статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции.

301. По существу дела Европейский Суд постановил, что способ регулирования использования аудиовизуальных средств обучения, компьютеров и Интернета охватывается свободой усмотрения государства-участника. У пенитенциарных учреждений в данном деле имелись средства, позволяющие обеспечить заключенным предусмотренные законом возможности. Кроме того, при рассмотрении дела органами власти Турции и Европейским Судом не приводилось каких-либо конкретных оснований, связанных с отсутствием у соответствующих пенитенциарных учреждений ресурсов, а власти Турции не провели надлежащего анализа всех интересов, о которых шла речь в деле, и не обосновали ограничения возможности заявителей пользоваться указанными электронными материалами (см. *ibid.*, §§ 60–72).

XIV. АКТИВНОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

«Статья 3 Протокола № 1 к Конвенции

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются проводить с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования в таких условиях, которые обеспечат свободное волеизъявление народа при выборе законодательной власти».

302. Статья 3 Протокола № 1 к Конвенции гарантирует субъективные права, в том числе активное и пассивное избирательное право. Права, которые обеспечиваются этой статьей, принципиально важны для установления и поддержания основ эффективной и подлинной демократии, основанной на идее верховенства права. Активное избирательное право — это не привилегия. Демократическое государство должно стремиться наделять избирательными правами максимально широкие слои населения и признавать всеобщее избирательное право основным принципом (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хёрст против Соединенного Королевства (№ 2)» ([Hirst v. United Kingdom](#)) (№ 2) 2005 года, §§ 57–58, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоппола против Италии (№ 3)» ([Scoppola v. Italy](#)) (№ 3) 2012 года, § 82).

303. Тем не менее права, предусмотренные статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции, не являются абсолютными. Они могут подлежать косвенным ограничениям, и государствам-участникам предоставляется в этой сфере широкие пределы усмотрения. Однако окончательное решение по вопросу о соблюдении требований статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции должен принимать Европейский Суд, который обязан убедиться в том, что предусмотренные условия не ограничивают указанные права в такой степени, чтобы затронуть саму их суть и лишить их эффективности, что они применяются для достижения правомерной цели и что используемые при этом средства не являются несоразмерными (см. Постановление Европейского Суда по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» ([Anchugov and Gladkov v. Russia](#)) 2013 года, §§ 95–96)⁵⁰.

304. Во многих делах Европейский Суд уже рассматривал вопрос о лишении избирательных прав заключенных, отбывающих наказание по приговору суда. Так, в упомянутом выше Постановлении

⁵⁰ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 3 Протокола № 1 к Европейской конвенции по правам человека](#).

по делу «Хёрст против Соединенного Королевства (№ 2)» (*Hirst v. United Kingdom*) (№ 2), §§ 70–71, Европейский Суд отметил, что в предусмотренной Конвенцией системе защиты прав человека, где толерантность и благожелательное отношение к самым разным суждениям и взглядам являются признанными чертами демократического общества, невозможно автоматическое лишение избирательных прав исключительно на основании того, что они могут оскорбить общественное мнение. По мнению Европейского Суда, этот стандарт толерантности не запрещает демократическому обществу принимать меры по защите от действий, направленных на разрушение предусмотренных Конвенцией прав и свобод. Таким образом, статья 3 Протокола № 1 к Конвенции, дающая человеку право оказывать влияние на состав органов законодательной власти, не исключает возможности ограничения избирательных прав человека, который, например, серьезно злоупотребил своими полномочиями на государственной должности, или человека, действия которого могут подорвать верховенство права или основы демократии. Такая суровая мера, как лишение избирательных прав, не должна, тем не менее, применяться необдуманно, а принцип соразмерности требует наличия явной и достаточной связи между этой санкцией, поведением человека и обстоятельствами, в которых он оказался.

305. Кроме того, Европейский Суд приходил к выводу, что, поскольку государства-участники выработали много разных способов решения этой проблемы, он должен ограничиться определением того, не выходит ли ограничение, которое затрагивает всех заключенных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, за рамки допустимого поведения государства, оставляя вопросы выбора средств обеспечения прав, которые гарантирует статья 3 Протокола № 1 к Конвенции, на усмотрение органов законодательной власти (см. *ibid.*, § 84, Постановление Европейского Суда по делу «Гринс и М.Т. против Соединенного Королевства» (*Greens and M.T. v. United Kingdom*) 2010 года, §§ 113–114).

306. Рассматривая конкретные обстоятельства упомянутого выше дела «Хёрст против Соединенного Королевства (№ 2)» (*Hirst v. United Kingdom*) (№ 2), §§ 76–85, Европейский Суд счел, что законодательство Соединенного Королевства, лишаящее избирательного права всех заключенных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, является грубым инструментом, который лишает конвенционного права голосовать на выборах значительную категорию лиц, не проводя между ними каких-либо различий. Он отметил, что эта норма предусматривает безоговорочное ограничение, действующее по отношению ко всем заключенным, отбывающим наказание в виде

лишения свободы. Она автоматически применяется ко всем таким заключенным вне зависимости от срока назначенного им наказания, характера или степени тяжести совершенных ими преступлений и обстоятельств, в которых каждый из них оказался. Европейский Суд также обратил внимание на то, что в Парламенте Соединенного Королевства не обсуждался по существу вопрос о том, оправданно ли сохранение столь общего ограничения активного избирательного права заключенных с точки зрения современной уголовной политики и действующих стандартов защиты прав человека. В итоге Европейский Суд постановил, что такое общее, автоматическое и безоговорочное ограничение чрезвычайно важного конвенционного права следует считать выходящим за рамки любой допустимой свободы усмотрения государства, какой бы широкой она ни была, и несовместимым со статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции.

307. Принципы, сформулированные в указанном выше деле «Хёрст против Соединенного Королевства (№ 2)» ([Hirst v. United Kingdom](#)) (№ 2), были впоследствии еще раз подтверждены в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоппола против Италии (№ 3)» ([Scoppola v. Italy](#)) (№ 3) 2012 года, §§ 81–87. Однако в конкретных обстоятельствах последнего дела Европейский Суд не усмотрел нарушения Конвенции. Он отметил, что согласно законодательству Италии лишение избирательных прав применяется только в связи с совершением определенных преступлений против государства или судебной системы и преступлений, карающихся лишением свободы на срок не менее трех лет, то есть преступлений, которые, по мнению внутригосударственных судов, требуют назначать особенно суровое наказание. Поэтому Европейский Суд пришел к выводу, что положения законодательства Италии, определяющие условия, при которых людей можно лишать права голосовать, указывали на стремление законодателя адаптировать применение этой меры к конкретным обстоятельствам каждого дела с учетом таких факторов, как степень тяжести совершенного преступления и поведение преступника. В результате нельзя было сказать, что принятая в Италии система имела общий и автоматический характер и не предусматривала каких-либо различий, а значит, власти государства-ответчика не вышли за рамки свободы усмотрения, которая им предоставлена в этой области (см. *ibid.*, §§ 106–110).

308. Кроме того, принципы, сформулированные в упомянутом выше деле «Хёрст против Соединенного Королевства (№ 2)» ([Hirst v. United Kingdom](#)) (№ 2), были подтверждены в ряде других дел по жалобам против различных государств-ответчиков (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Кулинский и Сабев про-

тив Болгарии» (*Kulinski and Sabev v. Bulgaria*) 2016 года, §§ 36–42). В частности, в Постановлении по делу «Фродль против Австрии» (*Frodl v. Austria*) 2010 года, §§ 27–36, Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции в связи с лишением избирательных прав заключенных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на срок более одного года за совершение умышленных преступлений. В Постановлении по делу «Сёйлер против Турции» (*Söyler v. Turkey*) 2013 года, §§ 32–47, Европейский Суд тоже констатировал нарушение этой статьи в связи с серьезными последствиями запрета голосовать, который относился не только к заключенным, но и к лицам, условно-досрочно освобожденным от отбывания наказания, а также к лицам, которым наказание было назначено условно и которые даже не отбывали его в исправительных учреждениях (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Мурат Вурал против Турции» (*Murat Vural v. Turkey*) 2014 года, §§ 76–80).

309. В Постановлении по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» (*Anchugov and Gladkov v. Russia*) 2013 года, §§ 101–112, Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции на основании того, что заявители были лишены права голосовать на парламентских выборах независимо от срока назначенного им наказания, характера или степени тяжести совершенных ими преступлений и их личных обстоятельств. Однако, поскольку этот запрет был предусмотрен Конституцией Российской Федерации, Европейский Суд, говоря об исполнении данного Постановления и о сложностях, связанных с внесением в Конституцию изменений, подчеркнул, что у властей Российской Федерации есть возможность изучить все возможные способы обеспечить соблюдение требований Конвенции, в том числе путем политической деятельности в какой-либо форме или толкования Конституции Российской Федерации таким образом, чтобы она соответствовала положениям Конвенции.

ХV. ЗАПРЕЩЕНИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ

«Статья 14 Конвенции

Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

310. В своей прецедентной практике Европейский Суд рассматривал различные жалобы заключенных на предполагаемую дискриминацию в связи с конкретными условиями их содержания под стражей или иными аспектами лишения свободы, которые привели к тому, что с ними обращались иначе, чем с иными категориями заключенных.

311. Например, в Постановлении Большой Палаты по делу «Кафкарис против Кипра» (*Kafkaris v. Cyprus*) 2008 года, §§ 162–166, где заявитель со ссылкой на статью 14 Конвенции во взаимосвязи со статьями 3, 5 и 7 Конвенции жаловался на то, что он подвергся дискриминации по сравнению с другими осужденными к пожизненному лишению свободы, которые были помилованы президентом страны и на этом основании освобождены из-под стражи, Европейский Суд не усмотрел нарушения статьи 14 Конвенции. В частности, он подчеркнул, что с учетом широкого диапазона факторов, которые принимаются во внимание президентом при осуществлении права на помилование, в частности характера совершенного преступления и доверия общества к системе уголовного правосудия, нельзя считать, что осуществление этого права дало основания предполагать нарушение статьи 14 Конвенции. Что касается предполагаемой дискриминации заявителя как лица, осужденного к пожизненному лишению свободы, по сравнению с другими заключенными, Европейский Суд пришел к выводу, что с учетом характера пожизненного лишения свободы заявитель не мог считать себя находящимся в аналогичном или в существенно схожем положении по сравнению с другими заключенными, не отбывающими наказания в виде пожизненного лишения свободы.

312. В Постановлении по делу «Клифт против Соединенного Королевства» (*Clift v. United Kingdom*) 2010 года, §§ 73–79, Европей-

ский Суд рассматривал вопрос о предполагаемой дискриминации в связи с различиями в процессуальных требованиях к досрочному освобождению в зависимости от срока назначенного наказания. В частности, заявитель, отбывавший наказание в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет, для досрочного освобождения должен был получить дополнительное разрешение компетентного государственного органа, которое не требовалось получать тем, кто отбывал наказание в виде лишения свободы на срок менее 15 лет. Европейский Суд отметил, что в случаях, когда система досрочного освобождения применяется к заключенным по-разному в зависимости от срока назначенного им наказания, возникает опасность того, что без объективного обоснования это вступит в противоречие с необходимостью обеспечивать защиту от произвольного содержания под стражей согласно статье 5 Конвенции. Соответственно, ситуация заявителя подпадала под определение «иных признаков» для целей применения статьи 14 Конвенции. Кроме того, Европейский Суд установил, что с точки зрения досрочного освобождения заявитель мог считать себя находящимся в том же положении, что и заключенные, отбывающие наказание в виде лишения свободы на длительный срок, не превышающий 15 лет, и осужденные к пожизненному лишению свободы. Наконец, Европейский Суд счел, что обжалуемое различие в обращении не имело под собой объективных оснований, поскольку власти государства-ответчика не доказали, каким образом дополнительное разрешение, которое должны были получать определенные категории заключенных, решало проблемы, связанные с предположительно более высокой опасностью некоторых заключенных после их освобождения.

313. В Постановлении по делу «Хамтоху и Аксенчик против Российской Федерации» (*Khamtokhu and Aksenchik v. Russia*) 2017 года, §§ 69–88, касавшемся предположительно дискриминационного характера положений о назначении наказания в виде пожизненного лишения свободы, возникли вопросы, затронутые в обоих упомянутых выше делах – «Кафкарис против Кипра» (*Kafkaris v. Cyprus*) и «Клифт против Соединенного Королевства» (*Clift v. United Kingdom*). В частности, оба заявителя – взрослые заключенные мужского пола, отбывающие наказание в виде пожизненного лишения свободы, – со ссылкой на статью 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 5 Конвенции жаловались на дискриминацию по сравнению с другими категориями осужденных, которым в силу закона не могло быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, в частности женщинам, лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, и лицам, достигшим к моменту вынесения приговора 65 лет.

314. Рассматривая данный вопрос, Европейский Суд прежде всего отметил, что в ситуации, когда внутригосударственное законодательство запрещает назначать определенным категориям осужденных наказание в виде пожизненного лишения свободы, этот запрет подпадает под действие пункта 1 статьи 5 Конвенции для целей применения статьи 14 Конвенции во взаимосвязи с первым из указанных положений Конвенции. Европейский Суд также установил, что имело место различие в обращении между заявителями и другими категориями заключенных по признаку пола и возраста. Что касается этого различия в обращении применительно к заявителям и несовершеннолетним правонарушителям, Европейский Суд счел, что запрет назначать несовершеннолетним правонарушителям наказание в виде пожизненного лишения свободы согласуется с подходом, общим для правовых систем всех государств-участников, а также с международными стандартами. Говоря о преступниках старше 65 лет, Европейский Суд указал на наличие объективных оснований для такого различия в обращении, поскольку возможность сократить срок наказания в виде пожизненного лишения свободы, которую следует обеспечивать осужденным, имеет для пожилых преступников еще большее значение, чтобы их шансы на освобождение не стали иллюзорными. По поводу различия в обращении между мужчинами и женщинами Европейский Суд отметил различные международные стандарты и статистические данные, признающие особые потребности преступников женского пола и указывающие на существенное различие между общим количеством заключенных мужского и женского пола, особенно в отношении пожизненного лишения свободы. Кроме того, Европейский Суд пришел к выводу, что сложные вопросы, затронутые в этом деле, касались сферы, в которой консенсус между государствами-участниками практически отсутствует, а в целом законодательство, по-видимому, находится в переходном состоянии. Следовательно, властям каждого государства нужно предоставить широкую свободу усмотрения. Европейский Суд также установил, что власти государства-ответчика явно могли бы распространить запрет на назначение наказания в виде пожизненного лишения свободы на все категории правонарушителей, чтобы способствовать соблюдению принципов справедливости и гуманности, однако Конвенция в том виде, в каком ее сейчас трактует Европейский Суд, не требует от них так действовать. В целом Европейский Суд высказал мнение о том, что в данном деле имелось разумное соотношение пропорциональности между использованными средствами и преследуемой правомерной целью и что обжалуемый по делу запрет назначать наказание в виде пожизненного лишения свободы не яв-

лялся запрещенным различием в обращении по смыслу положений статьи 14 Конвенции.

315. Вместе с тем в Постановлении по делу «Эцис против Латвии» (*Ēcis v. Latvia*) 2019 года, §§ 77–95, касающемуся абсолютного запрета отлучаться из исправительного учреждения (для того, чтобы присутствовать на похоронах), который относился к определенной категории заключенных мужского пола, в отличие от заключенных женского пола, которые имели право на такую отлучку, Европейский Суд констатировал нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции. В частности, он отметил, что с точки зрения влияния условий содержания заключенного на ограничения, связанные с его семейной жизнью и, в частности, с его правом отлучаться из исправительного учреждения по гуманитарным соображениям, заявитель мог считать себя находящимся в том же положении, что и заключенные женского пола, осужденные за такие же или сопоставимые преступления.

316. Что касается оправданности обжалуемого по делу различия в обращении, Европейский Суд подчеркивал, что желание учесть особые потребности заключенных женского пола, особенно связанные с материнством, для достижения действительного равенства между мужчинами и женщинами не следует считать дискриминацией. Соответственно, определенные различия в условиях содержания под стражей мужчин и женщин являются допустимыми и даже, может быть, необходимыми для обеспечения полноценного гендерного равенства. Тем не менее в контексте пенитенциарной системы и условий содержания под стражей необходимо, чтобы в случае различия в обращении по половому признаку соблюдалось разумное соотношение пропорциональности между используемыми средствами и преследуемой целью. В рассматриваемом деле Европейский Суд не согласился с тем, что существовавшее различие в обращении оправдывалось соображениями безопасности. Кроме того, он указал, что цель лишения свободы, заключающаяся в исправлении преступника, применяется независимо от половой принадлежности заключенного и что поддержание семейных связей является важнейшим средством содействия реинтеграции в общество и исправления всех заключенных независимо от пола. Далее, возможность отлучаться из исправительного учреждения является одним из средств облегчения реинтеграции всех заключенных в общество. Таким образом, абсолютный запрет мужчинам покидать исправительное учреждение даже для того, чтобы присутствовать на похоронах родственника, не способствует достижению цели учета особых потребностей заключенных женского пола. Отказ удов-

летворить просьбу заявителя отпустить его на похороны своего отца на основании условий содержания под стражей, применяющихся к нему в силу его половой принадлежности, не имел под собой объективных и разумных оснований.

317. Напротив, в Постановлении по делу «Александру Энаке против Румынии» (*Alexandru Enache v. Romania*) 2017 года, §§ 70–79), касавшемся различия в обращении на основании законодательства, разрешающего давать отсрочку от отбывания наказания матерям, но не отцам, имеющим малолетних детей, Европейский Суд не усмотрел нарушения статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции. Он допустил, что заявитель, отец маленького ребенка, находился в ситуации, сопоставимой с положением находящейся в заключении матери маленького ребенка. Европейский Суд также отметил, что обжалуемое по делу различие в обращении преследовало цель учесть конкретные личные обстоятельства, в том числе беременность содержащихся под стражей женщин и период до того момента, когда ребенку исполнится год, с учетом, в частности, особых связей между матерью и ребенком в этот период. В конкретной сфере, относящейся к рассматриваемому делу, Европейский Суд счел, что эти соображения могут являться достаточными основаниями, оправдывающими различие в обращении с заявителем. Действительно, как подчеркнул Европейский Суд, материнство имеет ряд характерных особенностей, которые следует учитывать, и часто требует принимать меры по его защите. Международное право предусматривает, что принятие государствами-участниками особых мер по защите матерей и материнства не следует считать дискриминацией. Это относится и к ситуациям, когда женщину, ставшую матерью, приговаривают к лишению свободы. Таким образом, обжалуемое различие в обращении не привело к запрещенной дискриминации по смыслу положений статьи 14 Конвенции.

318. Далее, в Постановлении по делу «Чалдаев против Российской Федерации» (*Chaldayev v. Russia*) 2019 года, §§ 76–83, Европейский Суд рассмотрел вопрос о том, было ли оправданно различие в строгости норм, регламентирующих свидания с лицами, содержащимися в исправительных колониях и следственных изоляторах (где находился заявитель), по смыслу положений статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции. Европейский Суд установил, что статус лица, содержащегося в следственном изоляторе, подпадает под определение «иных признаков» в статье 14 Конвенции и что с точки зрения права на уважение личной и семейной жизни подследственные и осужденные находятся в аналогичном положении. Кроме того, Европейский Суд признал автоматические ограничения свиданий для

задержанных, предусмотренные соответствующим внутригосударственным законодательством, необоснованными, в частности, с учетом того, что по своему статусу они являются лицами, которым еще не вынесен окончательный обвинительный приговор за совершение преступления. В связи с этим он констатировал нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции (см. также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ладуна против Словакии» ([Laduna v. Slovakia](#))).

319. Аналогичным образом в Постановлении по делу «Варнас против Литвы» ([Varnas v. Lithuania](#)) 2013 года, §§ 116–122, Европейский Суд установил, что различие в обращении с подследственными, содержащимися в следственных изоляторах, по сравнению с заключенными, отбывающими наказание по приговору суда, которое касалось свиданий с супругами, не было оправданным по смыслу положений статьи 14 Конвенции. Европейский Суд, в частности, отметил, что относительно свиданий заявителя с его женой в данном деле не возникало каких-либо вопросов, касающихся соображений безопасности и имеющих отношение к преступным связям внутри семьи. Кроме того, Европейский Суд не принял доводов о том, что ограничения свиданий мужа и жены были вызваны отсутствием соответствующих помещений. В итоге он пришел к выводу, что власти государства-ответчика не привели разумных и объективных оснований, которые оправдывали бы различие в обращении с подследственными по сравнению с заключенными, отбывающими наказание по приговору суда, а значит, допустили дискриминацию (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Костел Гачиу против Румынии» ([Costel Gaciu v. Romania](#)) 2015 года, §§ 56–62).

320. Кроме того, Европейский Суд устанавливал, что по смыслу положений статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции не является оправданным различие в обращении с подследственными по сравнению с заключенными, отбывающими наказание по приговору суда, которое касается возможности освобождения из-под стражи неизлечимо больных лиц (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гюлай Четин против Турции» ([Gülay Çetin v. Turkey](#)) 2013 года, §§ 128–133).

321. Далее, в Постановлении по делу «Шелли против Соединенного Королевства» ([Shelley v. United Kingdom](#)) 2008 года, Европейский Суд признал жалобу заявителя на то, что в ходе реализации программ обмена шприцев для наркоманов с заключенными обращались хуже, чем с обычными гражданами, неприемлемой для рассмотрения по существу в связи с ее явной необоснованностью. Европейский Суд готов был допустить, что в области здравоохра-

нения заключенные могли считать себя находящимися в том же положении, что и обычные граждане. Однако различие в профилактических мерах, принимающихся в местах лишения свободы и за их пределами, охватывается свободой усмотрения государства. В обстоятельствах дела его можно было счесть соразмерным и имеющим под собой объективные и разумные основания с учетом, в частности, следующих факторов: отсутствия конкретных указаний ЕКПП по поводу программ обмена шприцев; того, что риск заражения был вызван прежде всего действиями самих заключенных; различных политических соображений, по которым власти государства-ответчика пытались снизить риск заражения путем предоставления дезинфицирующих средств и старались подходить к вопросу программ обмена шприцев с осторожностью, отслеживая ход их реализации вне пенитенциарных учреждений.

322. В Постановлении по делу «Мартзаклис и другие против Греции» (*Martzaklis and Others v. Greece*) 2015 года, §§ 67–75, касавшемся изоляции ВИЧ-инфицированных заключенных и помещения их в тюремную психиатрическую больницу, Европейский Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции как отдельно, так и во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции. У Европейского Суда не было оснований критиковать первоначальное намерение администрации пенитенциарного учреждения перевести ВИЧ-инфицированных заключенных, в том числе заявителей, в тюремную больницу, чтобы обеспечить им больший комфорт и регулярный контроль качества лечения. Их помещение в психиатрическую больницу было оправдано необходимостью улучшить наблюдение и лечение, которые им обеспечивались, защитить их от инфекционных заболеваний, обеспечить им более качественное питание, длительные прогулки, возможность пользоваться собственной кухней и ванными комнатами. Таким образом, несмотря на то, что в случае заявителей имело место различие в обращении, оно преследовало «правомерную цель», а именно обеспечение им более благоприятных условий содержания под стражей по сравнению с обычными заключенными. Однако заявители были ВИЧ-инфицированными, но у них не было СПИДа, а значит, отсутствовала необходимость их изолировать для того, чтобы предотвратить распространение заболевания или инфицирование других заключенных. Кроме того, утверждения заявителей об условиях их содержания под стражей подтверждались различными выводами и комментариями на внутрисударственном и международном уровнях.

323. Аналогичным образом, что касается разделения различных категорий заключенных, Постановление Европейского Суда

по делу «Х против Турции» (*X v. Turkey*) 2012 года, §§ 51–58, касалось полной изоляции содержащегося под стражей гомосексуалиста в течение более восьми месяцев для защиты его от других заключенных. Европейский Суд установил в связи с этим нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции. Он пришел к выводу, что опасения администрации пенитенциарного учреждения по поводу опасности, угрожавшей заявителю в случае, если бы он оставался в обычной камере с другими заключенными, нельзя назвать совершенно необоснованными. Вместе с тем их было недостаточно, чтобы оправдать его полную изоляцию от других заключенных, тем более что администрация недостаточно проанализировала угрозу безопасности заявителя. Приняв во внимание сексуальную ориентацию заявителя, она просто сочла, что ему могут быть причинены серьезные телесные повреждения. Следовательно, полное исключение заявителя из жизни пенитенциарного учреждения нельзя было считать обоснованным.

324. Наконец, следует отметить, что в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты по делу «Штуммер против Австрии» (*Stummer v. Austria*), §§ 90–111, Европейский Суд также рассмотрел вопрос о предполагаемой дискриминации в связи с отказом учесть выполняемую в тюрьме работу при расчете пенсионных прав по смыслу статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Европейский Суд пришел к выводу, что вне зависимости от конкретного характера выполняемой в тюрьме работы⁵¹ с точки зрения необходимости обеспечения пенсии по старости заявитель, по сути, находился в том же положении, что и обычные работники. В то же время Европейский Суд допустил, что, поскольку у работающих заключенных нередко нет средств для того, чтобы делать отчисления в систему социального страхования, необходимо обеспечивать общую устойчивость системы обеспечения пенсии по старости, а срок, в течение которого человек выполняет работу в тюрьме, нельзя считать страховым стажем или его заменой, компенсирующими периоды, в течение которых отчисления не производились. Говоря о соразмерности различия в обращении, о котором идет речь, Европейский Суд отметил, что при осуществлении экономической и социальной политики государства пользуются широкой свободой усмотрения и что отсутствует общеевропейский консенсус по вопросу социального обеспечения заключенных. Кроме того, Европейский Суд придал значение тому факту, что заявитель, хотя он и не имел права на получение пенсии по старости,

⁵¹ См. главу «Привлечение заключенных к труду» настоящего Руководства.

не остался без социального обеспечения вообще. В целом в условиях меняющихся стандартов государству-участнику нельзя поставить в вину, что оно отдает предпочтение тому механизму страхования, который, по его мнению, более всего подходит для обеспечения реинтеграции заключенных в общество после их освобождения. От властей государства-ответчика требовалось контролировать вопрос, затронутый в том деле, но Европейский Суд отметил, что, не включив работающих заключенных в систему обеспечения пенсии по старости, они не вышли за пределы широкой свободы усмотрения, которой пользуется государство в этой области.

XVI. ПРАВО НА ЭФФЕКТИВНЫЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

«Статья 13 Конвенции

Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

325. По жалобам на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с бесчеловечными или унижающими достоинство условиями содержания под стражей статья 13 Конвенции дает возможность принять два вида мер: улучшение этих условий (превентивное средство правовой защиты) и компенсация причиненного этими условиями ущерба (компенсационное средство правовой защиты)⁵².

326. В контексте взаимосвязи между превентивными и компенсационными средствами правовой защиты Европейский Суд пояснял, что он не считает обращение с гражданским иском о компенсации ущерба альтернативой надлежащему использованию превентивного средства правовой защиты. В этом контексте он отмечал, что эффективное превентивное средство правовой защиты способно незамедлительно улучшить неудовлетворительные условия содержания заявителя под стражей, тогда как компенсационное средство правовой защиты может лишь загладить последствия неудовлетворительных, по мнению заявителя, условий содержания его под стражей. Кроме того, Европейский Суд подчеркивал, что с точки зрения обязанности государства по статье 13 Конвенции шансы на получение компенсации в будущем не могут узаконить особенно сильные страдания, нарушающие статью 3 Конвенции, и недопустимым образом ослабляют юридическое обязательство государства привести свои стандарты содержания под стражей в соответствие с требованиями Конвенции. Таким образом, как правило, прежде чем обращаться в Европейский Суд с жалобами на условия содержания под стражей, заявители должны сначала надлежащим образом использовать имеющиеся и эффективные превентивные средства правовой защиты, а затем,

⁵² См. подробнее: [Руководство по применению статьи 13 Европейской конвенции по правам человека](#).

при необходимости, соответствующие компенсационные средства правовой защиты. Вместе с тем Европейский Суд согласился с тем, что могут быть случаи, когда использование эффективного в иных обстоятельствах превентивного средства правовой защиты окажется бесполезным вследствие того, что заявитель содержался в неудовлетворительных условиях очень недолго, а значит, единственным реальным вариантом для него будет использование компенсационного средства правовой защиты, дающего возможность получить возмещение в связи с содержанием под стражей в таких условиях ранее. Продолжительность этого срока может зависеть от многих факторов, связанных с характером функционирования внутригосударственной системы средств правовой защиты (см. Постановление Европейского Суда по делу «Улемек против Хорватии» (*Ulemek v. Croatia*) 2019 года, §§ 84–88, а также Постановление Европейского Суда по делу «Сукачов против Украины» (*Sukachov v. Ukraine*) 2020 года, § 113, Постановление Европейского Суда по делу «J.M.B. и другие против Франции» (*J.M.B. and Others v. France*) 2020 года, § 167).

327. К настоящему времени Европейский Суд рассмотрел структурные реформы систем средств правовой защиты в разных государствах – участниках Конвенции. Все эти реформы были проведены в качестве ответа на вынесенные им пилотные и ведущие постановления по вопросу о неудовлетворительных условиях содержания под стражей.

328. Например, что касается превентивных средств правовой защиты, в Решении по делу «Стелла и другие против Италии» (*Stella and Others v. Italy*) 2014 года, §§ 46–55, вынесенном в связи с пилотным Постановлением Европейского Суда по делу «Торреджиа-ни и другие против Италии» (*Torreggiani and Others v. Italy*) 2013 года, Европейский Суд допустил, что подача жалобы судьей, отвечающему за исполнение наказаний, который наделен правом выносить обязательные решения по вопросу об условиях лишения свободы, удовлетворяет требованиям, установленным в его прецедентной практике. Аналогичным образом в Решении Европейского Суда по делу «Домьян против Венгрии» (*Domján v. Hungary*) 2017 года, §§ 21–23, вынесенном в связи с упомянутым выше пилотным Постановлением Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии» (*Varga and Others v. Hungary*), подача жалобы начальнику пенитенциарного учреждения, который имел право издать распоряжение о переводе заключенного в другую камеру этого учреждения или в другое учреждение, при том что это распоряжение подлежало дальнейшему судебному контролю, была признана совместимой с требованиями прецедентной практики Европейского Суда (см. также Решение Ев-

ропейского Суда по делу «Драничеру против Республики Молдова» (*Draniceru v. Republic of Moldova*) 2019 года, §§ 32–34, относительно подачи жалобы следственному судье, который мог дать указание улучшить неудовлетворительные условия содержания под стражей).

329. В отношении компенсационных средств правовой защиты Европейский Суд в упомянутом выше Решении по делу «Стелла и другие против Италии» (*Stella and Others v. Italy*), §§ 56–63, признал, что новое появившееся в Италии компенсационное средство правовой защиты удовлетворяет требованиям, выработанным в его прецедентной практике. Этим средством может воспользоваться каждый, кто утверждает, что он содержался под стражей в физических условиях, нарушающих положения Конвенции. Это относится как к содержащимся под стражей, так и к освободившимся лицам. Компенсационное средство правовой защиты, о котором идет речь, предусматривает два вида компенсации. Содержащиеся под стражей лица, которые еще не закончили отбывать наказание, могут рассчитывать на сокращение срока наказания на один день за каждые десять дней содержания под стражей в условиях, не соответствующих требованиям Конвенции. Лица, уже отбывшие наказание, и лица, к которым правило о сокращении срока наказания не применяется в полном объеме в связи с той частью наказания, которую им осталось отбыть, могут получить денежную компенсацию за каждый день содержания под стражей в условиях, которые были признаны нарушающими положения Конвенции. Европейский Суд согласился с тем, что сокращение срока наказания является надлежащим средством правовой защиты в случае неудовлетворительных материальных условий содержания под стражей, поскольку, с одной стороны, оно применяется именно для того, чтобы компенсировать нарушение статьи 3 Конвенции, а с другой стороны, его влияние на продолжительность отбывания заключенным наказания можно измерить. Что касается денежной компенсации, Европейский Суд счел, что размер компенсации, предусмотренный законодательством Италии, нельзя считать неразумным или делающим средство правовой защиты, которое было введено властями государства-ответчика, неэффективным.

330. В Решении по делу «Атанасов и Апостолов против Болгарии» (*Atanasov and Apostolov v. Bulgaria*) 2017 года, §§ 58–66, касавшемся пилотного Постановления по делу «Нешков и другие против Болгарии» (*Neshkov and Others v. Bulgaria*) 2015 года, Европейский Суд признал эффективным компенсационное средство правовой защиты, предоставляющее заключенным возможность обращаться в административный суд с требованиями о возмещении ущерба.

В частности, он отметил следующее: это средство защиты является простым в использовании и не возлагает на заключенных ненадлежащего бремени доказывания; ничто в первом названном деле не указывало на то, что эти требования не будут рассмотрены в разумный срок; критерии рассмотрения требований заключенных, по-видимому, полностью соответствовали принципам, выработанным в прецедентной практике Европейского Суда в соответствии со статьей 3 Конвенции; следует исходить из предположения о том, что ненадлежащие условия содержания под стражей причиняют человеку моральный вред. Что касается размера выплат, новое средство правовой защиты не устанавливает размера сумм, присуждаемых в качестве компенсации морального вреда, а значит, их необходимо определять согласно общему принципу справедливости. Европейский Суд счел такой подход допустимым, если только он применяется в соответствии с Конвенцией и его прецедентной практикой. В Постановлении по делу «Димитар Ангелов против Болгарии» (*Dimitar Angelov v. Bulgaria*) 2020 года, § 68, Европейский Суд установил, что средства правовой защиты, введенные в ответ на упомянутое выше пилотное Постановление по делу «Нешков и другие против Болгарии» (*Neshkov and Others v. Bulgaria*), также являются эффективными с учетом особенностей положения заключенных, приговоренных к пожизненному лишению свободы.

331. В Решении по делу «Домьян против Венгрии» (*Domján v. Hungary*) 2017 года, §§ 24–29, Европейский Суд отметил, что соответствующие нормы внутригосударственного законодательства предусматривают два обязательных условия использования компенсационного средства правовой защиты: во-первых, предварительно использовать превентивные средства правовой защиты, а во-вторых, соблюдать правило шестимесячного срока для подачи жалобы, который начинается с момента прекращения содержания под стражей в неудовлетворительных условиях или, применительно к тем, кто на момент вступления нового закона в силу уже освобожден, с конкретной установленной этим законом даты. По мнению Европейского Суда, ни одно из этих условий не являлось необоснованным препятствием с точки зрения доступности средства правовой защиты, о котором идет речь. Кроме того, он пришел к заключению, что размер компенсации, которую можно будет получить, воспользовавшись компенсационным средством правовой защиты, не являлся необоснованным с учетом экономических реалий.

332. В ответ на ведущее Постановление по делу «Шишанов против Республики Молдова» (*Shishanov v. Republic of Moldova*) 2015 года, Европейский Суд в Решении по упомянутому выше делу «Драниче-

ру против Республики Молдова» (*Draniceru v. Republic of Moldova*), §§ 35–40, пришел к выводу, что новый закон, предусматривающий компенсационное средство правовой защиты, которое может привести к сокращению срока наказания или присуждению компенсации ущерба, удовлетворяет требованиям, касающимся эффективных средств правовой защиты в связи с жалобами на неудовлетворительные условия содержания под стражей. Аналогичным образом в Решении по делу «Дырьян и Штефан против Румынии» (*Dirjan and Ștefan v. Romania*) 2020 года, Европейский Суд счел, что возможность сокращения срока наказания на шесть дней за каждые 30 дней содержания под стражей в неудовлетворительных условиях, введенная в Румынии в ответ на его пилотное Постановление по делу «Резмивеш и другие против Румынии» (*Rezmiveș and Others v. Romania*), удовлетворяет требованиям, предъявляемым к эффективным компенсационным средствам правовой защиты.

333. В Решении по делу «Шмелев и другие против Российской Федерации» (*Shmelev and Others v. Russia*) 2020 года, §§ 107–131 и 153–156, Европейский Суд пришел к заключению, что компенсационное средство правовой защиты, введенное в Российской Федерации в ответ на упомянутое выше его пилотное Постановление по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» (*Ananyev and Others v. Russia*), является эффективным. Европейский Суд убедился в том, что процессуальные требования к лицам, желающим воспользоваться механизмом получения компенсации, являются простыми и доступными и не возлагают на этих лиц несоразмерного бремени ни в процессуальном отношении, ни с точки зрения судебных издержек. Кроме того, он признал, что эта процедура сопровождается необходимыми процессуальными гарантиями, связанными с состоятельностью судопроизводства, в частности его независимостью, беспристрастностью и правом воспользоваться помощью адвоката. В законодательстве предусмотрены меры безопасности, позволяющие учитывать особенности положения содержащихся под стражей лиц. У внутригосударственных судов появилась возможность принимать предварительные меры, например отдавать распоряжения о переводе лишенного свободы лица в другую камеру или о проведении его медицинского осмотра. Далее Европейский Суд напомнил судам о необходимости проявлять осторожность при рассмотрении ходатайств об отзыве жалоб, поданных содержащимися под стражей лицами. В основе рассмотрения административных жалоб лежит переход бремени доказывания на администрацию мест лишения свободы. Внутригосударственным судам было дано указание учитывать проблемы, с которыми сталкиваются содержащиеся под стражей лица

при сборе доказательств, и предложено принимать активное участие в поиске и получении доказательств. Решение по жалобе должно приниматься в течение месяца или незамедлительно, если существуют особые обстоятельства, требующие рассмотреть ее в срочном порядке. Европейский Суд также убедился в том, что власти и уполномоченные суды Российской Федерации ознакомились с его прецедентной практикой и критериями, которые следует принимать во внимание в ходе присуждения компенсации, в достаточной степени, чтобы избежать присуждения компенсации в «несоизмеримо малом» размере или «даже отдаленно не соответствующей размеру компенсаций, которые в сопоставимых обстоятельствах обычно присуждает Европейский Суд».

334. В Постановлении по делу «Барботен против Франции» (*Barbotin v. France*)* 2020 года, §§ 50–59, Европейский Суд установил, что компенсационное средство правовой защиты, связанное с обращением в административные суды, доступное и эффективное в иных обстоятельствах, оказалось неэффективным из-за того, что присужденная заявителю компенсация представляла собой очень небольшой процент от суммы, которую присудил бы Европейский Суд в связи с содержанием под стражей в таких же неудовлетворительных условиях, а также из-за того, что, несмотря на обоснованность поданного заявителем иска, его обязали нести расходы на получение экспертного заключения, касающегося условий его содержания под стражей.

XVII. ПРАВА ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТРАНСГРАНИЧНОМ КОНТЕКСТЕ

«Статья 3 Конвенции

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

335. Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда защита от обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, является абсолютной. В результате экстрадиция человека из государства-участника может вызвать проблемы с соблюдением этой статьи Конвенции, а значит, привести к ответственности этого государства согласно Конвенции при наличии серьезных оснований полагать, что в случае выдачи человека в страну, направившую соответствующий запрос, ему будет угрожать реальная опасность подвергнуться обращению, нарушающему требования статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сёринг против Соединенного Королевства» ([Soering v. United Kingdom](#)) 1989 года, § 88).

336. Статья 3 Конвенции также предусматривает обязанность не выдвирать человека в такую страну, даже если она не является участником Конвенции. Европейский Суд не проводит различий между правовыми основаниями выдворения и применяет один и тот же подход в делах и о высылке, и об экстрадиции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Харкинс и Эдвардс против Соединенного Королевства» ([Harkins and Edwards v. United Kingdom](#)) 2012 года, § 120, Постановление Европейского Суда по делу «Трабельси против Бельгии» ([Trabelsi v. Belgium](#)) 2014 года, § 116).

337. В связи с этим следует также отметить, что при оценке угрозы, которой человек подвергнется в случае выдворения в другую страну, Европейский Суд не дифференцирует различные формы жестокого обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Харкинс и Эдвардс против Соединенного Королевства» ([Harkins and Edwards v. United Kingdom](#)), § 123).

338. Более того, рассуждая о том, можно ли провести различие между оценкой минимального уровня жестокости, который требуется во внутригосударственном контексте, и аналогичной оценкой

в трансграничном контексте, Европейский Суд постановил, что при выдворении человека из страны не нужно искать равновесия между риском жестокого обращения и основаниями для высылки, определяя, наступает ли ответственность государства в соответствии со статьей 3 Конвенции. Однако абсолютный характер статьи 3 Конвенции не означает, что любая форма жестокого обращения приведет к запрету выдворения человека с территории государства-участника. Действительно, Конвенция не ставит своей целью требовать, чтобы государства-участники навязывали конвенционные стандарты другим странам. При этом обращение, которое может нарушать статью 3 Конвенции из-за действий или бездействия государства-участника, может и не достигать минимального уровня жестокости, который требуется для установления нарушения статьи 3 Конвенции в делах о высылке или выдаче (см. *ibid.*, §§ 124–130, где приводятся ссылки на другие постановления Европейского Суда по данному вопросу).

339. Таким образом, Европейский Суд констатирует с большой осторожностью, что выдворение с территории государства-участника приведет к нарушению статьи 3 Конвенции. За исключением случаев, когда речь шла о смертной казни, он редко приходил к выводу, что по делу будет допущено нарушение статьи 3 Конвенции, если заявителя вышлют в страну с давними традициями уважения к демократии, правам человека и верховенству права (см. *ibid.*, § 131).

В. РИСКИ, ХАРАКТЕРНЫЕ ДЛЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО КОНТЕКСТА

340. Подавляющее большинство дел из практики Европейского Суда, в которых шла речь о соответствующих рисках, связанных с выдворением или экстрадицией заключенных в другую страну, касались того обстоятельства, что в случае экстрадиции или выдворения лицу, возможно, будет назначено или придется отбывать наказание в виде пожизненного лишения свободы.

341. Уже в своих ранних решениях и постановлениях Европейский Суд подчеркивал: нельзя исключать, что назначение не подлежащего смягчению наказания в виде пожизненного лишения свободы может дать основания предполагать нарушение статьи 3 Конвенции. Равным образом нельзя исключать, что экстрадиция человека в государство, в котором он может быть приговорен к пожизненному лишению свободы без возможности досрочного освобождения, может дать основания предполагать нарушение этой статьи Конвенции (см. Решение Европейского Суда по делу «Айнхорн против Франции» (*Einhorn v. France*) 2001 года, § 27).

342. В то же время в Решении по делу «Айнхорн против Франции» (*Einhorn v. France*) 2001 года, §§ 27–28, Европейский Суд отметил, что соответствующее законодательство в Соединенных Штатах Америки (штат Пенсильвания) предусматривало возможность замены пожизненного лишения свободы лишением свободы на определенный срок с возможностью досрочного освобождения. Следовательно, несмотря на ограниченность возможностей досрочного освобождения заключенных, отбывающих в Пенсильвании наказание в виде пожизненного лишения свободы, из этого нельзя делать вывод, что, если после нового судебного разбирательства заявитель будет приговорен в Пенсильвании к пожизненному лишению свободы, он не сможет освободиться досрочно (см. также, например, Решение Европейского Суда по делу «Шухтер против Италии» (*Schuchter v. Italy*) 2011 года, Решение Европейского Суда по делу «Сегура Наранхо против Польши» (*Segura Naranjo v. Poland*) 2011 года, §§ 34–40).

343. В упомянутом выше Постановлении по делу «Харкинс и Эдвардс против Соединенного Королевства» (*Harkins and Edwards v. United Kingdom*), §§ 139–149, Европейский Суд, применив критерии оценки наказания в виде пожизненного лишения свободы, сформированные до вынесения им Постановления по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства» (*Vinter and Others v. United Kingdom*)⁵³, установил, что с учетом преступлений, в связи с которыми заявители были объявлены в розыск, и существующего в США судебного контроля за соблюдением всех соответствующих интересов, о которых шла речь в деле, даже обязательное наказание в виде пожизненного лишения свободы (которое в принципе могло быть впоследствии пересмотрено и смягчено) и наказание в виде пожизненного лишения свободы, назначаемое по усмотрению суда, без возможности досрочного освобождения не были бы неприемлемыми с точки зрения статьи 3 Конвенции (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Бабар Ахмад и другие против Соединенного Королевства» (*Babar Ahmad and Others v. United Kingdom*) 2012 года, §§ 243–244).

344. Однако после того, как было вынесено упомянутое выше Постановление по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства» (*Vinter and Others v. United Kingdom*), Европейский Суд в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Трабельси против Бельгии» (*Trabelsi v. Belgium*), §§ 127–139, уста-

⁵³ См. главу «Осужденные к пожизненному лишению свободы» настоящего Руководства.

новил, что наказание в виде пожизненного лишения свободы, которое могло быть назначено заявителю в США, не подлежало смягчению, поскольку соответствующие положения законодательства не предусматривали адекватного механизма пересмотра такого вида наказаний, а это означало, что экстрадиция заявителя в США являлась нарушением статьи 3 Конвенции.

345. В частности, Европейский Суд вновь обратился к своей прецедентной практике о пожизненном лишении свободы и подчеркнул, что статья 3 Конвенции предполагает обязанность государств-участников не выдворять человека в государство, где ему будет угрожать реальная опасность подвергнуться запрещенному жестокому обращению. В данном деле Европейский Суд пришел к выводу, что ввиду степени тяжести преступлений, связанных с терроризмом, в совершении которых обвинялся заявитель, и того факта, что наказание ему могло быть назначено лишь после учета судом, рассматривающим дело, всех смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, наказание в виде пожизненного лишения свободы, назначаемое по усмотрению суда, не было бы явно несоразмерным. Вместе с тем Европейский Суд отметил, что власти США ни разу не давали конкретных заверений в том, что заявитель не будет приговорен к пожизненному лишению свободы без возможности смягчения наказания. Кроме того, Европейский Суд считал, что, независимо от поступивших заверений, законодательство США действительно обеспечивает различные возможности по смягчению наказаний в виде пожизненного лишения свободы (в том числе механизм помилования президентом страны), которые предоставляют заявителю определенные шансы на освобождение, но не предусматривает процедур, образующих механизм пересмотра такого наказания для целей применения статьи 3 Конвенции (см. в качестве примера другого подхода Постановление Европейского Суда по делу «Чаловскис против Латвии» (*Čalovskis v. Latvia*) 2014 года, §§ 143–148, а также Решение Европейского Суда по делу «Финдикоглу против Германии» (*Findikoglu v. Germany*) 2016 года, в котором невозможно было предположить, что заявителю могли назначить наказание, эквивалентное пожизненному лишению свободы).

346. Далее, при оценке соблюдения требований статьи 3 Конвенции в контексте экстрадиции имеют значение и условия содержания под стражей в стране назначения. В упомянутом выше Постановлении по делу «Бабар Ахмад и другие против Соединенного Королевства» (*Babar Ahmad and Others v. United Kingdom*), §§ 216–224, Европейский Суд рассмотрел вопрос о том, будут ли противоречить статье 3 Конвенции экстрадиция заявителей в США и помещение их в

тюрьму строгого режима г. Флоренс (ADX Florence prison⁵⁴). С учетом обстоятельств данного дела Европейский Суд ответил на этот вопрос отрицательно.

347. Европейский Суд пришел к выводу, что физические условия содержания в этой тюрьме, то есть площади камер, наличие освещения и соответствующих санитарных установок и т.д., отвечают требованиям статьи 3 Конвенции. Кроме того, он не согласился с тем, что заявителей направят в тюрьму г. Флоренс лишь из-за признания их виновными в совершении преступлений, связанных с терроризмом. Напротив, Европейский Суд хорошо осознавал, что уполномоченные органы власти США будут применять доступные и рациональные критерии, а водворение в тюрьму будет осуществляться при активном участии высокопоставленных должностных лиц, не работающих в учреждении, в котором содержится заключенный. Участие этих лиц и требование проводить слушание до перевода в тюрьму представляли собой надлежащую меру процессуальной защиты. Даже если бы процесс перевода в тюрьму оказался неудовлетворительным, существовала бы возможность оспорить его и в рамках программы по обеспечению административных средств правовой защиты, и в федеральных судах, чтобы исправить любые допущенные недостатки в этом процессе.

348. Кроме того, Европейский Суд отметил, что условия содержания в секции общего режима и секции особого режима тюрьмы г. Флоренс сопряжены с серьезными ограничениями, а их целью является предотвращение любого физического контакта заключенных с другими лицами, но это не означает, что заключенные содержатся в условиях полной изоляции от внешних раздражителей или в условиях полной изоляции от общества. Несмотря на то, что почти все время заключенные заперты в своих камерах, им обеспечивается в камерах существенная мотивация посредством возможности смотреть телевизор, слушать радио, читать газеты и книги, делать поделки и участвовать в образовательных программах. Им также разрешаются регулярные телефонные звонки и свидания, а заключенные, даже те, к которым применяются особые административные меры, имеют возможность переписываться со своими семьями. Европейский Суд также указал, что заявители могли разговаривать друг с другом

⁵⁴ Тюрьма в окрестностях г. Флоренс (штат Колорадо) является учреждением «супермаксимального» режима безопасности в США. Сокращение ADX в названии тюрьмы (в других изданиях используется в виде ADMAX), по-видимому, отражает полное название учреждения «Федеральная исправительная тюрьма административного максимума» и служит указанием на особую строгость режима содержания под стражей (*примеч. переводчика*).

через отверстия системы вентиляции, а во время отдыха они могли общаться без каких-либо препятствий. В любом случае, как отметил Европейский Суд, как свидетельствуют имеющиеся данные, у заявителей появилась бы реальная возможность быть допущенными к участию в программе постепенного смягчения режима содержания или в программе секции особого режима. Соответственно, он постановил, что изоляция заключенных в тюрьме г. Флоренс является частичной и относительной.

349. Европейский Суд в указанном деле также рассмотрел ситуацию лиц, страдающих психическими заболеваниями. Он отметил, что в той мере, в какой жалобы заявителей касаются условий их предварительного содержания под стражей, эти жалобы являются явно необоснованными, поскольку по делу не утверждалось, что перед выдачей власти Соединенного Королевства не сообщат своим американским коллегам о состоянии психического здоровья заявителей или что после выдачи власти США не окажут им необходимой психиатрической помощи. Европейский Суд также отметил следующее: по делу не утверждалось, что психиатрическая помощь в федеральных тюрьмах США существенно отличается от психиатрической помощи, которая могла быть оказана заявителям на момент рассмотрения дела. Кроме того, не было оснований предполагать, что власти США проигнорируют изменения психического состояния заявителей или откажутся изменить условия их содержания с тем, чтобы уменьшить угрожающую им опасность. В итоге Европейский Суд пришел к выводу, что по данному делу не возникает отдельных вопросов в связи с содержанием заявителей под стражей по окончании судебного разбирательства.

350. Однако в Постановлении по делу «Асват против Соединенного Королевства» (*Aswat v. United Kingdom*) 2013 года, §§ 50–57, которое касалось неопределенности условий содержания под стражей заявителя, подозреваемого в терроризме и страдающего серьезным психическим расстройством (параноидальной шизофренией), в случае его выдачи в США, Европейский Суд установил, что экстрадиция заявителя приведет к нарушению статьи 3 Конвенции (см. также упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Шухтер против Италии» (*Schuchter v. Italy*) относительно оказания медицинской помощи).

351. В частности, в упомянутом выше Постановлении по делу «Асват против Соединенного Королевства» (*Aswat v. United Kingdom*) Европейский Суд подчеркнул, что ответ на вопрос о том, приведет выдача заявителя в США к нарушению статьи 3 Конвенции или нет, во многом зависит от условий, в которых он будет содержать-

ся, и от возможностей получать медицинскую помощь, которая ему там будет доступна. Однако соответствующая информация по этому вопросу отсутствует. Кроме того, Европейский Суд допустил, что в случае вынесения обвинительного приговора у заявителя будет возможность получать лечение и, что еще важнее, психиатрическую помощь независимо от того, в каком учреждении он будет содержаться. Однако психическое расстройство, которым страдал заявитель, было достаточно серьезным, чтобы возникла необходимость в его переводе из обычной тюрьмы в психиатрическую больницу строгого режима. Имеющиеся в деле медицинские доказательства ясно указывали на то, что ему по-прежнему целесообразно оставаться там «для его собственного здоровья и безопасности». Кроме того, не было гарантий того, что, если заявителя будут судить и вынесут ему обвинительный приговор, он не будет содержаться в тюрьме г. Флоренс в условиях, предполагающих «серьезные ограничения» и длительный срок изоляции от общества. В данном деле отсутствовали доказательства, свидетельствующие о том, сколько времени он проведет в тюрьме г. Флоренс. Действительно, в упомянутом выше Постановлении по делу «Бабар Ахмад и другие против Соединенного Королевства» (*Babar Ahmad and Others v. United Kingdom*) Европейский Суд пришел к выводу, что условия содержания в тюрьме г. Флоренс не достигли порогового уровня по смыслу статьи 3 Конвенции применительно к здоровым заключенным и заключенным с менее серьезными проблемами с психикой, однако в деле заявителя вследствие серьезности его психического состояния сложилась другая ситуация.

352. Наконец, следует отметить, что в контексте экстрадиции или выдворения заключенных в другую страну основания предполагать нарушение статей 2 и 3 Конвенции возникают в случае, если в стране назначения им угрожает реальная опасность вынесения смертного приговора (см. Постановление Европейского Суда по делу «Аль-Саадун и Муфзи против Соединенного Королевства» (*Al-Saadoon and Mufdhi v. United Kingdom*) 2010 года, §§ 115–145, Постановление Европейского Суда по делу «A.L. (X.W.) против Российской Федерации» (*A.L. (X.W.) v. Russia*) 2015 года, §§ 63–66)⁵⁵.

⁵⁵ См. подробнее: [Руководство по применению статьи 2 Европейской конвенции по правам человека](#).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ДЕЛ, НА КОТОРЫЕ ДАНЫ ССЫЛКИ

Прецедентная практика, приведенная в настоящем руководстве, включает в себя постановления Палат, постановления Большой Палаты Европейского Суда и решения по вопросам приемлемости жалоб по делам, вынесенным Европейским Судом, а также решения и доклады Европейской комиссии по правам человека.

Если не указано иное, все ссылки относятся к постановлению по существу дела, вынесенному Палатой Суда. Аббревиатура *des.* указывает на то, что приводится цитата из решения Европейского Суда, а *GS* – что дело было рассмотрено Большой Палатой Европейского Суда.

Постановления Палаты Суда, которые не являются окончательными по смыслу статьи 44 Конвенции на момент опубликования данного документа, помечены звездочкой (*).

Пункт 2 статьи 44 Конвенции гласит:

«Постановление любой из Палат становится окончательным, если:

- а) стороны не заявляют, что они будут просить о передаче дела в Большую Палату; или
- б) по истечении трех месяцев с даты вынесения постановления не поступило обращения о передаче дела в Большую Палату; или
- с) коллегия Большой Палаты отклоняет обращение о передаче дела согласно статье 43».

В тех случаях, когда ходатайство о передаче дела принимается коллегией Большой Палаты, постановление Палаты не становится окончательным и, следовательно, не имеет юридической силы, и окончательным становится последующее постановление Большой Палаты Суда.

Гиперссылки на дела, приведенные в электронной версии руководства, ведут в базу данных HUDOC (<http://hudoc.echr.coe.int>), которая обеспечивает доступ к прецедентной практике Европейского Суда (постановления и решения Большой Палаты, Палат и Комитетов, коммуницированные дела, консультативные заключения и юридические справки из «Информационного бюллетеня по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека» (Case-Law Information Note), Комиссии по правам человека (решениям и докладам) и Комитета министров Совета Европы (резолуции).

Европейский Суд выносит свои постановления и решения на английском и (или) французском языках, двух официальных языках Суда. База данных HUDOC также содержит переводы многих важных

дел на более чем 30 неофициальных языках и ссылки почти на 100 интерактивных сборников прецедентов, созданных третьими сторонами. Все языковые версии рассмотренных прецедентов доступны по ссылке «Языковые версии» (Language versions) в базе данных HUDOC, которую можно найти после нажатия на гиперссылку дела.

—А—

[A.B. and Others v. France](#) («А.В. и другие против Франции») от 12 июля 2016 г., жалоба № 11593/12

[A.B. v. Netherlands](#) («А.В. против Нидерландов») от 29 января 2002 г., жалоба № 37328/97

[A.H. and J.K. v. Cyprus](#) («А.Н. и J.K. против Кипра») от 21 июля 2015 г., жалобы №№ 41903/10 и 41911/10

[A.L. \(X.W.\) v. Russia](#) («А.Л. (X.W.) против Российской Федерации») от 29 октября 2015 г., жалоба № 44095/14¹

[Al. K. v. Greece](#) («Ал. К. против Греции») от 11 декабря 2014 г., жалоба № 63542/11

[A.M. and Others v. France](#) («А.М. и другие против Франции») от 12 июля 2016 г., жалоба № 24587/12

[A.T. v. Estonia](#) («А.Т. против Эстонии») от 13 ноября 2018 г., жалоба № 23183/15

[A.T. v. Estonia \(№ 2\)](#) («А.Т. против Эстонии (№ 2)») от 13 ноября 2018 г., жалоба № 70465/14

[Abdullahi Elmi and Aweys Abubakar v. Malta](#) («Абдуллахи Элми и Авейс Абубакар против Мальты») от 22 ноября 2016 г., жалобы №№ 25794/13 и 28151/13

[Aerts v. Belgium](#) («Аэртс против Бельгии») от 30 июля 1998 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1998-V

[Aggerholm v. Denmark](#) («Аггерхольм против Дании») от 15 сентября 2020 г., жалоба № 45439/18

[Aleksandr Makarov v. Russia](#) («Александр Макаров против Российской Федерации») от 12 марта 2009 г., жалоба № 15217/07²

[Aleksanyan v. Russia](#) («Алексян против Российской Федерации») от 22 декабря 2008 г., жалоба № 46468/06³

[Alexandru Enache v. Romania](#) («Александру Энаке против Румынии») от 3 октября 2017 г., жалоба № 16986/12

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 9 (*примеч. редактора*).

² См.: Российская хроника Европейского Суда. 2010. № 1 (*примеч. редактора*).

³ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2011. № 1 (*примеч. редактора*).

[Ali and Ayşe Duran v. Turkey](#) («Али и Айше Дуран против Турции») от 8 апреля 2008 г., жалоба № 42942/02⁴

[Aliiev v. Ukraine](#) («Алиев против Украины») от 29 апреля 2003 г., жалоба № 41220/98

[Al-Saadoon and Mufdhi v. United Kingdom](#) («Аль-Саадун и Муфзи против Соединенного Королевства») от 2 марта 2010 г., жалоба № 61498/08

[Altay v. Turkey \(№ 2\)](#) («Алтай против Турции (№ 2)») от 9 апреля 2019 г., жалоба № 11236/09

[Amirov v. Russia](#) («Амиров против Российской Федерации») от 27 ноября 2014 г., жалоба № 51857/13⁵

[Ananyev and Others v. Russia](#) («Ананьев и другие против Российской Федерации») от 10 января 2012 г., жалобы №№ 42525/07 и 60800/08⁶

[Anchugov and Gladkov v. Russia](#) («Анчугов и Гладков против Российской Федерации») от 4 июля 2013 г., жалобы №№ 11157/04 и 15162/05⁷

[Aparicio Benito v. Spain](#) («Апаричио Бенито против Испании») (dec.) от 13 ноября 2006 г., жалоба № 36150/03

[Artyomov v. Russia](#) («Артёмов против Российской Федерации») от 27 мая 2010 г., жалоба № 14146/02⁸

[Arutyunyan v. Russia](#) («Арутюнян против Российской Федерации») от 10 января 2012 г., жалоба № 48977/09⁹

[Ashot Harutyunyan v. Armenia](#) («Ашот Арутюнян против Армении») от 15 июня 2010 г., жалоба № 34334/04

[Aswat v. United Kingdom](#) («Асват против Соединенного Королевства») от 16 апреля 2013 г., жалоба № 17299/12

[Atanasov and Apostolov v. Bulgaria](#) («Атанасов и Апостолов против Болгарии») (dec.) от 27 июня 2017 г., жалобы №№ 65540/16 и 22368/17

⁴ Данное Постановление в тексте настоящего Руководства не упоминается (*примеч. редактора*).

⁵ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 4 (*примеч. редактора*).

⁶ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 8 (*примеч. редактора*).

⁷ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2 (*примеч. редактора*).

⁸ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 1 (*примеч. редактора*).

⁹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 9 (*примеч. редактора*).

—В—

Babar Ahmad and Others v. United Kingdom (Бабар Ахмад и другие против Соединенного Королевства) от 10 апреля 2012 г., жалобы №№ 24027/07 и еще 4 жалобы

Bădulescu v. Portugal* («Бэдулеску против Португалии») от 20 октября 2020 г., жалоба № 33729/18

Balajevs v. Latvia («Балаев против Латвии») от 28 апреля 2016 г., жалоба № 8347/07

Bamouhammad v. Belgium («Бамухаммад против Бельгии») от 17 ноября 2015 г., жалоба № 47687/13

Barbotin v. France* («Барботен против Франции») от 19 ноября 2020 г., жалоба № 25338/16

Bergmann v. Germany («Бергманн против Германии») от 7 января 2016 г., жалоба № 23279/14

Bidart v. France («Бидар против Франции») от 12 ноября 2015 г., жалоба № 52363/11

Biržietis v. Lithuania («Биржиетис против Литвы») от 14 июня 2016 г., жалоба № 49304/09

Blokhin v. Russia («Блохин против Российской Федерации») [GC] от 23 марта 2016 г., жалоба № 47152/06¹⁰

Bodein v. France («Бодейн против Франции») от 13 ноября 2014 г., жалоба № 40014/10

Bollan v. United Kingdom («Болланы против Соединенного Королевства») (dec.) от 4 мая 2000 г., жалоба № 42117/98

Boltan v. Turkey («Болтан против Турции») от 12 февраля 2019 г., жалоба № 33056/16

Bosphorus Hava Yolları Turizm ve Ticaret Anonim Şirketi v. Ireland («Компания “Босфорус Хава Йоллары Туризм Вэ Тыкарет Аноним Шыркети” (“Босфорус эйруэйз”) против Ирландии») [GC] от 30 июня 2005 г., жалоба № 45036/98

Boulois v. Luxembourg («Булуа против Люксембурга») [GC] от 3 апреля 2012 г., жалоба № 37575/04

Bouyid v. Belgium («Буид против Бельгии») [GC] от 28 сентября 2015 г., жалоба № 23380/09¹¹

¹⁰ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12 (*примеч. редактора*).

¹¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 2 (*примеч. редактора*).

—С—

C.D. and Others v. Greece («С.Д. и другие против Греции») от 19 декабря 2013 г., жалоба № 33441/10 и еще 2 жалобы

Čačko v. Slovakia («Чачко против Словакии») от 22 июля 2014 г., жалоба № 49905/08¹²

Čalovskis v. Latvia («Чаловскис против Латвии») от 24 июля 2014 г., жалоба № 22205/13

Campbell and Fell v. United Kingdom («Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства») от 28 июня 1984 г., Серия А, № 80

Campbell v. United Kingdom («Кэмпбелл против Соединенного Королевства») от 25 марта 1992 г., жалоба № 13590/88

Cano Moya v. Spain («Кано Мойя против Испании») от 11 октября 2016 г., жалоба № 3142/11

Cara-Damiani v. Italy («Кара-Дамьяни против Италии») от 7 февраля 2012 г., жалоба № 2447/05

Cătălin Eugen Micu v. Romania («Кэтэлин Эуген Мику против Румынии») от 5 января 2016 г., жалоба № 55104/13

Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania («Общественная организация “Центр правовых ресурсов” в интересах Валентина Кэмпэну против Румынии» [GC] от 17 июля 2014 г., жалоба № 47848/08¹³

Chaldayev v. Russia («Чалдаев против Российской Федерации») от 28 мая 2019 г., жалоба № 33172/16¹⁴

Chaykovskiy v. Ukraine («Чайковский против Украины») от 15 октября 2009 г., жалоба № 2295/06

Chernetskiy v. Ukraine («Чернецкий против Украины») от 8 декабря 2016 г., жалоба № 44316/07

Ciorap v. Moldova («Чорап против Республики Молдова») от 19 июня 2007 г., жалоба № 12066/02

Ciupercescu v. Romania (№ 3) («Чуперсеску против Румынии (№ 3)») от 7 января 2020 г., жалобы №№ 41995/14 и 50276/15

Claes v. Belgium («Клас против Бельгии») от 10 января 2013 г., жалоба № 43418/09

¹² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 6 (*примеч. редактора*).

¹³ Данное Постановление в тексте настоящего Руководства не упоминается. См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 12 (*примеч. редактора*).

¹⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2019. № 9 (*примеч. редактора*).

Clift v. United Kingdom («Клифт против Соединенного Королевства») от 13 июля 2010 г., жалоба № 7205/07

Contrada v. Italy (№ 2) («Контрада против Италии (№ 2)») от 11 февраля 2014 г., жалоба № 7509/08

Costel Gaciu v. Romania («Костел Гачиу против Румынии») от 23 июня 2015 г., жалоба № 39633/10

Cotleş v. Romania («Котлеш против Румынии») от 3 июня 2003 г., жалоба № 38565/97

Csüllög v. Hungary («Чюллёг против Венгрии») от 7 июня 2011 г., жалоба № 30042/08

—D—

D and E.S. v. United Kingdom («D и E.S. против Соединенного Королевства»), Решение Европейской комиссии по правам человека от 7 марта 1990 г., жалоба № 13669/88

D.F. v. Latvia («D.F. против Латвии») от 29 октября 2013 г., жалоба № 11160/07

D.G. v. Ireland («D.G. против Ирландии») от 16 мая 2002 г., жалоба № 39474/98¹⁵

D.G. v. Poland («D.G. против Польши») от 12 февраля 2013 г., жалоба № 45705/07

Davison v. United Kingdom («Дейвисон против Соединенного Королевства») (dec.) от 2 марта 2010 г., жалоба № 52990/08

Davydov and Others v. Ukraine («Давыдов и другие против Украины») от 1 июля 2010 г., жалобы №№ 17674/02 и 39081/02

Dedovskiy and Others v. Russia («Дедовский и другие против Российской Федерации») от 15 мая 2008 г., жалоба № 7178/03¹⁶

Dejneк v. Poland («Дейнек против Польши») от 1 июня 2017 г., жалоба № 9635/13

Dickson v. United Kingdom («Диксоны против Соединенного Королевства» [GC]) от 4 декабря 2007 г., жалоба № 44362/04

Dikaiou and Others v. Greece («Дикай и другие против Греции») от 16 июля 2020 г., жалоба № 77457/13

Dimitar Angelov v. Bulgaria («Димитар Ангелов против Болгарии») от 21 июля 2020 г., жалоба № 58400/16

Dirjan and Ştefan v. Romania («Дырьян и Штефан против Румынии») (dec.) от 15 апреля 2020 г., жалобы №№ 14224/15 и 50977/15

¹⁵ Данное Постановление в тексте настоящего Руководства не упоминается (*примеч. редактора*).

¹⁶ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 1 (*примеч. редактора*).

Domján v. Hungary («Домьян против Венгрии) (dec.) от 14 ноября 2017 г., жалоба № 5433/17

Donaldson v. United Kingdom («Дональдсон против Соединенного Королевства») (dec.) от 25 января 2011 г., жалоба № 56975/09

Dorneanu v. Romania («Дорняну против Румынии») от 28 ноября 2017 г., жалоба № 55089/13

Draniceru v. Republic of Moldova («Дрэничеру против Республики Молдова») (dec.) от 12 февраля 2019 г., жалоба № 31975/15

Dudchenko v. Russia («Дудченко против Российской Федерации») от 7 ноября 2017 г., жалоба № 37717/05¹⁷

Duval v. France («Дюваль против Франции») от 26 мая 2011 г., жалоба № 19868/08

Dybeku v. Albania («Дюбеку против Албании») от 18 декабря 2007 г., жалоба № 41153/06

—Е—

Ebedin Abi v. Turkey («Эбедин Аби против Турции») от 13 марта 2018 г., жалоба № 10839/09

Ēcis v. Latvia («Эцис против Латвии») от 10 января 2019 г., жалоба № 12879/09

Einhorn v. France («Айнхорн против Франции») (dec.) от 16 октября 2001 г., жалоба № 71555/01

El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia («Эль-Масри против Македонии») [GC] от 13 декабря 2012 г., жалоба № 39630/09¹⁸

Elefteriadis v. Romania («Элефтериадис против Румынии») от 25 января 2011 г., жалоба № 38427/05

Enea v. Italy («Энеа против Италии») [GC] от 17 сентября 2009 г., жалоба № 74912/01

Engel v. Hungary («Энгель против Венгрии») от 20 мая 2010 г., жалоба № 46857/06

Epnerns-Gefners v. Latvia («Эпнернс-Гефнернс против Латвии») от 29 мая 2012 г., жалоба № 37862/02

Erlich and Kastro v. Romania («Эрлих и Кастро против Румынии») от 9 июня 2020 г., жалобы №№ 23735/16 и 23740/16

Ezeh and Connors v. United Kingdom («Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства») [GC] от 9 октября 2003 г., жалобы №№ 39665/98 и 40086/98

¹⁷ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2018. № 3 (*примеч. редактора*).

¹⁸ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2021. № 8 (*примеч. редактора*).

—F—

Farbtuhs v. Latvia («Фарбтухс против Латвии») от 2 декабря 2004 г., жалоба № 4672/02¹⁹

Fedosejevs v. Latvia («Федосеев против Латвии») (dec.) от 19 ноября 2013 г., жалоба № 37546/06

Fedotov v. Russia («Федотов против Российской Федерации») от 25 октября 2005 г., жалоба № 5140/02

Filiz Uyan v. Turkey («Филиз Уян против Турции») от 8 января 2009 г., жалоба № 7496/03

Findikoglu v. Germany («Финдикоглу против Германии») (dec.) от 7 июня 2016 г., жалоба № 20672/15

Florea v. Romania («Флоря против Румынии») от 14 сентября 2010 г., жалоба № 37186/03

Fraile Iturralde v. Spain («Фрайле Итурральде против Испании») (dec.) от 7 мая 2019 г., жалоба № 66498/17

Frank v. Germany («Франк против Германии») (dec.) от 28 сентября 2010 г., жалоба № 32705/06

Frâncu v. Romania («Франку против Румынии»)* от 13 октября 2020 г., жалоба № 69356/13

Frasik v. Poland («Фрасик против Польши») от 5 января 2010 г., жалоба № 22933/02

Frodl v. Austria («Фродль против Австрии») от 8 апреля 2010 г., жалоба № 20201/04

Fülöp v. Romania («Фулоп против Румынии») от 24 июля 2012 г., жалоба № 18999/04

—G—

G.B. and Others v. Turkey («G.B. и другие против Турции») от 17 октября 2019 г., жалоба № 4633/15

Gardel v. France («Гардель против Франции») от 17 декабря 2009 г., жалоба № 16428/05

Georgia v. Russia (I) («Грузия против Российской Федерации (I)») [GC], жалоба № 13255/07, *ECHR* 2014 (извлечения)²⁰

Ghavitadze v. Georgia («Гавтадзе против Грузии») от 3 марта 2009 г., жалоба № 23204/07

¹⁹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 12 (*примеч. редактора*).

²⁰ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 12 (*примеч. редактора*).

Giszczak v. Poland («Гишцак против Польши») от 29 ноября 2011 г., жалоба № 40195/08

Gjini v. Serbia («Гйини против Сербии») от 15 января 2019 г., жалоба № 1128/16

Gladkiy v. Russia («Гладкий против Российской Федерации») от 21 декабря 2010 г., жалоба № 3242/03²¹

Gladović v. Croatia («Гладович против Хорватии») от 10 мая 2011 г., жалоба № 28847/08

Goginashvili v. Georgia («Гогинашвили против Грузии») от 4 октября 2011 г., жалоба № 47729/08

Gömi and Others v. Turkey («Гёми и другие против Турции») от 21 декабря 2006 г., жалоба № 35962/97

Gorgiev v. the former Yugoslav Republic of Macedonia («Горгиев против Македонии») от 19 апреля 2012 г., жалоба № 26984/05

Gorlov and Others v. Russia («Горлов и другие против Российской Федерации») от 2 июля 2019 г., жалоба № 27057/06 и две другие жалобы²²

Gorodnichev v. Russia («Городничев против Российской Федерации») от 25 мая 2007 г., жалоба № 52058/99²³

Greens and M.T. v. United Kingdom («Гринс и М.Т. против Соединенного Королевства») от 23 ноября 2010 г., жалобы №№ 60041/08 и 60054/08²⁴

Grimailovs v. Latvia («Гримайлов против Латвии») от 25 июня 2013 г., жалоба № 6087/03

Guimon v. France («Гимон против Франции») от 11 апреля 2019 г., жалоба № 48798/14

Gülay Çetin v. Turkey («Гюлай Четин против Турции») от 5 марта 2013 г., жалоба № 44084/10

Guliyev v. Russia («Гулиев против Российской Федерации») от 19 июня 2008 г., жалоба № 24650/02²⁵

Gülmez v. Turkey («Гюльмез против Турции») от 20 мая 2008 г., жалоба № 16330/02

²¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 10 (*примеч. редактора*).

²² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2020. № 3 (*примеч. редактора*).

²³ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 9 (*примеч. редактора*).

²⁴ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 1 (*примеч. редактора*).

²⁵ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2010. № 3 (*примеч. редактора*).

[Güveç v. Turkey](#) («Гювеч против Турции») от 20 января 2009 г., жалоба № 70337/01

—Н—

[Hadzhieva v. Bulgaria](#) («Хаджиева против Болгарии») от 1 февраля 2018 г., жалоба № 45285/12

[Hadžić and Suljić v. Bosnia and Herzegovina](#) («Хаджич и Сульжич против Боснии и Герцеговины») от 7 июня 2011 г., жалобы №№ 39446/06 и 33849/08

[Hagyó v. Hungary](#) («Хадьо против Венгрии») от 23 апреля 2013 г., жалоба № 52624/10

[Halil Adem Hasan v. Bulgaria](#) («Халил Адем Хасан против Болгарии») от 10 марта 2015 г., жалоба № 4374/05

[Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria](#) («Харакчиев и Толумов против Болгарии») от 8 июля 2014 г., жалобы №№ 15018/11 и 61199/12

[Harkins and Edwards v. United Kingdom](#) («Харкинс и Эдвардс против Соединенного Королевства») от 17 января 2012 г., жалобы №№ 9146/07 и 32650/07

[Helhal v. France](#) («Хельхаль против Франции») от 19 февраля 2015 г., жалоба № 10401/12

[Henaf v. France](#) («Энаф против Франции») от 27 ноября 2003 г., жалоба № 65436/01

[Herczegfalvy v. Austria](#) («Херцегфалви против Австрии») от 24 сентября 1992 г., Серия А, № 244

[Hilmioğlu v. Turkey](#) («Хилмиоглу против Турции») (dec.) от 15 сентября 2020 г., жалоба № 60625/12

[Hirst v. United Kingdom \(№ 2\)](#) («Хёрст против Соединенного Королевства (№ 2)» [GC] от 6 октября 2005 г., жалоба № 74025/01

[Holomiov v. Moldova](#) («Голомиов против Республики Молдова») от 7 ноября 2006 г., жалоба № 30649/05

[Horoz v. Turkey](#) («Хороз против Турции») от 31 марта 2009 г., жалоба № 1639/03

[Horych v. Poland](#) («Хорых против Польши») от 17 апреля 2012 г., жалоба № 13621/08

[Hummatov v. Azerbaijan](#) («Хумматов против Азербайджана») от 29 ноября 2007 г., жалобы №№ 9852/03 и 13413/04

[Hüseyn Yıldırım v. Turkey](#) («Хусейн Йылдырым против Турции») от 3 мая 2007 г., жалоба № 2778/02

Hutchinson v. United Kingdom («Хатчинсон против Соединенного Королевства») [GC] от 17 января 2017 г., жалоба № 57592/08²⁶

—I—

I.E. v. Republic of Moldova («I.E. против Республики Молдова») от 26 мая 2020 г., жалоба № 45422/13

Iacov Stanciu v. Romania («Яков Станчиу против Румынии») от 24 июля 2012 г., жалоба № 35972/05

Iamandi v. Romania («Яманди против Румынии») от 1 июня 2010 г., жалоба № 25867/03

Ibrahim and Others v. United Kingdom («Ибрагим и другие против Соединенного Королевства») [GC] от 13 сентября 2016 г., жалоба № 50541/08 и еще 3 жалобы²⁷

Idalov v. Russia («Идалов против Российской Федерации») [GC] от 22 мая 2012 г., жалоба № 5826/03²⁸

Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia («Илашку и другие против Республики Молдова и Российской Федерации») [GC] от 8 июля 2004 г., жалоба № 48787/99

Inseher v. Germany (Ильнзеер против Германии») [GC] от 4 декабря 2018 г., жалобы №№ 10211/12 и 27505/14

Ireland v. United Kingdom («Ирландия против Соединенного Королевства») от 18 января 1978 г., жалоба № 5310/71

Ismatullayev v. Russia («Исмагуллаев против Российской Федерации») (dec.) от 6 марта 2012 г., жалоба № 29687/09

Istratii and Others v. Moldova («Истрати и другие против Республики Молдова») от 27 марта 2007 г., жалоба № 8721/05

Iwańczuk v. Poland («Иванчук против Польши») от 15 ноября 2001 г., жалоба № 25196/94

—J—

J.M.B. and Others v. France («J.M.B. и другие против Франции») от 30 января 2020 г., жалоба № 9671/15 и еще 31 жалоба

²⁶ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 6 (*примеч. редактора*).

²⁷ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 12 (*примеч. редактора*).

²⁸ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 5 (*примеч. редактора*).

J.L. v. Finland («J.L. против Финляндии») (dec.) от 16 ноября 2000 г., жалоба № 32526/96

Jakóbski v. Poland («Якобский против Польши») от 7 декабря 2010 г., жалоба № 18429/06

Jankovskis v. Lithuania («Янковскис против Литвы») от 17 января 2017 г., жалоба № 21575/08²⁹

Jasinskis v. Latvia («Ясинскис против Латвии») от 21 декабря 2010 г., жалоба № 45744/08³⁰

Jatsõõn v. Estonia («Яцишин против Эстонии») от 30 октября 2018 г., жалоба № 27603/15

Jeanty v. Belgium («Жанти против Бельгии») от 31 марта 2020 г., жалоба № 82284/17

Jeladze v. Georgia («Джеладзе против Грузии») от 18 декабря 2012 г., жалоба № 1871/08

Jeronovičs v. Latvia («Йеронович против Латвии») [GC] от 5 июля 2016 г., жалоба № 44898/10³¹

—К—

Kadiķis v. Latvia (№ 2) («Кадикис против Латвии (№ 2)») от 4 мая 2006 г., жалоба № 62393/00

Kadusic v. Switzerland («Кадушич против Швейцарии») от 9 января 2018 г., жалоба № 43977/13

Kafkaris v. Cyprus («Кафкарис против Кипра») [GC] от 12 февраля 2008 г., жалоба № 21906/04

Kalda v. Estonia («Калда против Эстонии») от 19 января 2016 г., жалоба № 17429/10³²

Kanagaratnam v. Belgium («Канагаратнам против Бельгии») от 13 декабря 2011 г., жалоба № 15297/09

Kaprykowski v. Poland («Капрыковский против Польши») от 3 февраля 2009 г., жалоба № 23052/05

Karabet and Others v. Ukraine («Карабет и другие против Украины») от 17 января 2013 г., жалобы №№ 38906/07 и 52025/07

²⁹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 1 (*примеч. редактора*).

³⁰ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8 (*примеч. редактора*).

³¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 6 (*примеч. редактора*).

³² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 11 (*примеч. редактора*).

[Karsakova v. Russia](#) («Карсакова против Российской Федерации») от 27 ноября 2014 г., жалоба № 1157/10³³

[Karwowski v. Poland](#) («Карвовский против Польши») от 19 апреля 2016 г., жалоба № 29869/13

[Keenan v. United Kingdom](#) («Кинан против Соединенного Королевства») от 3 апреля 2001 г., жалоба № 27229/95

[Kekelashvili v. Georgia](#) («Кекелашвили против Грузии») (dec.) от 17 ноября 2020 г., жалоба № 35861/11

[Khamtokhu and Aksenchik v. Russia](#) («Хамтоху и Аксенчик против Российской Федерации») [GC] от 24 января 2017 г., жалобы №№ 60367/08 и 961/11³⁴

[Khlaifia and Others v. Italy](#) («Хлаифия и другие против Италии») [GC] от 15 декабря 2016 г., жалоба № 16483/12

[K.H.W. v. The Federal Republic of Germany](#) («К.Н.В. против Федеративной Республики Германия»), Решение Европейской комиссии по правам человека от 17 мая 1969 г., жалоба № 3448/67³⁵

[Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia](#) («Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации») от 25 июля 2013 г., жалобы №№ 11082/06 и 13772/05³⁶

[Khoroshenko v. Russia](#) («Хорошенко против Российской Федерации») [GC] от 30 июня 2015 г., жалоба № 41418/04³⁷

[Khudobin v. Russia](#) («Худобин против Российской Федерации») от 26 октября 2006 г., жалоба № 59696/00³⁸

[Klibisz v. Poland](#) («Клибиш против Польши») от 4 октября 2016 г., жалоба № 2235/02

[Klyakhin v. Russia](#) («Кляхин против Российской Федерации») от 30 ноября 2004 г., жалоба № 46082/99³⁹

³³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 5 (*примеч. редактора*).

³⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 3 (*примеч. редактора*).

³⁵ Данное Решение в тексте настоящего Руководства не упоминается (*примеч. редактора*).

³⁶ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2015. № 1 (*примеч. редактора*).

³⁷ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 9 (*примеч. редактора*).

³⁸ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 11 (*примеч. редактора*).

³⁹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 7 (*примеч. редактора*).

Kolesnikovich v. Russia («Колесникович против Российской Федерации») от 22 марта 2016 г., жалоба № 44694/13⁴⁰

Kondrulin v. Russia («Кондрулин против Российской Федерации») от 20 сентября 2016 г., жалоба № 12987/15⁴¹

Konstantin Markin v. Russia («Константин Маркин против Российской Федерации») [GC] от 22 марта 2012 г., жалоба № 30078/06⁴²

Korban v. Ukraine («Корбан против Украины») от 4 июля 2019 г., жалоба № 26744/16

Kornakovs v. Latvia («Корнаков против Латвии») от 15 июня 2006 г., жалоба № 61005/00

Korneykova and Korneykov v. Ukraine («Корнейкова и Корнейков против Украины») от 24 марта 2016 г., жалоба № 56660/12⁴³

Korobov and Others v. Russia («Коробов и другие против Российской Федерации») (dec.) от 2 марта 2006 г., жалоба № 67086/01

Korostelev v. Russia («Коростелев против Российской Федерации») от 12 мая 2020 г., жалоба № 29290/10

Koştı and Others v. Turkey («Кошти и другие против Турции») от 3 мая 2007 г., жалоба № 74321/01

Kotsaftis v. Greece («Котсафтис против Греции») от 12 июня 2008 г., жалоба № 39780/06

Koureas and Others v. Greece («Куреас и другие против Греции») от 18 января 2018 г., жалоба № 30030/15

Kovaļkovs v. Latvia («Ковальков против Латвии») (dec.) от 31 января 2012 г., жалоба № 35021/05

Krivilapov v. Ukraine («Криволапов против Украины») от 2 октября 2018 г., жалоба № 5406/07

Kučera v. Slovakia («Кучера против Словакии») от 17 июля 2007 г., жалоба № 48666/99

Kucheruk v. Ukraine («Кучерук против Украины») от 6 сентября 2007 г., жалоба № 2570/04

Kudła v. Poland («Кудла против Польши») [GC] от 26 октября 2000 г., жалоба № 30210/96

Kukhalashvili and Others v. Georgia («Кухалашвили и другие против Грузии») от 2 апреля 2020 г., жалобы №№ 8938/07 и 41891/07

⁴⁰ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2016. № 4 (*примеч. редактора*).

⁴¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2017. № 2 (*примеч. редактора*).

⁴² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6 (*примеч. редактора*).

⁴³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 8 (*примеч. редактора*).

Kulinski and Sabev v. Bulgaria («Кулинский и Сабев против Болгарии») от 21 июля 2016 г., жалоба № 63849/09

Kungurov v. Russia («Кунгуров против Российской Федерации») от 18 февраля 2020 г., жалоба № 70468/17

Kuparadze v. Georgia («Купарадзе против Грузии») от 21 сентября 2017 г., жалоба № 30743/09

Kyriacou Tsiakkourmas and Others v. Turkey («Кирьяку Циаккурмас и другие против Турции») от 2 июня 2015 г., жалоба № 13320/02

—L—

Labaca Larrea and Others v. France («Лабака Ларреа и другие против Франции») (dec.) от 7 февраля 2017 г., жалоба № 56710/13 и еще две жалобы

Ladent v. Poland («Ладан против Польши») от 18 марта 2008 г., жалоба № 11036/03

Laduna v. Slovakia («Ладуна против Словакии») от 13 декабря 2011 г., жалоба № 31827/02

László Magyar v. Hungary («Ласло Мадьяр против Венгрии») от 20 мая 2014 г., жалоба № 73593/10

Lautaru and Seed v. Greece («Лаутару и Сид против Греции») от 23 июля 2020 г., жалоба № 29760/15

Lebois v. Bulgaria («Лебуа против Болгарии») от 19 октября 2017 г., жалоба № 67482/14

Leyla Alp and Others v. Turkey («Лейла Альп и другие против Турции») от 10 декабря 2013 г., жалоба № 29675/02

Lind v. Russia («Линд против Российской Федерации») от 6 декабря 2007 г., жалоба № 25664/05⁴⁴

Longin v. Croatia («Лонгин против Хорватии») от 6 ноября 2012 г., жалоба № 49268/10

Lonić v. Croatia («Лониц против Хорватии») от 4 декабря 2014 г., жалоба № 8067/12

Lorsé and Others v. Netherlands («Лорсе и другие против Нидерландов») от 4 февраля 2003 г., жалоба № 52750/99

—M—

Mandić and Jović v. Slovenia («Мандич и Йович против Словении») от 20 октября 2011 г., жалобы №№ 5774/10 и 5985/10

⁴⁴ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2008. № 3 (примеч. редактора).

[Manolov v. Bulgaria](#) («Манолов против Болгарии») от 4 ноября 2014 г., жалоба № 23810/05

[Marcello Viola v. Italy \(№ 2\)](#) («Марчелло Виола против Италии (№ 2)») от 13 июня 2019 г., жалоба № 77633/16

[Margaretić v. Croatia](#) («Маргаретич против Хорватии») от 5 июня 2014 г., жалоба № 16115/13

[Mariş v. Romania](#) («Мариш против Румынии») (dec.) от 29 сентября 2020 г., жалоба № 58208/14

[Marro and Others v. Italy](#) («Марро и другие против Италии») (dec.) от 8 апреля 2014 г., жалоба № 29100/07

[Martzaklis and Others v. Greece](#) («Мартзаклис и другие против Греции») от 9 июля 2015 г., жалоба № 20378/13

[Mastromatteo v. Italy](#) («Мастроматтео против Италии») [GC] от 24 октября 2002 г., жалоба № 37703/97

[Matiošaitis and Others v. Lithuania](#) («Матиошайтис и другие против Литвы») от 23 мая 2017 г., жалоба № 22662/13 и еще семь жалоб

[McFeeley and Others v. United Kingdom](#) («Макфили и другие против Соединенного Королевства»), Решение Европейской комиссии по правам человека от 15 мая 1980 г.

[McGlinchey and Others v. United Kingdom](#) («Макглинчи и другие против Соединенного Королевства») от 29 апреля 2003 г., жалоба № 50390/99

[Mehmet Reşit Arslan and Orhan Bingöl v. Turkey](#) («Мехмет Решит Арслан и Орхан Бингёл против Турции») от 18 июня 2019 г., жалоба № 47121/06 и еще две жалобы

[Meier v. Switzerland](#) («Мейер против Швейцарии») от 9 февраля 2016 г., жалоба № 10109/14

[Melnik v. Ukraine](#) («Мельник против Украины») от 28 марта 2006 г., жалоба № 72286/01

[Mesut Yurtsever and Others v. Turkey](#) («Месут Юртсевер и другие против Турции») от 20 января 2015 г., жалоба № 14946/08 и еще 11 жалоб

[Michał Korgul v. Poland](#) («Михал Коргул против Польши») от 21 марта 2017 г., жалоба № 36140/11

[Milić and Nikezić v. Montenegro](#) («Милич и Никезич против Черногории») от 28 апреля 2015 г., жалобы №№ 54999/10 и 10609/11

[Mirgadirov v. Azerbaijan and Turkey](#) («Миргадиров против Азербайджана и Турции») от 17 сентября 2020 г., жалоба № 62775/14

[Mockutė v. Lithuania](#) («Мокуте против Литвы») от 27 февраля 2018 г., жалоба № 66490/09

[Moiseyev v. Russia](#) («Моисеев против Российской Федерации») от 9 октября 2008 г., жалоба № 62936/00⁴⁵

[Mooren v. Germany](#) («Моорен против Германии») [GC] от 9 июля 2009 г., жалоба № 11364/03⁴⁶

[Moroz v. Ukraine](#) («Мороз против Украины») от 2 марта 2017 г., жалоба № 5187/07

[Mouisel v. France](#) («Муизель против Франции») от 14 ноября 2002 г., жалоба № 67263/01

[Mozer v. Republic of Moldova and Russia](#) («Мозер против Республики Молдова и Российской Федерации») [GC] от 23 февраля 2016 г., жалоба № 11138/10

[Murat Vural v. Turkey](#) («Мурат Вурал против Турции») от 21 октября 2014 г., жалоба № 9540/07

[Murray v. Netherlands](#) («Мюррей против Нидерландов») [GC] от 26 апреля 2016 г., жалоба № 10511/10⁴⁷

[Muršić v. Croatia](#) («Муршич против Хорватии») [GC] от 20 октября 2016 г., жалоба № 7334/13⁴⁸

[Mushegh Saghatelyan v. Armenia](#) («Мушег Сагателян против Армении») от 20 сентября 2018 г., жалоба № 23086/08

[Muskhadzhieva and Others v. Belgium](#) («Мусхаджиева и другие против Бельгии») от 19 января 2010 г., жалоба № 41442/07

[Mustafayev v. Azerbaijan](#) («Мустафаев против Азербайджана») от 4 мая 2017 г., жалоба № 47095/09

—N—

[N.T. v. Russia](#) (N.T. против Российской Федерации) от 2 июня 2020 г., жалоба № 14727/11⁴⁹

[Nart v. Turkey](#) («Нарт против Турции») от 6 мая 2008 г., жалоба № 20817/04

[Naydyon v. Ukraine](#) («Найдён против Украины») от 14 октября 2010 г., жалоба № 16474/03

⁴⁵ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2008. № 3 (*примеч. редактора*).

⁴⁶ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2020. № 4 (*примеч. редактора*).

⁴⁷ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 8 (*примеч. редактора*).

⁴⁸ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 5 (*примеч. редактора*).

⁴⁹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2021. № 3 (*примеч. редактора*).

[Nazarenko v. Ukraine](#) («Назаренко против Украины») от 29 апреля 2003 г., жалоба № 39483/98

[Neagu v. Romania](#) («Неэгу против Румынии»)* от 10 ноября 2020 г., жалоба № 21969/15

[Neshkov and Others v. Bulgaria](#) («Нешков и другие против Болгарии») от 27 января 2015 г., жалоба № 36925/10 и еще 5 жалоб

[Nevmerzhitsky v. Ukraine](#) («Невмержицкий против Украины») от 5 апреля 2005 г., жалоба № 54825/00

[Nilsen v. United Kingdom](#) («Нильсен против Соединенного Королевства») (dec.) от 27 ноября 2008 г., жалоба № 36882/05

[Nogin v. Russia](#) («Ногин против Российской Федерации») от 15 января 2015 г., жалоба № 58530/08⁵⁰

[Norbert Sikorski v. Poland](#) («Норберт Сикорский против Польши») от 22 октября 2009 г., жалоба № 17599/05

[Novak v. Croatia](#) («Новак против Хорватии») от 14 июня 2007 г., жалоба № 8883/04

[Nusret Kaya and Others v. Turkey](#) («Нусрет Кайя и другие против Турции») от 22 апреля 2014 г., жалоба № 43750/06 и еще 4 жалобы

—О—

[Öcalan v. Turkey](#) («Оджалан против Турции») [GC] от 12 мая 2005 г., жалоба № 46221/99

[Öcalan v. Turkey \(№ 2\)](#) («Оджалан против Турции (№ 2)») от 18 марта 2014 г., жалоба № 24069/03 и еще три жалобы

[Okhrimenko v. Ukraine](#) («Охрименко против Украины») от 15 октября 2009 г., жалоба № 53896/07

[Onoufriou v. Cyprus](#) («Онуфриу против Кипра») от 7 января 2010 г., жалоба № 24407/04

[Orchowski v. Poland](#) («Орховский против Польши») от 22 октября 2009 г., жалоба № 17885/04

[Ostroveņecs v. Latvia](#) («Островенец против Латвии») от 5 октября 2017 г., жалоба № 36043/13

[Özgül v. Turkey](#) («Озгюль против Турции») (dec.) от 6 марта 2007 г., жалоба № 7715/02

⁵⁰ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8 (примеч. редактора).

—P—

Paladi v. Moldova («Палади против Республики Молдова») [GC] от 10 марта 2009 г., жалоба № 39806/05

Palfreeman v. Bulgaria («Пелфриман против Болгарии») (dec.) от 16 мая 2017 г., жалоба № 59779/14

Paluch v. Poland («Палух против Польши») от 16 февраля 2016 г., жалоба № 57292/12

Pankiewicz v. Poland («Панкевич против Польши») от 12 февраля 2008 г., жалоба № 34151/04

Pantea v. Romania («Пантеа против Румынии») от 3 июня 2003 г., жалоба № 33343/96

Papon v. France (№ 1) («Папон против Франции (№ 1)») (dec.) от 7 июня 2001 г., жалоба № 64666/01

Patranin v. Russia («Патранин против Российской Федерации») от 23 июля 2015 г., жалоба № 12983/14⁵¹

Patsaki and Others v. Greece («Патсаки и другие против Греции») от 7 февраля 2019 г., жалоба № 20444/14

Peers v. Greece («Пирс против Греции») от 19 апреля 2001 г., жалоба № 28524/95

Peñaranda Soto v. Malta («Пеньяранда Сото против Мальты») от 19 декабря 2017 г., жалоба № 16680/14

Petrescu v. Portugal («Петреску против Португалии») от 3 декабря 2019 г., жалоба № 23190/17

Petrov v. Bulgaria («Петров против Болгарии») от 22 мая 2008 г., жалоба № 15197/02

Petukhov v. Ukraine (№ 2) («Петухов против Украины (№ 2)») от 12 марта 2019 г., жалоба № 41216/13

Piechowicz v. Poland («Пехович против Польши») от 17 апреля 2012 г., жалоба № 20071/07

Piłoski v. Poland («Плоский против Польши») от 12 ноября 2002 г., жалоба № 26761/95

Poghossian v. Georgia («Погосян против Грузии») от 24 февраля 2009 г., жалоба № 9870/07

Poltoratskiy v. Ukraine («Полторацкий против Украины») от 29 апреля 2003 г., жалоба № 38812/97

⁵¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 9 (*примеч. редактора*).

Polyakova and Others v. Russia («Полякова и другие против Российской Федерации») от 7 марта 2017 г., жалоба № 35090/09 и три другие жалобы⁵²

Popov v. France («Попов против Франции») от 19 января 2012 г., жалобы №№ 39472/07 и 39474/07, 19 January 2012

Potoroc v. Romania («Поторок против Румынии») от 2 июня 2020 г., жалоба № 37772/17

Preminiy v. Russia («Преминины против Российской Федерации») от 10 февраля 2011 г., жалоба № 44973/04⁵³

Price v. United Kingdom («Прайс против Соединенного Королевства») от 10 июля 2001 г., жалоба № 33394/96

Provenzano v. Italy («Провензано против Италии») от 25 октября 2018 г., жалоба № 55080/13

Puzinas v. Lithuania («Пузинас против Литвы») (dec.) от 13 декабря 2005 г., жалоба № 63767/00

—R—

R.C. and V.C. v. France («R.C. и V.C. против Франции») от 12 июля 2016 г., жалоба № 76491/14

R.K. and Others v. France («R.K. и другие против Франции») от 12 июля 2016 г., жалоба № 68264/14

R.M. and Others v. France («R.M. и другие против Франции») от 12 июля 2016 г., жалоба № 33201/11

Radzhab Magomedov v. Russia («Раджаб Магомедов против Российской Федерации») от 20 декабря 2016 г., жалоба № 20933/08⁵⁴

Raffray Taddei v. France («Раффрей Таддеи против Франции») от 21 декабря 2010 г., жалоба № 36435/07

Ramirez Sanchez v. France («Рамирес Санчес против Франции») [GC] от 4 июля 2006 г., жалоба № 59450/00

Ramishvili and Kokhreidze v. Georgia («Рамишвили и Кохреидзе против Грузии») от 27 января 2009 г., жалоба № 1704/06

Raninen v. Finland («Ранинен против Финляндии») от 16 декабря 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997-VIII

⁵² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 8 (*примеч. редактора*).

⁵³ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 11 (*примеч. редактора*).

⁵⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 4 (*примеч. редактора*).

Rappaz v. Switzerland («Раппаз против Швейцарии») (dec.) от 26 марта 2013 г., жалоба № 73175/10

Razvozhayev v. Russia and Ukraine («Развозжаев против Российской Федерации и Украины») и **Udaltsov v. Russia** («Удальцов против Российской Федерации») от 19 ноября 2019 г., жалоба № 75734/12 и еще две жалобы⁵⁵

Renolde v. France («Ренольд против Франции») от 16 октября 2008 г., жалоба № 5608/05

Retunscăia v. Romania («Ретунская против Румынии») от 8 января 2013 г., жалоба № 25251/04

Rezmiveş and Others v. Romania («Резмивеш и другие против Румынии») от 25 апреля 2017 г., жалоба № 61467/12 и еще три жалобы

Rivière v. France («Ривьер против Франции») от 11 июля 2006 г., жалоба № 33834/03

Rodić and Others v. Bosnia and Herzegovina («Родич и другие против Боснии и Герцеговины») от 27 мая 2008 г., жалоба № 22893/05

Rodzevillo v. Ukraine («Родзевилло против Украины») от 14 января 2016 г., жалоба № 38771/05⁵⁶

Rohde v. Denmark («Рогде против Дании») от 21 июля 2005 г., жалоба № 69332/01

Rook v. Germany («Рук против Германии») от 25 июля 2019 г., жалоба № 1586/15

Rooman v. Belgium («Руман против Бельгии») [GC] от 31 января 2019 г., жалоба № 18052/11⁵⁷

Roth v. Germany («Рот против Германии»)* от 22 октября 2020 г., жалобы №№ 6780/18 и 30776/18

Rzakhanov v. Azerbaijan («Рзаханов против Азербайджана») от 4 июля 2013 г., жалоба № 4242/07

—S—

S. and Marper v. United Kingdom («S. и Марпер против Соединенного Королевства») [GC], жалобы №№ 30562/04 и 30566/04, *ECHR* 2008

⁵⁵ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2020. № 7 (*примеч. редактора*).

⁵⁶ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 4 (*примеч. редактора*).

⁵⁷ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2019. № 3 (*примеч. редактора*).

S.F. and Others v. Bulgaria («S.F. и другие против Болгарии») от 7 декабря 2017 г., жалоба № 8138/16

S.J. v. Luxembourg (№ 2) («S.J. против Люксембурга (№ 2)») от 31 октября 2013 г., жалоба № 47229/12

Saadi v. United Kingdom («Саади против Соединенного Королевства») [GC] от 29 января 2008 г., жалоба № 13229/03

Sakir v. Greece («Сакир против Греции») от 24 марта 2016 г., жалоба № 48475/09

Salakhov and Islyamova v. Ukraine («Салахов и Ислямова против Украины») от 14 марта 2013 г., жалоба № 28005/08⁵⁸

Salduz v. Turkey («Салдуз против Турции») [GC] от 27 ноября 2008 г., жалоба № 36391/02

Samaras and Others v. Greece («Самарас и другие против Греции») от 28 февраля 2012 г., жалоба № 11463/09

Sannino v. Italy («Саннино против Италии») (dec.) от 3 мая 2005 г., жалоба № 72639/01

Saran v. Romania («Саран против Румынии») от 10 ноября 2020 г., жалоба № 65993/16

Schemkamper v. France («Шемкампер против Франции») от 18 октября 2005 г., жалоба № 75833/01

Schuchter v. Italy («Шухтер против Италии») (dec.) от 11 октября 2011 г., жалоба № 68476/10

Scoppola v. Italy (№ 3) («Скоппола против Италии (№ 3)») [GC] от 22 мая 2012 г., жалоба № 126/05

Segura Naranjo v. Poland («Сегура Наранхо против Польши») (dec.) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 67611/10

Selçuk v. Turkey («Сельчук против Турции») от 10 января 2006 г., жалоба № 21768/02

Seleznev v. Russia («Селезнев против Российской Федерации») от 26 июня 2008 г., жалоба № 15591/03⁵⁹

Serce v. Romania («Серше против Румынии») от 30 июня 2015 г., жалоба № 35049/08

Serifis v. Greece («Серифис против Греции») от 2 ноября 2006 г., жалоба № 27695/03

⁵⁸ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 12 (примеч. редактора).

⁵⁹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. №№ 7 (примеч. редактора).

[Shamayev and Others v. Georgia and Russia](#) («Шамаев и другие против Грузии и Российской Федерации») от 12 апреля 2005 г., жалоба № 36378/02⁶⁰

[Shchebetov v. Russia](#) («Щебетов против Российской Федерации») от 10 апреля 2012 г., жалоба № 21731/02⁶¹

[Shelley v. United Kingdom](#) («Шелли против Соединенного Королевства») (dec.) от 4 января 2008 г., жалоба № 23800/06

[Shishanov v. Republic of Moldova](#) («Шишанов против Республики Молдова») от 15 сентября 2015 г., жалоба № 11353/06⁶²

[Shmelev and Others v. Russia](#) («Шмелев и другие против Российской Федерации») (dec.) от 4 апреля 2020 г., жалоба № 1249/18 и другие жалобы⁶³

[Shuriyya Zeynalov v. Azerbaijan](#) («Шурийя Зейналов против Азербайджана») от 10 сентября 2020 г., жалоба № 69460/12

[Siemaszko and Olszyński v. Poland](#) («Семашко и Ольшинский против Польши») от 13 сентября 2016 г., жалобы №№ 60975/08 и 35410/09

[Sinan Eren v. Turkey](#) («Синан Эрен против Турции») от 10 ноября 2005 г., жалоба № 8062/04

[Skałka v. Poland](#) («Скалка против Польши») от 27 мая 2003 г., жалоба № 43425/98

[Sławomir Musiał v. Poland](#) («Славомир Мусял против Польши») от 20 января 2009 г., жалоба № 28300/06

[Slyusarev v. Russia](#) («Слюсарев против Российской Федерации») от 20 апреля 2010 г., жалоба № 60333/00⁶⁴

[Soering v. United Kingdom](#) («Сёринг против Соединенного Королевства») от 7 июля 1989 г., Серия А, № 161

[Solcan v. Romania](#) («Солкан против Румынии») от 8 октября 2019 г., жалоба № 32074/14

[Söyler v. Turkey](#) («Сёйлер против Турции») от 17 сентября 2013 г., жалоба № 29411/07

⁶⁰ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. №№ 1–5 (*примеч. редактора*).

⁶¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 10 (*примеч. редактора*).

⁶² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 2 (*примеч. редактора*).

⁶³ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2020. № 5 (*примеч. редактора*).

⁶⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 10 (*примеч. редактора*).

Starokadomskiy v. Russia («Старокадомский против Российской Федерации») от 31 июля 2008 г., жалоба № 42239/02⁶⁵

Stasi v. France («Стази против Франции») от 20 октября 2011 г., жалоба № 25001/07

Stegarescu and Bahrin v. Portugal («Стегареску и Бахрин против Португалии») от 6 апреля 2010 г., жалоба № 46194/06

Stella and Others v. Italy («Стелла и другие против Италии») (dec.) от 16 сентября 2014 г., жалоба № 49169/09 и еще 10 жалоб

Stepuleac v. Moldova («Степуляк против Республики Молдова») от 6 ноября 2007 г., жалоба № 8207/06

Stoyan Krastev v. Bulgaria («Стоян Крастев против Болгарии») от 6 октября 2020 г., жалоба № 1009/12

Strazimiri v. Albania («Стразимири против Албании») от 21 января 2020 г., жалоба № 34602/16

Štitić v. Croatia («Штитич против Хорватии») от 8 ноября 2007 г., жалоба № 29660/03

Stoichkov v. Bulgaria («Стоичков против Болгарии») от 24 марта 2005 г., жалоба № 9808/02

Stoine Hristov v. Bulgaria (№ 2) («Стойне Христов против Болгарии (№ 2)») от 16 октября 2008 г., жалоба № 36244/02

Štruel and Others v. Slovenia («Штруэль и другие против Словении») от 20 октября 2011 г., жалобы №№ 5903/10, 6003/10 и 6544/10

Stummer v. Austria («Штуммер против Австрии») [GC] от 7 июля 2011 г., жалоба № 37452/02

Sudarkov v. Russia («Сударьков против Российской Федерации») от 10 июля 2008 г., жалоба № 3130/03⁶⁶

Sukachov v. Ukraine («Сукачов против Украины») от 30 января 2020 г., жалоба № 14057/17

Suso Musa v. Malta («Сусо Муса против Мальты») от 23 июля 2013 г., жалоба № 42337/12⁶⁷

Süveges v. Hungary («Шювегеш против Венгрии») от 5 января 2016 г., жалоба № 50255/12

Svershov v. Ukraine («Свершов против Украины») от 27 ноября 2008 г., жалоба № 35231/02

⁶⁵ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 8 (примеч. редактора).

⁶⁶ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 7 (примеч. редактора).

⁶⁷ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 2 (примеч. редактора).

Svinarenko and Slyadnev v. Russia («Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации») [GC] от 17 июля 2014 г., жалобы №№ 32541/08 и 43441/08⁶⁸

Sylla and Nollomont v. Belgium («Силла и Нолломонт против Бельгии») от 16 мая 2017 г., жалобы №№ 37768/13 и 36467/14

Szafrański v. Poland («Шафранский против Польши») от 15 декабря 2015 г., жалоба № 17249/12

Szuluk v. United Kingdom («Сулук против Соединенного Королевства») от 2 июня 2009 г., жалоба № 36936/05

—Т—

T.P. and A.T. v. Hungary («Т.Р. и А.Т. против Венгрии») от 4 октября 2016 г., жалобы №№ 37871/14 и 73986/14

Tali v. Estonia («Тали против Эстонии») от 13 февраля 2014 г., жалоба № 66393/10

Tariyeva v. Russia («Тарариева против Российской Федерации») от 14 декабря 2006 г., жалоба № 4353/03⁶⁹

Tekin Yıldız v. Turkey («Текин Йылдыз против Турции») от 10 ноября 2005 г., жалоба № 22913/04

Tendam v. Spain («Тендам против Испании») от 13 июля 2010 г., жалоба № 25720/05

Testa v. Croatia («Тесла против Хорватии») от 12 июля 2007 г., жалоба № 20877/04

Tomov and Others v. Russia («Томов и другие против Российской Федерации») от 9 апреля 2019 г., жалоба № 18255/10 и пять других жалоб⁷⁰

Topekhin v. Russia («Топехин против Российской Федерации») от 10 мая 2016 г., жалоба № 78774/13, 10 May 2016⁷¹

Torreggiani and Others v. Italy («Торреджани и другие против Италии») от 8 января 2013 г., жалоба № 43517/09 и шесть других жалоб

Trabelsi v. Belgium («Трабельси против Бельгии») от 4 сентября 2014 г., жалоба № 140/10

⁶⁸ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 11 (*примеч. редактора*).

⁶⁹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 7 (*примеч. редактора*).

⁷⁰ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2019. № 7 (*примеч. редактора*).

⁷¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 2 (*примеч. редактора*).

Trosin v. Ukraine («Тросин против Украины») от 23 февраля 2012 г., жалоба № 39758/05

Tunis v. Estonia («Тунис против Эстонии») от 19 декабря 2013 г., жалоба № 429/12

Twenty-One Detained Persons v. Germany («Двадцать один задержанный против Германии»), Решение Европейской комиссии по правам человека от 6 апреля 1968 г., жалобы №№ 3134/67, 3172/67 и 3188–3206/67

Tzamalīs and Others v. Greece («Дзамалис и другие против Греции») от 4 декабря 2012 г., жалоба № 15894/09

—U—

Ulemek v. Croatia («Улемек против Хорватии») от 31 октября 2019 г., жалоба № 21613/16

Uzun v. Turkey («Узун против Турции») (dec.) от 10 ноября 2020 г., жалоба № 37866/18

—V—

V.D. v. Romania («V.D. против Румынии») от 16 февраля 2010 г., жалоба № 7078/02

Valašinas v. Lithuania («Валашинас против Литвы») от 24 июля 2001 г., жалоба № 44558/98

Van der Ven v. Netherlands («Ван дер Вен против Нидерландов») от 4 февраля 2003 г., жалоба № 50901/99

Van der Graaf v. Netherlands («Ван дер Грааф против Нидерландов») (dec.) от 1 июня 2004 г., жалоба № 8704/03

Van Droogenbroeck v. Belgium («Ван Дроогенбрук против Бельгии») от 24 июня 1982 г., жалоба № 7906/77

Varga and Others v. Hungary («Варга и другие против Венгрии») от 10 марта 2015 г., жалоба № 14097/12 и пять других жалоб

Varnas v. Lithuania («Варнас против Литвы») от 9 июля 2013 г., жалоба № 42615/06

Vartic v. Romania (№ 2) («Вартик против Румынии (№ 2)») от 17 декабря 2013 г., жалоба № 14150/08

Vasilescu v. Belgium («Василеску против Бельгии») от 25 ноября 2014 г., жалоба № 64682/12

Vasilică Mocanu v. Romania («Василикэ Мокану против Румынии») от 6 декабря 2016 г. жалоба № 43545/13

Velyo Velev v. Bulgaria («Вельо Велев против Болгарии») от 27 мая 2014 г., жалоба № 16032/07

Vetsev v. Bulgaria («Ветцев против Болгарии») от 2 мая 2019 г., жалоба № 54558/15

Vincent v. France («Венсан против Франции») от 24 октября 2006 г., жалоба № 6253/03

Vinter and Others v. United Kingdom («Винтер и другие против Соединенного Королевства») [GC] от 9 июля 2013 г., жалоба № 66069/09 и две другие жалобы⁷²

Vintman v. Ukraine («Винтман против Украины») от 23 октября 2014 г., жалоба № 28403/05⁷³

Vladimir Vasilyev v. Russia («Владимир Васильев против Российской Федерации») от 10 января 2012 г., жалоба № 28370/05⁷⁴

Vlasov v. Russia («Власов против Российской Федерации») от 12 июня 2008 г., жалоба № 78146/01⁷⁵

Voicu v. Romania («Войку против Румынии») от 10 июня 2014 г., жалоба № 22015/10

—W—

Wainwright v. United Kingdom («Уэйнрайт против Соединенного Королевства») от 26 сентября 2006 г., жалоба № 12350/04

Wenerski v. Poland («Венерский против Польши») от 20 января 2009 г., жалоба № 44369/02

Wenner v. Germany («Веннер против Германии») от 1 сентября 2016 г., жалоба № 62303/13⁷⁶

—X—

X v. Latvia («X против Латвии») [GC] от 26 ноября 2013 г., жалоба № 27853/09⁷⁷

X v. Turkey («X против Турции») от 9 октября 2012 г., жалоба № 24626/09

⁷² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 6 (*примеч. редактора*).

⁷³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 4 (*примеч. редактора*).

⁷⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 2 (*примеч. редактора*).

⁷⁵ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 2 (*примеч. редактора*).

⁷⁶ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 8 (*примеч. редактора*).

⁷⁷ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 1 (*примеч. редактора*).

Xiros v. Greece («Ксирос против Греции») от 9 сентября 2010 г., жалоба № 1033/07

—Y—

Yakovenko v. Ukraine («Яковенко против Украины») от 25 октября 2007 г., жалоба № 15825/06⁷⁸

Yankov v. Bulgaria («Янков против Болгарии») от 11 декабря 2003 г., жалоба № 39084/97

Yaroslav Belousov v. Russia («Ярослав Белоусов против Российской Федерации») от 4 октября 2016 г., жалобы №№ 2653/13 и 60980/14⁷⁹

Yefimenko v. Russia («Ефименко против Российской Федерации») от 12 февраля 2013 г., жалоба № 152/04⁸⁰

Yunusova and Yunusov v. Azerbaijan («Юнусова и Юнусов против Азербайджана») от 2 июня 2016 г., жалоба № 59620/14⁸¹

Yuri Illarionovitch Shchokin v. Ukraine («Юрий Илларионович Щокин против Украины») от 3 октября 2013 г., жалоба № 4299/03

—Z—

Z.N. v. Hungary («Z.N. против Венгрии») от 8 ноября 2012 г., жалоба № 28973/11

Zarzycki v. Poland («Зажицкий против Польши») от 12 марта 2013 г., жалоба № 15351/03

Zherdev v. Ukraine («Жердев против Украины») от 27 апреля 2017 г., жалоба № 34015/07

⁷⁸ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 4 (*примеч. редактора*).

⁷⁹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2017. № 2 (*примеч. редактора*).

⁸⁰ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 1 (*примеч. редактора*).

⁸¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 8 (*примеч. редактора*).